ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА

2021 №2(X)

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

Visegrad Europe Visegrádi Európa Europa Wyszehradzka Vyšehradská Európa Visegrádská Evropa Central European Journal Közép-Európai folyóirat Czasopismo Środkowoeuropejskie Stredoeurópsky časopis Středoevropský časopis

ЦЕНТР ВИШЕГРАДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Главный редактор Любовь Шишелина

E-mail: l.shishelina@gmail.com

Зам. главного редактора Михаил Ведерников

E-mail: vishma@mail.ru

Редактор-секретарь Мария Русакова

E-mail: mjrusakova@gmail.com

Редакционная коллегия

Анджей Габарта, Ханна Н. Главачкова (Прага), Луциана Гоптова (Прешов), Владислав Воротников, Рафал Лисякевич (Краков), Егор Сергеев

Международный редакционный совет:

Леонид Горизонтов, Александр Гущин, Алексей Дрыночкин, Павел Кандель, Ежи Корнась (Краков), Петр Кратохвил (Прага), Юрай Марушьяк (Братислава), Ференц Мисливец (Кёсег-Будапешт), Аттила Пок (Будапешт), Витольд Родкевич (Варшава), Максим Саморуков

Художник: *Иван Пе́трович* **Системный администратор**:

Елена Неклюдова

Макет и верстка: Издательство «Проспект»

Журнал основан в 2018 году. Свидетельство о государственной регистрации N^2 ФС77-73431

ISSN: 2686-9756 (интернет-версия) Периодичность – 4 номера в год. Электронный адрес: visegradeurope.ru E-mail: visegradeurope@gmail.com

Учредитель: Шишелина Любовь Николаевна

VISEGRAD CENTER OF THE
RAS INSTITUTE OF EUROPE
CENTRAL EUROPEAN INSTITUTE
OF INTERNATIONAL RELATIONS

Editor-in-Chief Lyubov Shishelina E-mail: l.shishelina@gmail.com

Deputy Editor-in-Chief Mikhail Vedernikov

E-mail: vishma@mail.ru

Executive Assistant to the editors

Maria Rusakova

E-mail: mjrusakova@gmail.com

Editorial Board

Andrzej Habarta, Hana N. Hlaváčková (Prague), Luciána Hoptová (Prešov), Rafał Lisiakiewicz (Krakow), Egor Sergeev, Vladislav Vorotnikov

International Advisory Board

Leonid Gorizontov, Alexander Gushchin, Alexey Drynochkin, Pavel Kandel, Jerzy Kornas (Krakow), Petr Kratochvil (Prague), Juraj Marušiak (Bratislava), Ferenc Miszlivetz (Kőszeg-Budapest), Attila Pok (Budapest), Witold Rodkiewicz (Warsaw), Maxim Samorukov

Designer: Ivan Pétrovich IT Administrator: Elena Neklyudova

Layout: «Prospect» Publishing

Journal was founded in 2018. Certificate of State Registration № ФС 77 – 73431

ISSN: 2686-9756 (online) Periodicity: 4 issues per year.

Home page: www.visegradeurope.ru
E-mail: wisegradeurope@gmail.com

Founder: Lyubov Shishelina

Visegrad Europe / Central European Journal Visegrádi Európa / Közép-Európai folyóirat Europa Wyszehradzka / Czasopismo Środkowoeuropejskie Vyšehradská Európa / Stredoeurópsky časopis Visegrádská Evropa / Středoevropský časopis

СОДЕРЖАНИЕ

2021 Nº 2 (X)

4 К читателю

ВИШЕГРАДСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

5 Современники о «Бархатных революциях» Интервью с Гезой Есенски

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

15 Апрельский кризис в российско-чешских отношениях и его последствия для отношений России со странами Центральной Европы По материалам международного круглого стола РСМД и Вишеградского центра Института Европы РАН

ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИИ

Максим САМОРУКОВ

52 Не место для жестов. Как вернуть смысл в исторический диалог России и Польши?

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА СЕГОДНЯ

Rafał LISIAKIEWICZ

The Influence of Integration Processes on Relations between Minor and Major Players.

A Case Study of Polish-Russian Relations

Олег МИХАЛЕВ

78 Куда ведет Польшу кризис в отношениях с ЕС?

Алексей ДРЫНОЧКИН

96 Пределы сохранения опережающего роста экономики стран B4 по сравнению со странами EC

РЕЦЕНЗИИ

Никита ГУСЕВ

- **104** Трансформационные революции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Взгляд тридцать лет спустя
- 113 CONTENTS
- 114 НАШИ АВТОРЫ
- 117 ABOUT AUTHORS

Уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию второй выпуск нашего журнала за 2021 год. Его открывает интервью с одним из основателей Вишеградской группы — бывшим министром иностранных дел Венгрии Гезой Есенски, для которого 30-летний юбилей В4 совпал с личным юбилеем — 80-летием. Сегодня он и бывший президент Польши Лех Валенса остались единственными непосредственными свидетелями рождения новой региональной структуры в центре Европы, ставшей ныне старейшим объединением, возникшим после распада СССР и ориентированных на него структур.

Центральной же темой выпуска стал апрельский 2021 г. кризис в российско-чешских отношениях, всего за пару дней отбросивший их на дно, на котором они не были с до сих пор памятного для чехов и словаков 1968 года. На поверхности оказались все сдерживавшиеся полстолетия эмоции, за которыми последовали жесткие официальные обвинения. Впервые в истории Чехия на территории России была официально названа «недружественным государством», на полную мощь включились пропагандистские машины; за первыми попавшими под горячую руку дипломатами последовали потенциальные совместные экономические и культурно-просветительские проекты. В этих условиях российские и чешские ученые и эксперты собрались по приглашению РСМД и Вишеградского центра ИЕ РАН за круглым столом — материалы которого мы публикуем — чтобы проанализировать, оценить ситуацию и понять, как из нее выходить, а заодно, вместе с коллегами из Польши и Словакии спрогнозировать отношения России со странами региона в целом.

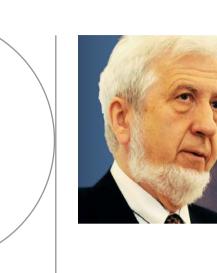
Печально, что крушение отношений России с Чехией дополнило ряд ее «сложных отношений» с другими странами региона — в первую очередь с Польшей. Об этом бескомпромиссно честная статья Максима Саморукова, предлагающая, по сути, культуру нового подхода к отношениям нашей страны с ее соседями и бывшими союзниками, по «блоку» или «лагерю», о юбилее распада которых сегодня предпочитают не вспоминать.

Продолжением темы можно считать статью Рафала Лисякевича об экономических аспектах взаимоотношений России и Польши, которые он рассматривает под углом партнеров «с разным статусом и возможностями». А статьи Олега Михалева и Алексея Дрыночкина, одна с политической точки зрения, другая— с экономической, анализируют отношения Польши и стран В4 с Европейским союзом.

Завершает выпуск рецензия Никиты Гусева на выпущенную в 2021 году Институтом славяноведения РАН книгу «Трансформационные революции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Взгляд тридцать лет спустя».

Надеемся, что открывшаяся на страницах этого номера дискуссия будет Вам интересна и полезна. Желаем приятного чтения!

ВИШЕГРАДСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

Современники о «Бархатных революциях»

Интервью с **Гезой Есенски**, одним из основателей Вишеградской группы

Геза Есенски — венгерский историк, профессор и политический деятель, один из основателей Венгерского демократического форума, министр иностранных дел Венгрии в 1990–1994 годах, посол в США, Норвегии и Исландии. Принимал активное участие в создании нового регионального объединения в восточной Центральной Европе — Вишеградской группы, документ о создании которой был подписан 15 февраля 1991 года.

Вишеградская Европа: Уважаемый Господин Есенски, в этом году Вам исполняется 80 лет. Позвольте от лица коллег, нашей редакции и читателей поздравить Вас с юбилеем. Так совпало, что в этом году Вы празднуете двойной юбилей — и свой собственный, и 30-летие со дня основания Вишеградской группы, в создании которой принимали активнейшее участие, а затем неизбежно отождествлялись с ней. Можно сказать, что это было весьма своевременное и удачное решение судя потому, что Группа существует дольше всех других союзов, которые пытались создавать после распада СССР и его структур — СЭВ и ОВД. Расскажите пожалуйста, о себе, какие моменты Вашей жизни больше всего повлияли на формирование Вашего мировоззрения.

Геза Есенски: Из нас шестерых, создавших повод для празднования дня рождения 15 февраля 1991 года уже нет в живых Йожефа Анталла, Вацлава Гавела, Кшиштофа Скубишевского и Иржи Динстбира. Так получилась, что вдвоем с Лехом Валенсой сегодня мы остались хранителями духа созидателей Вишеградского взаимодействия.

Я родился 80 лет назад — 10 ноября 1941 года. Мой отец, юрист по образованию, в то время возглавлял одно из подразделений Общего кредитного банка Венгрии (General Credit Bank of Hungary / Magyar Altalános Hitelbank), крупнейшего тогда финансового учреждения страны. Будучи ребёнком, я пережил самую мрачную — похожую на сталинскую — эпоху Ракоши. Я знал, что многие были заключены в тюрьму, что нашу семью в любой момент могли вышвырнуть из нашей квартиры и переселить в одну комнату в отдаленной деревне, как это уже было со многими знакомыми. С конца 1947 года мой отец, будучи пенсионером и не получая пенсию месяцами искал работу, пока, наконец, ему не удалось получить скудно оплачиваемую административную работу в советско-венгерской сельскохозяйственной торговой компании. В моей семье, среди друзей родителей все время говорили о политике, осуждали диктаторскую систему. Отец слушал западные радиопередачи на английском или венгерском, и я слушал их вместе с ним — насколько это было возможно — поскольку их постоянно заглушали помехами. Была наивная надежда, отразившаяся в поговорке, что мы сможем выжить в этой системе, «сидя на корточках». Однако мой отец был реалистом, он не верил, что западные освободители придут и выгонят советских захватчиков.

ВЕ. Что значат для Вас события 1956 г.?

Г.Е. После периода террора наступила вдохновляющая революция 1956 года. Так уже в 15 лет опыт сделал меня взрослым. Пару лет назад я получил фотографию от американских венгров, на которой я заснят на

огромной акции протеста 23 октября 1956 г. у статуи Бема¹, куда я пришел в числе первых. В те дни я побывал во многих очагах сопротивления венгерской столицы. 25 октября я был на Большом бульваре (Nagykörút), рассматривая следы боевых действий, как вдруг появились советские танки. В открытой башне первого из них вращался пулемет, и я буквально заглянул в его дуло. Но молодой русский солдат не нажал на курок — он увидел, что я безоружен. В течение следующих нескольких дней я ходил по местам боевых действий, видел разрушенные дома, мне приходилось переступать через тела погибших солдат, облитых хлором. Те октябрьские дни для меня незабываемы. Наконец 30 и 31 октября с мыслью о том, что революция победила, пришло вдохновение. Советские войска были выведены из Будапешта и по Свободному радио Кошута можно было услышать о восстановлении многопартийной системы, создании коалиционного правительства и выходе Венгрии из Варшавского договора. Я также помню Голос Яноша Кадара: «Мы будем небольшой, но чистой партией». Лица людей выражали счастье, почти у всех был символ свободы 1848 года — герб Кошута.

Я думал, что вырасту в свободном мире. Все хотели нейтралитета, также как и того, чтобы быть дружественными соседями с Советским Союзом. Мы не ждали НАТО, мы надеялись на солдат ООН в голубых касках, и хотели последовать примеру соседней нейтральной Австрии. Тогда это казалось правдоподобным. Я согласен с историками, которые считают, что в годы советско-американских переговоров существовала вероятность создания нейтральной зоны в Центральной Европе. И не согласен с тем, что Америка нас подло бросила. Скорее президент Эйзенхауэр был слишком осторожным военным лидером чтобы предложить переговоры советским лидерам в 1956 году. А затем пришло 4 ноября, когда, проснувшись на рассвете я услышал звук советских орудий. Я понял, что не смогу расти в свободной стране. Поэтому я с большим удовлетворением воспринял сказанные 11 ноября 1992 года президентом Российской Федерации Борисом Ельциным в венгерском Парламенте слова о том, что советское вмешательство — несмываемый позор.

ВЕ. И, тем не менее, что было после революции?

Г.Е. Весной 1957 в моей школе, гимназии Толди, появился новый учитель истории. Тогда Йожефа Анталла в наказание за его позицию во время революции перевели к нам из гимназии Этвеша. Лучшего учителя я не могу себе представить. Он был на девять лет старше, прямоли-

Ю́зеф Бем — полководец; польский генерал, главнокомандующий войск венгерской рево-люции 1848 года.

нейный, обращался к нам «на Вы», называя нас, наш класс, состоящий только из мальчиков, «господами». Он был тем молодым человеком, с которого хотелось брать пример: обладая большими знаниями, он не был высокомерным, но при этом чувствовалась душевность. Он обладал хорошим вкусом, одевался по моде. Без его непосредственного участия и организации 23 октября 1957 г., в первую годовщину революции, мой класс почтил молчанием ее героев и жертв. В качестве наказания за это мне пригрозили запретом продолжать учебу в любой средней школе страны, а затем и всему моему классу закрыли путь к поступлению в университеты.

ВЕ. И что Вы делали после окончания школы?

Г.Е. В течение двух лет я был разнорабочим, то есть, влился в рабочий класс. В 1961 году меня наконец приняли в университет, по окончании которого я получил диплом преподавателя истории и английского языка. В Будапеште, однако, не было свободных вакансий на преподавательскую работу. Лишь в одной начальной школе нуждались в учителе английского и русского языков. После десяти лет обязательного изучения русского языка мы не говорили по-русски, но считалось, что филолог вполне может преподавать детям и русский язык. Так на два года я стал школьным учителем. Тем не менее мне нравилась эта работа, однако я обрадовался предложению стать референтом по историческим наукам в Национальной библиотеке (Библиотека Сечени), в задачи которого входила сортировка книг и составление каталога. Так я попал в компанию выдающихся, но из-за их политического мировоззрения исключенных из университетов ученых. Затем, уже спустя десять лет после окончания с отличием («с красным дипломом») университета, я получил звание университетского доктора, и имея за спиной множество рецензий и опубликованных работ, я стал доцентом Университета экономических наук им. Карла Маркса. Там я преподавал историю международных отношений и венгерскую внешнюю политику. Я не вступил в правящую партию и отказался быть стукачом, секретным агентом. У меня появилась семья, круг друзей. Мы говорили более свободно, становилось возможным все больше и больше писать, ну а затем пришла смена системы. После 47 лет чрезвычайно разнообразного, в значительной степени осознанного опыта я включился в политическую жизнь приняв участие в первом большом собрании интеллектуалов, которые хотели политических перемен. Это произошло в сентябре 1987 года в Лакителеке, в той самой, ставшей знаменитой большой палатке.

ВЕ. Давайте поговорим о собрании в Лакителеке. На сайте Института и Архива смены системы (RETÖRKI) есть видеозапись той

исторической встречи, Ваше выступление. Какие эмоции Вы испытывали в тот момент? Если не ошибаюсь, Вы говорили о том, что жизненно важно донести истинные цели венгерских реформ до мировой общественности.

Г.Е. В той речи я говорил о важности правильной международной ориентации и осведомленности в происходящем. Я подчеркнул, что нашим национальным интересом является формирование правдивого, реалистичного представления о нашей стране. Я хотел донести до собравшихся, что ради достижения наших целей мы должны действовать тактически, а не таранить головой стену. «Корабль государства все еще остается парусником, и есть много ветров: восточный ветер, западный ветер. Те, кто знаком с правилами мореплавания, знают, что вы можете идти против ветра, но тогда либо правым, либо левым галсом. Сегодня мы имеем гораздо больший простор для международного маневра, нежели в предыдущие годы, и даже десятилетия, и этим необходимо воспользоваться», — я говорил об этом, и о том, что прежде всего необходимы срочные внутренние изменения.

BE. Можно ли было тогда, в 1987 году почувствовать, что перемены неизбежны? Какие опасения Вы испытывали, и когда почувствовали, что победа близка?

Г.Е. В той палатке никто еще не верил, что подавлявший нас коммунистический режим скоро рухнет, но мы все чувствовали, что можно быть более настойчивыми в требованиях расширения свободы слова, постепенного устранения болезней общества, а также чтобы правительство лучше представляло национальные интересы. В то же время я опасался, что может произойти политическое ужесточение, подавление гласности, даже арест тех, кто собрался в Лакителеке. Однако уже год спустя был создан Венгерский демократический форум (сначала как оппозиционное движение, которое позднее перерастет в политическую партию), и я сразу же вступил в него, став таким образом одним из 200 членов-основателей. Там же присутствовал и Йожеф Анталл, один из инициаторов создания ВДФ.

BE. Вишеградское сотрудничество. Как формировалась сама идея и кто впервые ее высказал: венгры, чехи, словаки или поляки? Как ее приняли политики в вовлеченных в обсуждение странах?

Г.Е. Как историк, преподаватель (в 1984–1986 гг. помимо Венгрии я работал также в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре), я занимался в основном венгерской и всеобщей историей периода 1840–1940 гг. Это была хорошая подготовка к исполнению обязанностей министра иностранных дел Венгрии в правительстве Йожефа Анталла

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

в период с 1990 по 1994 гг. В моих исследованиях я уделял особое внимание Центральной и Восточной Европе, став впоследствии одним из инициаторов Вишеградского сотрудничества. Важной задачей демократических политиков Польши, Чехословакии и Венгрии, сформированных ими в результате свободных выборов правительств, было сохранение солидарности и решимости совместных действий ради достижения общих целей. В ноябре 1990 года, во время подписания определившей контуры мира после Холодной войны Парижской Хартии для Новой Европы, премьер-министр Венгрии предложил своим польским и чехословацким партнерам, организовать в начале следующего года встречу политических лидеров трех стран в Вишеграде, где в 1335 г. уже встречались короли трех стран.

Не соглашусь с утверждениями, что инициатива исходила от Вацлава Гавела, которого я очень высоко ценю. Действительно, 9 апреля 1990 г. в Братиславе состоялась очередная встреча, в которой приняли участие главы правительств и министры иностранных дел Чехословакии, Польши и Венгрии. Но на том саммите вместе с нами были также министры иностранных дел Австрии, Италии и Югославии. Речь шла о большом политическом повороте, который все приветствовали, однако в тот раз еще не было речи о продолжении или институционализации взаимодействия. Кроме того, рамки были отнюдь не «вишеградскими», а гораздо более широкими. Еще дальше от истины то, что сближению трех традиционно дружественных Западу и антикоммунистических стран могли способствовать Европейское сообщество или Соединенные Штаты Америки.

ВЕ. О чем вы думали в момент подписания документа?

Г.Е. В Декларации о сотрудничестве, принятой Й.Анталлом, В.Гавелом и Л.Валенсой на саммите 15 февраля 1991 г. были изложены общие политические и экономические устремления наших стран, их намерение согласовывать свою политику по роспуску организации Варшавского договора (войска которого, т. е. советские солдаты, все еще находились на территории наших государств) и развитию участия в европейской интеграции. Как было озвучено в Декларации, страны выражали свое стремление «устранить все социальные, экономические и интеллектуальные формы тоталитарного режима», построить парламентскую демократию, опирающуюся на верховенство закона, современную рыночную экономику и как можно скорее принять полномасштабное участие в европейской интеграции. Для нашей делегации было особенно важно подчеркнуть, что «национальные, этнические, религиозные и языковые меньшинства должны пользоваться всеми правами, включая право на политическую, социальную, экономическую и культурную деятельность и образование,

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

в соответствии с европейскими традиционными ценностями и международными документами по правам человека.» Порывая с кругом противоречий, который разделял нас в период между двумя Мировыми войнами, мы принимали на себя обязательства проводить в отношении местных, региональных и национальных сообществ политику толерантности без ненависти, национализма, ксенофобии; то есть не враждовать и не конфликтовать с соседями.

BE. Теперь, спустя 30 лет, как вы оцениваете те события и путь Вишеградской группы: можете ли назвать их успешными?

Г.Е. Во время подписания я надеялся, что эти цели и дружба, основанная на сотрудничестве, будут достигнуты и будут прочными, но никто не ожидал, что они сохранятся в течение тридцати лет и даже углубятся и Вишеградская группа станет международно-признанным субъектом внешней политики. Позже сменявшие друг друга правительства с разными политическими взглядами увидели смысл и очевидную пользу сотрудничества, и их встречи на высшем уровне стали регулярными. После разделения Чехословакии «тройка» превратилась в четверку — В4, однако дискуссии о венгерском национальном меньшинстве в Словакии не способствовали сплочению. В течение многих лет мы вместе стремились к членству в НАТО, чтобы обеспечить нашу безопасность, пока 12 марта 1999 г. это не было достигнуто. (Однако Словакия из-за националистической политики бывшего премьер-министра Мечьяра отстала на шаг.) Переговоры, приближавшие наше членство в ЕС, также первоначально продвигались в ходе совместных консультаций.

BE. Что бы Вы хотели выделить как самые удачные и не очень из моментов в истории «четверки»?

Г.Е. Для меня, помимо момента основания, есть еще несколько запоминающихся, наиболее ярких воспоминаний: Октябрьский саммит в Кракове в 1991 г. с торжественной мессой в Вавеле; подписание соглашения об ассоциации с Европейским сообществом 16 декабря 1991 г.; встреча в Праге в январе 1994 г. с президентом Клинтоном, который подтвердил, что расширение НАТО произойдет и является лишь вопросом времени; и мое прощание в июле того же года с моим министерским мандатом и вишеградскими коллегами в Варшаве. Конечно, я был очень рад приветствовать все последующие обсуждения в рамках В4, которые углубляли и улучшали сотрудничество, в частности Декларацию, подписанную в 2004 г. в Кромержиже, объявившую о возрождении вишеградского сотрудничества. К воспоминаниям в негативных тонах я бы отнес пренебрежительное отношение к Вишеграду Вацлава Клауса — тогдашнего премьер-министра Чехии — (который бросил: «чтобы даже секретаря не

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

было!») или когда летом 1993 г. вместе с Владимиром Мечьяром — главой правительства Словакии — они заблокировали принятие уже разработанного документа о защите национальных меньшинств.

Во время кризиса с беженцами в 2015 г. В4 пришлось столкнулся с «Wilkommenskultur», объявленной канцлером Германии А.Меркель, с политикой готовности приема масс экономических переселенцев («мигрантов») в Союз, в ходе которого ее лидеры высказали взгляды, сразу по нескольким вопросам противоречащие большинству в ЕС. Венгрия, возглавляемая Виктором Орбаном, сыграла в этом ведущую роль. Лондонский журнал Economist поспешил написать о «большом плохом Вишеграде» («big bad Visegrad»), и некоторые уже предсказывали, что Европа снова расколется, примерно вдоль бывшего Железного занавеса, и что инициаторами могут стать вишеградцы. Я думаю, что «V4-ехіт» был бы трагедией, и не только для восточной половины Европы. Следствием такого шага может быть нищета, диктатура, а там не исключено, что и война. Но это могут увидеть и предотвратить только сами жители Вишеграда, только общая воля его избирателей.

Вишеград может быть хорошим, позитивным примером для других, соседствующих стран, в том числе и для конкурирующих друг с другом, питающих исторические обиды в отношении других государств или объединений. Само слово означает Высокий Замок. Я желаю, чтобы этот Высокий Замок был крепким замком, маяком хорошего направления для нас и для других.

ВЕ. Не могу не воспользоваться Вашим любезным согласием на интервью, чтобы задать еще один важный с точки зрения развития «восточной политики Венгрии» вопрос. Давайте вернемся к 6 декабря 1991 г. Перелет делегации во главе с Йожефом Анталлом по маршруту Будапешт — Москва — Киев — Будапешт. Подписание Договоров о дружественных отношениях и сотрудничестве. Как вы оцениваете это время спустя три десятилетия? Тем более что это были последние Дни Советского Союза, т.е. практически ровно 30 лет назад?

Г.Е. Суть западной политики правительства Анталла заключалась в подготовке к вступлению в евроатлантическую интеграцию. 1 апреля 1994 г. я подал заявку Венгрии на прием в Европейский союз. Наша восточная политика ни в коем случае не была каким-то поворотом или даже разрывом с советской Россией. Восстановив свой суверенитет, мы сохранили хорошие отношения с возглавляемым М.Горбачевым Советским Союзом, а затем и с его преемником — Российской Федерацией. Очень впечатляющим и важным проявлением этого стали события 6 декабря 1991 г., когда венгерская правительственная делегация во главе

ЗИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

с премьер-министром Йожефом Анталлом отправилась в Москву, чтобы подписать Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве с М.Горбачевым, президентом все еще существовавшего на тот момент Советского Союза; а часом позже — с Борисом Ельциным, президентом России, в качестве равноправного суверенного партнера. Они заменили собой прежний — лицемерный и пустословный — Договор о дружбе документом с намерениями подлинного и добровольного сотрудничества. После двух торжественных церемоний мы в тот же день вылетели в Киев, чтобы подписать первый международный Договор с Украиной, которая восстановила свою независимость спустя более трехсот лет. Как историк и политик, я вспоминаю эту дату как один из лучших дней в моей жизни, завершение плохих воспоминаний и начало нового многообещающего соседства.

Как известно, 8 декабря 1991 г. Россия, Украина и Беларусь создали Сообщество независимых государств (СНГ), а 21 декабря (как раз в день рождения Сталина) восемь других государств присоединились к встрече лидеров советских республик в Алма-Ате. В заявлении венгерского правительства в этой связи говорилось, что «Михаил Горбачев и его политика сыграли огромную роль в том, что тоталитарная система прекратила свое существование в одной шестой части мира и открыли путь к мирным системным изменениям в странах Восточно — Центральной Европы. [...] Правительство Венгерской Республики ценит политическую мудрость и достоинство Президента Горбачева, добровольно покинувшего свой пост после преобразования Советского Союза и уступившего дорогу дальнейшим необходимым демократическим изменениям. [...] Мы поддерживаем стремление Российской Федерации занять место Советского Союза в Организации Объединенных Наций и в ее Совете Безопасности. [...] Мы приветствуем целенаправленную и ответственную политику лидеров государств-преемников по созданию необходимых условий для мирного, демократического преобразования Советского Союза.»

В конце 1991 года Венгрия и весь мир с оптимизмом смотрели в будущее, потому что казалось, что холодная война и противостояние Великих держав завершились, что благородные принципы Устава ООН наконец-то восторжествуют и что народы Центральной Европы также похоронили свою историческую вражду. Тридцать лет спустя все это кажется иллюзией, но как цель это все еще актуально и сегодня.

CONTEMPORARIES ABOUT THE "VELVET REVOLUTIONS"

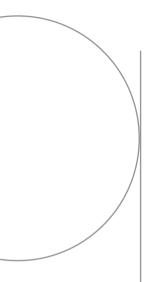
The Visegrad interview with Géza Jeszenszky, one of the founders of the Visegrad Group

In this interview on the occasion of his own 80-th birthday and the 30-th anniversary of the establishment of the Visegrad Group Géza Jeszenszky reminisces the key events of his life and political career and reflects upon main stages of the Visegrad group's creation and interaction between Central Europe and Euro-Atlantic institutes. The whole life of the Hungarian ex-Foreign Minister Géza Jeszenszky is closely intertwined with Hungary's national strive for democracy: he participated in the Revolution of 1956, was taught by József Antall, the first Prime-Minister of democratic Hungary, was one of the founders of the Hungarian Democratic Forum in Lakitelek and, as a Hungarian foreign ministry, played significant role in the creation of the Visegrad Group and the accession of Hungary to the Euro-Atlantic structures. He notes that this path was not smooth as not all countries of Central Europe were equally interested in the euro-atlantic or even Visegrad integration.

Although the author focuses on the triumph of democracy in the Central Europe and their eventual accession to the democratic world, Council of Europe, European Union and NATO, he also acknowledges the positive dynamics of the Yeltsin's Russia foreign policy, constructive integration of the former Soviet republics in the CIS format and stresses that Hungary, despite its troublesome legacy of relations with the Soviet Union, has never turned away from Russia and eastern dimension of its foreign policy at large.

Jeszenszky is concerned about the negative image Visegrad group got in the eyes of mass-media and politicians when it opposed the German "Wilkommenskultur" during the 2015 refugee crisis. On the contrary, he claims that the Visegrad group may serve as a working example of regional integration, cooperation between neighboring countries and overcoming historical rivalry and troublesome past. The author underlines that, despite all the turbulence in world politics of the last 30 years, Central Europe is an integral part of the European Union and democratic world, and the optimistic vision of the future in 1991 should still be seen as a goal, not an illusion.

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Апрельский кризис в российско-чешских отношениях и его последствия для отношений России со странами Центральной Европы

Международный круглый стол по инициативе РСМД и Вишеградского центра Института Европы РАН

12 мая 2021 года состоялся международный круглый стол «Апрельский кризис в российско-чешских отношениях и его последствия для отношений России со странами Центральной Европы». Его организаторами стали Российский совет по международным делам (РСМД) и Центр Вишеградских исследований Института Европы РАН. В мероприятии приняли участие ведущие российские эксперты по региону Центральной Европы и их коллеги из центральноевропейских стран (Чехии, Польши, Словакии). Ученые обсудили причины апрельского 2021 г. кризиса, на тот момент проявившегося во взаимной беспрецедентной по масштабам высылке дипломатов и объявления Чехии «недружественной страной», со всеми вытекающими из этого статуса последствиями; дали оценку нынешнему состоянию двусторонних отношений и обрисовали возможные пути разрешения конфликта. Важное место в дискуссии было отведено прогнозированию будущих моделей взаимоотношений РФ с Чехией и другими странами Центральной Европы в ближайшей и среднесрочной перспективе. Российскую сторону на круглом столе представили И.Н. Тимофеев, программный директор Российского совета по международным делам (РСМД); Л.Н. Шишелина, заведующая Вишеградским центром и Отделом исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН; В.Б. Белов, заместитель директора Института Европы РАН, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований; М.М. Саморуков, заместитель главного редактора Carnegie.ru; Э.Г. Задорожнюк, заведующая Отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; А.А. Габарта, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России; И.В. Юшков, преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий аналитик Фонда национальной энергетической безопасности; А.С. Четверикова, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО РАН. Взгляд из Праги представили П. Кратохвил, старший научный сотрудник Центра европейской политики Института международных отношений в Праге; В. Гандл, научный сотрудник Института международных исследований Факультета социальных наук Карлова университета (Прага). Польская позиция была озвучена В. Родкевичем, старшим научным сотрудником Центра восточных исследований (Варшава) и Р. Лисякевичем, доцентом Экономического университета в Кракове. От Словакии выступил Ю. Марушьяк, старший научный сотрудник Института политических наук Словацкой академии наук.

ИВАН ТИМОФЕЕВ¹: Приветствую, Вас, дорогие друзья! Хочу сказать большое спасибо Любови Николаевне за ее идею собрать нас сегодня, и за её энергию, которая позволила в столь краткие сроки вовлечь представительный состав экспертов в дискуссию и достаточно оперативно отреагировать на то, что происходит в российско-чешских отношениях. Первоначально мы хотели сделать эту встречу еще раньше и у нас была внутренняя дискуссия о том, не надо ли дать экспертную рефлексию быстрее. Но, в конечном итоге, мы пришли, на мой взгляд, к правильному выводу, что лучше дождаться той точки, которая зафиксирует кризис и даст больше определенности для экспертов, чтобы прийти к более взвешенной оценке. По моему мнению, как раз позавчера мы прошли эту точку. Была реакция главы дипломатии Евросоюза Жозепа Борреля на происходящие события и официально была поддержана позиция Чехии, но при этом, по всей видимости, был остановлен цикл высылки дипломатов, что в некоторой степени фиксирует тот кризис, который происходит на достигнутых уровнях. Мне кажется, нам необходимо провести спокойный и фактологический разговор о том, что привело к кризису, как снизить издержки от этого кризиса и что ожидать в будущем.

У того, что происходит, очень много неясностей и у нас, у экспертов, очень много вопросов. Мы уже не в первый раз сталкиваемся с кризисной ситуацией, когда в отношениях России с ее партнерами и соседями на международной арене происходит некоторый инцидент, и в нем остается много белых пятен. Мы, ученые, любим, когда у нас есть источники, фактура и когда можно опереться не только на какие-то предположения, но и на железные факты. По возможности, сегодня мы попробуем разобраться с тем, что у нас реально есть, какие выводы можно из этого сделать и как из этой ситуации выбираться и следует ли выбираться из этого кризиса в обозримой перспективе. Возможно, проще было бы оставить все на своих местах? Это, конечно, не утверждение, но один из сценариев.

На этом хочу завершить некое вводное слово. Еще раз хочу поблагодарить всех коллег, которые откликнулись на нашу просьбу принять участие в сегодняшней встрече. Очень хотелось бы, чтобы такие встре-

¹ **Иван Николаевич Тимофеев** — программный директор Российского совета по международным делам (РСМД). Член РСМД.

чи происходили чаще. То, что происходит на официальном уровне, не должно ограждать наши коммуникации на экспертном уровне. Кризис и отгораживание на первом треке не должны быть препятствием для обмена мнениями на втором треке, от этого первый трек только выиграет. Сегодня я рассчитываю на честный и откровенный обмен мнениями по накопившимся проблемам. Любовь Николаевна, передаю Вам слово.

ЛЮБОВЬ ШИШЕЛИНА²: Дорогие Коллеги! Прежде всего хочу всех поблагодарить за то, что нашли время, а также смелость обсудить с нами создавшуюся ситуацию. Она выглядит действительно удручающе. Меня лично не оставляет ощущение, что что-то надо делать, и как можно быстрее. Ущерб, нанесенный нашим отношениям несколько дней назад действительно непоправим, по крайней мере в ближайшем будущем. Это и побудило меня к написанию для РСМД статьи буквально по следам произошедшего, которую я назвала «Драматический weekend pocсийско-чешских отношений»³. Собственно, со времени самого события и написания мною статьи об апрельском кризисе прошло не так много времени — всего пара недель — и, увы, пока в этом деле не появилось каких-то оптимистичных поворотов. Наоборот, с обеих сторон продолжается нагнетание ситуации, разогрев эмоций, соревнование в навешивании ярлыков и сомнительное с точки зрения исторической перспективы самолюбование нанесенными другой стороне уколами. Это, к примеру, уже отразилось в интерпретации в Чехии празднования у нас светлого дня Победы, с которым хочу поздравить коллег, поскольку собираемся сегодня в послепраздничные дни. Дошло до того, что оппозиция интерпретировала присутствие Посла Чехии в России господина Витезслава Пивоньки на торжественном параде на Красной площади как «участие в шествии российской армии в честь... Петрова и Боширова»! Страшно

- Любовь Николаевна Шишелина заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН, эксперт РСМД.
- 3 Шишелина Л. Драматический weekend российско-чешских отношений. PCMД. 28.04.2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dramaticheskiy-weekend-rossivsko-cheshskikh-otnosheniy/

предположить, как далеко мы можем так зайти. В свою очередь в эти дни не оставляет мысль, что с нашей стороны неадекватность действий заключается в том, что удар был нанесен по посольству, которое единственное в Москве все годы — за исключением последнего, когда был карантин — собирало и поздравляло с праздником советских, российских ветеранов войны. Вот это отсутствие жеста, желания понять страны региона в их реакции, конечно удручает.

Если вернуться непосредственно к апрельским дням... Что видится более отчетливо сегодня? На мой взгляд — главная трагическая фигура тех событий — это господин Гамачек, оказавшийся сразу на трех важнейших постах — вице-премьера, министра иностранных дел и министра внутренних дел Чехии одновременно. Что-то очевидно не сложилось, не сработало в его планах, может быть и не лишенных здравого практического смысла. Ведь действительно — в Чехии близятся выборы, рейтинг правящих партий на низшей точке, и на этом фоне бушует эпидемия, в стране недостает вакцин... Соседние страны интересуются российским Спутником и кажется он работает... Хотя он уже свел с орбиты правительство соседней Словакии, а после оказалось, что обвинения в отношении российского препарата были беспочвенные. В Чехии в те дни каким-то удивительным образом сошлись в одной точке предвыборная кампания, тендер в Дукованах и российский «Спутник». За всем эти не может не стоять какой-то элемент и внутриполитической борьбы. Еще нет окончательной ясности, в том, виновата Россия или нет, но боевые действия уже пошли.

Мне это напоминает случай с замойскими цыганами из Венгрии которые оказались в 2001 году Страсбурге, чтобы пожаловаться там на венгерское правительство. Тогда тоже в Венгрии бушевали слухи о причастности российских спецслужб, которые якобы цыган туда доставили... Но время прошло, забыли и про цыган, и про спецслужбы... Но свою лепту в ослабление международных позиций венгерского правительства те события внесли.

Теперь о позиции Москвы. Она оказалась чрезмерно резкой, не симметричной, скорее асимметричной. В беспрецедентном по количеству списке высланных оказался и заместитель Посла. Деятельность чешского посольства в Москве оказалась полностью парализованной и к этому добавился титул «недружественной страны» со всеми вытекающими последствиями. На днях прочитала статью бывшего министра иностранных дел РФ И. Иванова на сайте РСМД, где он пишет, что мы переусердствовали с высылкой дипломатов. Он приводит цифру, что только за последние годы — свыше 600 работников дипмиссий покинули Россию или вернулись в нее, были объявлены персонами нон-грата... Не идет ли здесь дело об элементарном непрофессионализме, когда,

буквально говоря, в ход идут самые незамысловатые инструменты выталкивания из страны...

Недовольство в Чехии деятельностью и масштабами российского посольства были давно известны. Можно было как-то на это отреагировать раньше, можно было начать переговоры об адекватном нынешней ситуации дипломатическом представительстве. Но этого не произошло.

Еще утром 19 апреля чешская сторона давала понять, что не рассчитывала на столь жесткую реакцию Москвы. 21 апреля новый министр иностранных дел господин Кулханек предложил компромиссное решение — вернуть в Москву дипломатических сотрудников и сесть за стол переговоров. Напомню, это было еще до вылета российских дипломатов из Праги. А затем последовал и еще один жест — присутствие посла Чехии на параде в Москве. Однако, ничего не было сделано, не было ни малейшей попытки уцепиться за эти сигналы, чтобы выйти из зоны повышенной турбулентности. Повышая численность и статус высылаемых дипломатов, Москва, похоже, работала на дальнейшую эскалацию конфликта. В результате наши отношения спикировали на самое дно. Как это объяснить?

Иван Николаевич сказал во вступительном слове — а может ничего и не надо делать, а оставить всё как есть? Я как человек уже достаточно долго профессионально изучающий политику региона и его международные отношения не могу с этим согласиться. По-моему, надо что-то делать и как можно скорее. Посольство Чехии, чешский квартал — или «чешская слобода» в центре Москвы давно стали частью культурной и деловой жизни Москвы. И лишиться этого явления будет жаль, как и множества других культурных связей. Всё разрушить — легко, куда легче, чем сохранять и развивать.

Кризис на время стал событием номер один в Чехии, оттеснив на задний план и неудачи в борьбе с ковидом, и падение популярности правительства, и претензии Брюсселя к премьер-министру. За всем стоит очень сложное сплетение событий и интересов, о которых мы, возможно, никогда и не узнаем. Ясно, пока лишь то, что он стал элементом новой предвыборной борьбы. Хотя мне кажется, что как раз в интересах России разобраться в произошедшем и принять меры, чтобы подобное осталось в прошлом.

Многих до сих пор не покидает надежда, что произошедшие после громких заявлений 17–18 апреля 2021 г. взаимные массовые высылки дипломатов останутся в истории отношений двух стран только как «апрельский кризис 2021 г.» — не перерастут, как то прогнозируют некоторые наши и чешские эксперты, в «очередной 1968 год». Последствия тех событий мы до конца не преодолели за прошедшие

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

53 года. И если сегодня не будут найдены способы цивилизованного и взаимоприемлемого разрешения конфликта, в первую очередь дипломатические, то эти прогнозы вполне могут сбыться. Увы, мои надежды на то, что ситуацию еще можно убрать обратно в бутылку, не оправдались. Это Джинн,... и его туда обратно не затолкать. Оптимизм вселяет лишь то, что мы с Вами как эксперты можем проанализировать произошедшее, разобраться в причинах и начать думать, как это можно преодолеть. Судя по тому, что под руку попали и несколько бизнес-проектов, то мы, ученые, а также рядовые граждане — по крайней мере в России — остаемся сегодня единственным звеном коммуникации. Большинство россиян не согласны с объявлением Чехии враждебной страной, сочувствуют чешскому посольству, дипломатам, которых выслали, проектам, которые уже не состоятся. Я многие годы наблюдаю за тем, как выстраивается политика в отношении центральноевропейских стран и не нахожу этому логического объяснения начиная с того, что регион в целом исчезает из концептуальных документов нашей внешней политики. Тон разговора постоянно повышается, причем с обеих сторон. Как показали последние события — Россия все еще пытается выступать в роли «старшего брата», капризного патрона, часто оперируя некоей воображаемой картиной происходящего в регионе и его странах, созданной в уже ставшие историей для Праги, Будапешта, Варшавы и Братиславы советские времена.

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

В результате апрельского кризиса, как карточный домик начали обваливаться отношения и с другими странами непростого для России региона — медленный, но поступательный прогресс в отношениях с которыми достигался десятилетиями. Последовали высылки российских дипломатов из Словакии, Литвы, Латвии, Эстонии, Румынии. С осуждением действий России выступили НАТО и Евросоюз, Вишеградская группа. Руководители государств обещали помощь своих диппредставительств в Москве оказавшемуся в трудной ситуации посольству Чехии. Фактически, в результате конфликта, начавшегося 17 апреля, в регионе обозначились тенденции, откатывающие ситуацию в отношениях с Россией в период «до бархатных революций».

Входит ли это в интересы России, этого ли она добивалась три десятилетия? Однозначно нет. Скоропалительный выстрел возглавляющих правительство Чехии партий, скорее всего не поможет и им в предстоящей избирательной кампании. Совершенно невнятно выступил со своей оценкой событий 25 апреля молчавший целую неделю президент Милош Земан. Он заявил, что существуют две версии, над которыми предстоит еще работать. По одной из них — взрыв произошел сам по себе по причине халатности; по другой — упомянутые

российские граждане в тот момент находились в Чехии, но не доказано, что именно в данном регионе. Тем временем оппозиция продолжила свою борьбу за недоверие правительству и обвинила президента в государственной измене.

Таким образом, в канун выборов в Чехии можно ожидать серьезных политических потрясений, в которые Россия оказалась втянутой. Можно даже сказать — в известной мере «подставилась», долгие годы игнорируя сигналы о нарастающем недовольстве в Праге, отказываясь от концептуально нового подхода в отношениях со странами центральноевропейского региона.

И еще несколько соображений, как ответ на поставленный вопрос— а надо ли что-то делать.

Первое соображение — мы непосредственные соседи по континенту. Нас многое связывает в культурном отношении. У нас и хорошее, и трагическое общее прошлое, но чешско-словацко-российские отношения всегда были особенными. Мы хорошо начинали вместе на пути реформ, у нас взаимозависимые рынки и много важных проектов в области науки, образования и культуры. Мы не должны забывать, что восстановление наших отношений с Европой в целом после кризиса 2014 года произошло через этот регион. Уже четвертое десятилетие вишеградские страны, как и балтийские и балканские ведут независимую политику, выбрав себе новых союзников, но в силу ряда причин все это время пытаются сохранить хорошие отношения и с Россией. Это необходимо замечать и ценить соответственно. У большинства центральноевропейских стран есть особые программы отношений с нашей страной. Если Россия претендует на роль державы, в данном раскладе хотя бы региональной, ей стоит вернуться к вопросу о выработке концептуальной политики в отношениях с государствами Центральной Европы и четко следовать ей, используя дипломатию во благо, а не во вред отношениям.

Путь назад, к состоянию «до 17 апреля», до «трагического weekend`а» будет непростым и небыстрым, учитывая менталитет Чехии и других государств региона. Этот менталитет родился не сегодня и даже не в советские времена, он существовал здесь имманентно, в некотором роде определяя геополитическую важность региона.

ПЁТР КРАТОХВИЛ⁴: Спасибо, Любовь, еще раз за приглашение, и мне особенно приятно быть здесь, потому что кажется, что количество открытых каналов связи между нашими двумя странами сокращается. Этот академический диалог может быть одним из немногих, оставшихся для нас, поэтому я очень рад, что благодаря Вам мы поддерживаем этот канал открытым и живым. Я искренне ценю это. Я не собираюсь описывать предысторию событий, взрыв, расследование и больше сосредоточусь на дипломатических действиях. Хочу обратить ваше внимание на статью Л.Н. Шишелиной под названием «Драматический weekend российско-чешских отношений», которая действительно представляет эволюцию кризиса. Это одна из лучших статей, которые я читал о предыстории этих событий. Так что я действительно ценю это, я отправил ее своим чешским коллегам, которые испытывают своего рода недоверие к чему-либо, исходящему из России. Она является свидетельством более сложной картины России, которая, конечно, становится чрезмерно упрощенной в чешском контексте. В своем выступлении я хочу поднять четыре вопроса:

- первый о разнице между ситуацией в Чехии и некоторых других странах Центральной Европы и взглянуть на события более широко;
- затем второй вопрос о преобладающем восприятии того, чем кризис был и есть сегодня как для чешской общественности, так и чешской элиты;
- номер три о влиянии политики великих держав и внутренней политики на ход событий, как они разворачивались;
- и, наконец, еще раз более общий вывод о стратегиях России в регионе, поскольку я вижу, что применяются две основные стратегии.

Итак, позвольте мне начать с того, что я считаю, что, это, без преувеличения, величайший двусторонний кризис в российско-чешских отношениях за последние 30 лет. Были взлеты и падения. Очевидно, что их было много. Но последний случай мне кажется гораздо более серьез-

4 **Петр Кратохвил** — старший научный сотрудник Центра европейской политики Института международных отношений в Праге.

ным. И я боюсь, что последствия этого кризиса еще долго будут с нами, надеюсь, что не 50 лет, как вы считаете, но определенно, на долгие годы.

Исторически сложилось, что чешско-российские отношения были гораздо более устойчивыми по сравнению с конфликтами, подобными польскому или многонациональным конфликтам. Особенно, если посмотреть на общественное мнение, то можно привести несколько примеров. Если вы посмотрите на опросы общественного мнения в Чешской Республике в долгосрочной перспективе, исторически сложилось так, что обычно 2/3 людей более или менее с недоверием относятся к России и лишь около одной трети относятся к ней относительно дружелюбно. Это уже устоявшееся разделение в стране. Конечно, с обеих сторон есть крайности, но они не столь существенны. Отношение менялось несколько раз и всегда происходило по одной и той же схеме. Косовский кризис 1999 г., вскоре после того, как Чехия вступила в Североатлантический альянс, война в Грузии в 2008 г. и несколько более серьезный негативный всплеск в отношениях из-за войны на Украине. Но всегда, даже после войны на Украине, мы наблюдали постепенное возвращение примерно к одному и тому же проценту — две трети и одна треть. Сейчас мы видим беспрецедентное изменение общественного мнения. И мы можем проанализировать насколько оправдано это изменение, поскольку оспаривать сам факт изменений в общественном восприятии невозможно. Почти две трети, по данным этого единственного опроса, относятся к России не просто негативно, но и считают ее прямой угрозой. Для меня было удивительно, что 20% населения видят в России угрозу. Опять же, по сравнению с предыдущими событиями, когда это обычно были однозначные числа, типа 2% или 4%. Даже, кстати, в разгар украинского кризиса. Так что по сравнению с предыдущими проблемами, которые у нас возникали на двусторонней или многосторонней основе, данный случай намного серьезнее. Другой пример — есть левое и типично пророссийское СМИ Novinky.cz, и они опубликовали опрос среди своих читателей. Я ожидал привычных 9:1 в пользу дружественных к России взглядов, но во время последнего опроса по следам недавних событий 6 из 10 человек ответили, что Россия враждебно настроена по отношению к Чехии. Вы видите, что даже среди того сегмента общества, который традиционно более дружелюбен к России, напряженность и негативное отношение становятся обычным явлением. Также следует учитывать, что у нас очень поляризован парламент. Члены парламента почти всегда разделены. Когда же недавно проводилось голосование по докладу спецслужб, то «против» открыто проголосовали лишь два члена парламента. 83 депутата из 100 проголосовали «за». Таким образом, это показывает, что в нынешней ситуации очень мало депутатов и публичных политиков готовы открыто

выступить против этого мейнстрима. Это также стало неожиданностью. И здесь стоит задаться вопросом: почему с исторической точки зрения сравнение Чешской Республики с Польшей или странами Балтии является неправильным; как и утверждение, что ситуация и общественное мнение в Чешской Республике сильно отличаются от той, которая определяет отношение к России в Польше. Недавнее развитие событий показывает, что произошла своего рода конвергенция. Теперь вопрос в том, насколько она долгосрочна. Мы, безусловно, наблюдаем сближение политических взглядов среди населения и элиты. Таким образом, это пункт номер один.

Пункт номер два. Я разговаривал со своими друзьями, которые работают в МИД Чехии. Я попросил их высказать свое мнение о том, как они воспринимают кризис, каковы были поворотные моменты для этого разлада. Интересно, что для большинства — и снова обращаю внимание на статью Любови Николаевны — поворотным моментом стала реакция России на высланных дипломатов. Это довольно интересно, потому что обычно поворотным моментом называют само публичное разоблачение. Но на самом деле для чешских дипломатов это было не так. Я разговаривал с ними перед российским ответом, и они ожидали, что всё будет в обычном режиме: мы действительно не заинтересованы в дальнейшей эскалации, поэтому мы выслали 18 дипломатов, дав им время покинуть страну. Ожидали, что и российская сторона поступит так же. Они вышлют 18 чешских дипломатов того же ранга, в те же сроки. Однако, как все мы видели, на самом деле всё было не так. Это были лица с более высокими рангами, большее количество и им было отведено всего 24 часа. Так что даже группа дипломатов, которые считались дружелюбными по отношению к России, например, те, кто учился в МГИМО, промолчали. После этого в стране возникла эмоциональная ситуация, когда даже обычно пророссийские и нейтральные СМИ начали говорить, что реакция была слишком сильной. А потом последовал ультиматум. Я должен сказать, что мне действительно не понравился этот шаг, когда МИД Чехии заявил, что вы либо делаете это, либо покидаете страну. Если маленькая страна угрожает большой, это всегда странно. Так что мне не понравился такой ультиматум, но я понимаю, как он появился. Поскольку среди политической элиты было ощущение, что после того, как мы попытались снизить эскалацию, Россия пошла на обострение. Вы, возможно, заметили это, если следили за публичными заявлениями как Гамачека, так и нового министра иностранных дел Кулханека. Они всегда начинали свои выступления со слов: «Мы не хотим дальнейшей эскалации, мы заинтересованы в нормальных отношениях с Россией». Но в этой ситуации, конечно, в чешской дипломатии произошел поворот. И я думаю, что это был момент, когда всё вышло из-под контроля и произошла эскалация

конфликта, что прискорбно. И я думаю, что в данном контексте в этом не было необходимости. Даже наш президент, который является наиболее яркой пророссийски настроенной фигурой в чешской политике, промолчал. Это что-то совершенно беспрецедентное в условиях такого кризиса, когда президент молчит уже неделю. Исторически этого никогда не было, и это показывает, что даже президент опешил от накала событий.

Пункт номер три заключается в том, что с обеих сторон — однако чаще в России — можно услышать, что Чехия стала марионеткой американцев. Это все политика великих держав, и мы действительно не должны смотреть на внутреннюю ситуацию в стране. В некоторой степени я согласен с тем, что это время связано с приходом к власти новой администрации Дж. Байдена и его новым подходом к России, чем был у президента Д. Трампа и т.д. Я согласен со всем этим. Но в то же время я думаю, что мы не поймем, почему это произошло именно в этот раз, без оглядки на внутреннюю ситуацию: октябрьские выборы, борьба между президентом и спецслужбами, а тем более между президентом и правительством. Премьер-министр А. Бабиш и президент были давними союзниками. Это определяющая черта нашей внутренней политики как минимум последние 5 лет. Но эта связь, этот союз сейчас разорвался. Впервые премьер откровенно не согласился и фактически пошел на конфликт. Для понимания произошедшего мы должны также изучить внутренние проблемы.

И последнее, что я хочу сказать, касается более общей ситуации в отношениях между Россией и странами Центральной Европы. Я обобщаю и упрощаю, но мне кажется, что можно выделить две общие стратегии сотрудничества России с некоторыми политическими игроками в этом регионе. То, что я называю стратегией мейнстрима, когда Россия сотрудничает в основном с правящей партией. Например, в случае с Венгрией отношения довольно-таки дружеские и существует сотрудничество с премьер-министром В. Орбаном. Сейчас он заблокировал резкое заявление Вишеградской группы. Это пример сотрудничества с политическим мейнстримом. Но есть и противоположный пример, для которого характерно сотрудничество с пророссийскими силами, которые находятся как на крайне правом, так и на крайнем левом фланге. Типичным примером может служить пророссийский голос в Германии — Альтернатива для Германии, во Франции — Национальный фронт Марин Ле Пен. Я говорю об этом потому, что Чешская Республика была чем-то вроде промежуточного варианта. Были крайне правые и крайне левые партии, где коммунисты — крайние левые и «Свобода и прямая демократия» — крайне правые. Но также был и президент. Так что состояние было промежуточное, и в этом смысле это был интересный пример. Итак, куда пойдут отношения в будущем — в сторону мейнстрима или

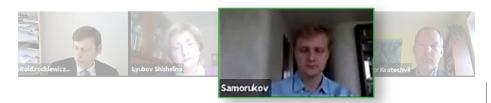
политических крайностей. Пока есть лишь одно очевидное последствие этого кризиса, это сокрушительное поражение президента Земана. Если вы видели первое интервью, которое он дал после недели молчания на дружеском телеканале, представители которого обычно задают ему некритические вопросы, то президент сидел скрестив руки, нахмурившись, вел себя агрессивно по отношению к интервьюеру. По выражению лица было видно, что он действительно очень недоволен ситуацией. Как я уже сказал, следствием этого стал слом структуры альянса, существовавшего между правительством, премьер-министром и президентом. Таким образом, Россия в отношении Чешской Республики, как мне кажется, отошла от первой стратегии и будет использовать вторую, к которой прибегает в других странах, где она обращается к крайним силам. Я считаю, что это обреченная на провал стратегия. Первая стратегия, с российской точки зрения, намного более успешна, чем вторая. И, конечно, список враждебных стран, в котором Чехия указана вместе с США, я считаю не совсем оправданным. Российская сторона подтверждает: «Да, мы согласны, мы проиграли борьбу, поэтому переводим Чехию в группу стран, настроенных враждебно». Что, как я уже сказал, не совсем оправдано. Это мой честный анализ ситуации. Спасибо.

ВЛАДИСЛАВ БЕЛОВ⁵: К сожалению, события в Чехии рядом стран, в первую очередь, Германией включены в стандартную антироссийскую картину. Об этом говорит и кандидат от Европейской народной фракции Европарламента господин М.Вебер. То, что сейчас обсуждается, и попытки возврата к некому конструктиву, которые в любом случае оставят следы, про которые сказала Любовь Николаевна, к сожалению, вписываются в российско-чешскую и чешско-российскую историю и не будут так быстро или вообще не будут учтены в том фактологическом ряду, который выстраивают антироссийски настроенные немецкие политики. И, к сожалению, это будет встраиваться в предвыборную кампанию, где Россия

5 **Владислав Борисович Белов** — заместитель директора Института Европы РАН, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований, эксперт РСМД.

будет рассматриваться в качестве неблагонадежного партнера. Более того, Вебер в тот день, когда буквально пару дней назад господин Х.Маас говорил о необходимости не просто протянуть руку Москве, но и об ожидании того, что Москва ответит положительно (возможно здесь господин Маас имел в виду и Чехию), разразился тирадой, дескать «с кем здесь можно разговаривать?», дав понять, что Москва нерукопожатна и т.д. Очень хотелось бы, чтобы, по крайней мере, такого рода обсуждения, как сегодня, и конкретные факты поиска решения ситуации, которая сейчас находится почти в тупике, все-таки обсуждались нашими коллегами. Любовь Николаевна спросила, какое отношение имеют события в Чехии к отношениям Россия — Германия. К сожалению, непосредственное. Это формирует дополнительные настроения в пользу принятия очередных шагов, кстати «Северный поток» также прозвучал в контексте Чехии. Иван отметил, и сегодня, наверное, будет еще подниматься разговор и о «Росатоме» и т.д. Поэтому, мое послание внешнему экспертному окружению — встраивать эти крупинки конструктива, который мы сегодня обсуждаем, в контекст дискурсов в других государствах. Пока в основном я, конечно, вижу Германию, в меньшей степени другие государства, которые определяют те или иные настроения в Европейском парламенте. Мне понравилось, как Иван сказал, что «мы не любим белых пятен, мы любим факты и фактуру». По крайней мере вот эта положительная фактура, мне кажется, может стать определенным кирпичиком в том фундаменте, на который мы сможем снова опереться. Коллеги, желаю дальнейшего хорошего, конструктивного обсуждения. Спасибо!

МАКСИМ САМОРУКОВ⁶: Я продолжу. Иван предлагал поговорить о фактах. Мне кажется, что тут о фактах говорить особо смысла нет, потому что вопросов много со всех сторон, и поэтому упомяну один, который удивляет меня больше всего. Тема того, что речь идет о поставках оружия в воюющую страну, как бы вообще не обсуждается. То, что речь идет о поставках оружия в воюющую страну из страны Евросоюза, и, заметим, что на тот момент, ведущие страны, типа Германии и Франции

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

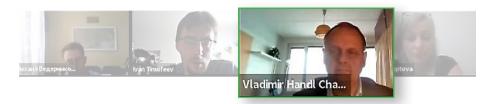
считали, что поставлять оружие на Украину нельзя. И до сих пор так считают, на самом деле. А тут... это было вообще осенью 2014 г. на пике боевых действий. И при этом болгарского господина Гебрева, который сейчас очень мило выступает во всех СМИ, не трогают, с ним так общаются, как будто он рапсовое масло продавал, а ничего такого страшного не делал — несчастный бизнесмен, пострадавший в своем трогательном честном бизнесе. Поэтому мне кажется, что восприятие гораздо важнее, чем факты. И эти восприятия говорят об очень печальном развитии событий. Я думаю, что то, что мы сейчас видим, мы еще не до конца осознали. Но в целом, это видится как некий конец эпохи, конец последних 30 лет присутствия России в этом регионе. Т.е. та ситуация, которая существовала между распадом Варшавского договора и СЭВ и этими апрельскими событиями. Понятно, что за эти 30 лет было много всего разного: были взлеты и падения, но в целом, оно характеризовалось тем, что Россия всё равно оставалась особенным партнером для всех стран Центральной и Восточной Европы. Таким как бы «неизбежным партнером», потому что нет ничего нового в том, что в этом регионе появился страх перед Россией, неприязнь к России. Несмотря на то, что это и раньше присутствовало, все равно, даже самые скептически настроенные к России страны были вынуждены с Россией сотрудничать, просто потому что невозможно было так быстро разобрать всё, что строилось за десятилетия холодной войны. Существовали общие проекты, гигантский торговый оборот. Даже в XXI в. Россия долгое время для многих стран оставалась вторым торговым партнером после Германии. Общие проекты инфраструктуры, исторические связи, культурные связи, было много всего, и всё это так быстро не развеивается. Невозможно это все развеять за 30 лет. И, конечно, главное, что Россия оставалась незаменимым партнером в энергетике, не только по нефти, но и по газу. Оставалась долго очень, практически во многих странах не то, что крупнейшим, а монопольным экспортёром газа. Она была главным партнером по атомной энергетике, по поставкам нефти. Все эти в чем-то сохранившиеся со времен холодной войны связи, в чем-то созданные заново, потому что в первое десятилетие XXI в. было много новых больших проектов, которые тоже осуществлялись. Т.е. 30 лет продолжалась ситуация, когда Россия была, конечно, второстепенным партнером на фоне Запада, на фоне Евросоюза, но все равно на втором месте. Эта ситуация разрушалась последние лет 10, тут ничего нового нет. Тенденции шли к тому, что произошло сейчас. Было очевидно, особенно после украинского кризиса, что ухудшающееся состояние отношений России и Запада не оставляет так много возможностей для сотрудничества между Россией и Центральной и Восточной Европой тоже. Мы видели с какими проблемами сталкива-

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

лись, например, российские атомные проекты в Болгарии и в Венгрии. Мы видели, как страны активно занимались диверсификацией поставок российского газа, старались максимально снизить эту зависимость, особенно страны, наиболее скептически настроенные к России; как ухудшилось положение на восточноевропейском рынке Газпрома, ситуацию с Третьим энергопакетом, принятым Евросоюзом. Параллельно шла борьба с российской дезинформацией; с тем, что Россия поддерживает неправильные партии, то есть тенденции наметились уже довольно давно, и они шли во вполне конкретную сторону. И сейчас они не то, чтобы как-то резко развернулись или вдруг резко подскочили, а скорее, мне кажется, у них накопилось достаточно этих изменений, чтобы выйти на новый качественный уровень, когда Россия перестает быть особым партнером этого региона. Можно говорить, что высылка дипломатов остановилась, что никакой такой особо возмущенной реакции со стороны ЕС и со стороны НАТО не было, и вообще по сравнению с тяжестью обвинений, выдвинутых против России, по сути обвинений в государственном терроризме, реакция оказалось еще относительно сдержанной, особенно со стороны других стран. Можно вспомнить дело Скрипалей, где действия были сопоставимы. Высылок было гораздо больше и солидарность с пострадавшей стороной была тоже гораздо сильнее. Сейчас это гораздо слабее, но мне не кажется, что это меняет ситуацию именно принципиально. В принципе уже того, что произошло достаточно, чтобы привести к тем последствиям, которые Петр очень подробно описал, я поэтому не буду подробно останавливаться. Я тут вижу главное: закрепление за Россией образа врага. Выявлена враждебная, опасная сторона, которая не может быть партнером ни в чем серьезном. Если какой-то местный политик говорит о том, что он хочет быть партнером с Россией, то это маргинал-политик, он сразу обрекает себя на маргинальность, он уже не может претендовать ни на какую серьезную роль во власти. Эта ситуация автоматически исключает то, что было главной сильной стороной России — большие госпроекты, Россия в этом регионе всегда занималась большими госпроектами, где была очень важна политическая составляющая и взаимопонимание с правительствами этих стран, будь то Болгария, Венгрия, Чехия. Все равно выстраивалось какое-то взаимопонимание на уровне ведущих политиков, теперь такое взаимопонимание невозможно. Я думаю, что это неизбежно приведет к потерям не только на АЭС Дукованы в Чехии, но и довольно быстро расползется по всему региону. Сейчас такие же обвинения звучат из Болгарии. Значит, можно забыть о строительстве АЭС Белене в Болгарии, где Росатом был одним из фаворитов, где даже уже построены два реактора, они там лежат у них под навесом, теперь не знают куда их поставить. Также можно забыть о монопольном положении Газпрома в тех странах, где он оставался единственным импортером газа, например, в Болгарии или Сербии. Очевидно, что будет еще более активная диверсификация в этом направлении. Те страны, которые уже продвинули диверсификацию, они возможно вообще откажутся от российского газа, как в случае с Польшей. Еще несколько лет назад Польша была крупнейшим покупателем российского газа в регионе, крупнейшим импортером, а теперь, скорее всего, в течение буквально нескольких лет, мы увидим, что этот рынок для Газпрома исчезнет. И еще одно важное изменение, следующее из всего этого — это как раз изменение в стратегической культуре некоторых стран региона, которые до этого оставались, скажем, готовыми к серьезному сотрудничеству с Россией без каких-то особых комплексов и предвзятостей. Понятно, что отношения с Польшей или Прибалтикой, или Румынией, всегда были осложнены тяжелым историческим багажом, там восприятие России как угрозы было частью их национальной традиции, даже национальной идентичности. Этого не было в Чехии, Словакии, Венгрии, там такой традиции не было. И вообще, стратегическая культура она довольно вязкая и так быстро не меняется. В данном случае, я думаю, мы видим то, как она меняется в Чехии непосредственно, и мы скорее всего увидим, что чешское отношение к России не только на уровне каких-то отдельных, скажем так, евро-атлантически ориентированных политиков изменится, станет жестко антироссийским, а в целом отношение в чешском обществе, где-то даже в национальном подсознании, станет гораздо более антироссийским. И та ситуация, когда Чехии было все равно, несмотря на все проблемы с Пражской весной и другими вещами, оставалась значительная часть общества, настроенная на удивление пророссийски. Это признание закончится. Признания закончатся не только в Чехии, они закончатся и в Словакии, где все читают те же самые новости и видят происходящее развитие событий. И даже в Венгрии, потому что сейчас вся близость с Россией со стороны Венгрии — это в основном личный проект Виктора Орбана. Я думаю, что как только его время у власти закончится, то отношения будут серьезно пересмотрены и скорее всего сдвинутся в сторону нынешних чешских и словацких, чем в сторону каких-то еще более дружественных, чем они были при Орбане. В общем, да, эта часть Евросоюза для России, на мой взгляд, потеряна. Я не думаю, что здесь можно что-то сделать, потому что, чтобы что-то сделать, нужно сначала, чтобы страны осознали это как проблему, хотя бы с какой-то стороны. Но такого осознания нет, и все это развивается, по сути, как функция противостояния России и Запада. И пока это противостояние продолжается, развернуть что-то в направлении отдельных стран, например, Чехии или Словакии, мне не представляется возможным. Поэтому,

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

мне кажется, что основные приоритеты и России, и стран Центральной Европы, не связаны с сотрудничеством друг с другом. Те выгоды, которые это сотрудничество может им принести, не кажутся этим странами достаточно серьезными, чтобы пересматривать свой основной центральный геополитический курс. Поэтому я не жду ничего хорошего, я жду долгого охлаждения и продолжения снижения уровня контактов.

ВЛАДИМИР ГАНДЛ⁷: Спасибо всем за очень интересную дискуссию. Я подготовил некоторые тезисы, но половину из них уже осветил другой докладчик, в том числе Максим. В принципе я в большой мере согласен с тем, как описал ситуацию в Чехии Петр Кратохвил. Я думаю, что это был очень правильный скрининг нашей ситуации. Я тоже хотел сказать, что интересно, почему большинство из нас все-таки верят в нарратив этого «secret service attack» хотя именно это правительство никак не антироссийское, как уже сказали Максим и Петр. Это абсолютно прагматичное правительство, в каких-то моментах, я бы сказал, что Бабиш вообще не заинтересован во внешней политике, в международных отношениях. Он заинтересован только в торговле и, конечно, в своих личных бизнес-интересах и т.д. Если человек идет на такой шаг, это, конечно, означает, что происходят серьезные вещи. Если Гамачек и чешская социал-демократия, которая в большинстве очень даже пророссийская и дружественная, идут на такое, то доводы должны быть серьезные. Конечно, это, я думаю, убедило большинство людей в том, что творится нечто такое, что выходит из привычного ряда событий. У нас, конечно, продолжается дискуссия о том, как это было, какие доказательства имеются. Всё это будет иметь продолжение. Мы безусловно уже имеем политический и культурный шок, о котором говорили предыдущие выступающие, связанный с последними событиями. Во-вторых, эти изменения связаны с тем, что Владислав Белов назвал паттерном, сложившимся в обществе вокруг российской политики. Я думаю, что отправной точкой был русско-украинский конфликт 2014 года. Крым, Донбасс, «зеленые человечки», и русские, и нерусские

⁷ Владимир Гандл — научный сотрудник Института международных исследований Факультета социальных наук Карлова университета (Прага).

и т.д. Вся эта дискуссия, конечно, начала сдвигать отношение к России в направлении осторожности, недоверия и подозрения. К этому потом добавляются дальнейшие шаги. Ситуация с Навальным, конечно, была шокирующим моментом, очень важным для дискуссии об образе России в чешском обществе. В этом отношении я опасаюсь, что мы сейчас становимся свидетелями крупной перемены отношения к России. Что делать — это, конечно, другой вопрос. Я хочу сказать, что еще до этого, и даже в тех «нормальных временах», как Максим уже сказал, интерес к России в Чехии и российский интерес к Чехии, они, конечно, постоянно падали. Наши отношения были неинтенсивные, сопровождались мелкими кризисами, например, в отношении к истории: восприятие Второй мировой войны, 1968 года и т.д. Но, если посмотрим на экономику, то доля России в чешской внешней торговле примерно 2%, доля Евросоюза около 80%, в то время как на Германию приходится 32%. Это показывает, реальную важность этих взаимных отношений. Получается, что они не очень важны. Тем не менее, чешская сторона по инициативе президента Земана постаралась пойти навстречу, чтобы как раз это замораживание отношений с этим феноменом все-таки работало, установила специального представителя Рудольфа Индрака — главу внешнеполитического отдела президентской канцелярии, как посредника между Чехией и Россией, чтобы добиться какого-то изменения в застое наших взаимных отношений. Однако ничего особенного не получилось вплоть до этого кризиса. Так что эти отношения не были очень хороши, не были привлекательны ни для одной из стран. Оказалось, что и Москва не показывала большого интереса к какому-нибудь улучшению. Я посмотрел на то, как чешская общественность относится к России. Меня удивило, что опрос нашего общественного мнения в ноябре прошлого года показал, что уже в то время, т.е. задолго до нашего сегодняшнего кризиса, 80% людей себя чувствовали намного более ориентированными на запад, чем на восток. Тем не менее 44% людей относились к России достаточно позитивно, даже идентифицируя себя с Западом. 72% опрошенных высказались против того, чтобы Россия участвовала в разработке ядерной энергии в Чешской республике задолго до настоящего кризиса. Мы наблюдаем уже в то время, что Россия, как уже сказал Петр, воспринималась как угроза только 2 или 4% людей. Но тем не менее, 80% выступали за то, чтобы уменьшить зависимость от России в экономическом отношении, то есть в области ядерной энергетики и энергетики вообще. Мы видим, что этот процесс продолжался долгое время и имел свои этапы и причины. Что будет в будущем мы, конечно, не знаем. Но я хочу сказать, что какая-то нормализация возможна. И я думаю, что она и произойдет. Это будет нормализация на низовом уровне отношений. Конечно, шанс представляют выборы — выборы в России в сентябре,

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

выборы в Чехии в октябре. Я так предполагаю, что новые правительства подойдут к этому вопросу взвешенно и без эмоций. Удар по нашим отношениям нанесен, мы в таком кризисе, что ниже падать уже некуда. И новые правительства я думаю смогут постепенно этими вопросами заняться. Я достаточно критически отношусь к нашему президенту по разным причинам, но здесь я должен сказать, что он прав. Он говорит о том, почему мы станем ориентировать наши посольства на экономическое сотрудничество, культурное сотрудничество, технику, исследования и т.д. Не политические области сотрудничества возможны. И есть определенный интерес с обеих сторон. Наши минимальные представительства посольств как раз тем и могут начать заниматься. В этом направлении я думаю какое-то будущее есть. Но политическая близость в ближайшие годы вряд ли возможна.

ЭЛЛА ЗАДОРОЖНЮК⁸: Как уже отмечалось, на сегодняшнее обсуждение вынесены крайне важные и актуальные вопросы, связанные с апрельским мегакризисом (назову его так), который возник, казалось бы, на пустом месте. Но действительно ли на пустом? Вспомним хотя бы совсем недавние события:

- свержение памятника маршалу Ивану Коневу освободителю Праги и информационные, едва ли не шутовские, пляски вокруг этого события;
- открытие памятных мест власовцам и дискуссии о том, кто сыграл бо́льшую роль в освобождении Чехии: наши войска или военные части США, стоявшие в Пльзене (чешский государственный деятель, председатель Сената М. Выстрчил отмечал дату освобождения именно там);
- провокация с якобы ввезенным российскими дипломатами ядом рицин и необоснованные обвинения России в стремлении дестабилизировать политическую обстановку в стране;
- переименование площади перед зданием Посольства РФ в Праге с соответствующими информационными залпами.

Перечислено не всё, но складывается впечатление, что к апрельскому мегакризису подбирались шаг за шагом и отнюдь не случайно.

Меня, как историка, в первую очередь, интересуют причины сегодняшнего мегакризиса, возникшего, казалось бы, на пустом месте. Все же предварю свой экскурс двумя едва ли не вчерашними цитатами чешского экс-президента Вацлава Клауса.

3 Элла Григорьевна Задорожнюк — заведующая Отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, эксперт РСМД. 23 апреля 2021 г. «Мы, то есть маленькая собачка, лаем на Россию, потому что считаем, что имеем за спиной мощные США и НАТО. Думаю, что это немного глупая политика».

27 апреля 2021 г. «Весь казус Врбетице— это чешско-чешская предвыборная проблема».

На мой взгляд, в этих словах авторитетного политика (можно вспомнить, что он родился за 3 дня до нападения нацистской Германии на СССР и часто говорит об этом) убедительно сформулировано главное — связь внешнего и внутреннего факторов, детерминировавших ход разразившихся событий. Соглашаясь с его правотой и проницательностью, постараюсь поразмышлять над тем, что же все-таки сумело сподвигнуть страну в центре Европы, казалось бы, отличавшуюся на своем историческом пути осмотрительностью на грани нанополитики, пойти на столь неосмотрительный и даже — не побоюсь этого слова — эксцентричный шаг.

Казус 2021 года в этом плане предстает временем создания нового фермента брожений в стране и в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы на питательной почве русофобии. Он произошел в процессе одномоментной и открытой провокации с предельно прозрачными, можно сказать транспарентными, целями — явно деструктивными для ее внешнеполитических позиций и экономических приоритетов. Фермент новый, а комплексы старые. Но как раз на их почве появился сегодня еще один комплекс — «комплекс первого ученика».

Что имеется в виду? В одной из пьес Евгения Шварца («Дракон») есть примечательный диалог. В ответ на вопрос о склонности к провокациям ее наделенный властными полномочиями герой (бургомистр; кстати замечу сегодняшний бургомистр Праги как-то странно отнесся к свержению памятника ее освободителю маршалу Ивану Коневу) отвечает: меня-де так учили. Сегодняшнему «ученику» — чешской политической элите, точнее, ее большинству, была поставлена двойная задача «учителем» извне — западом, и в частности США:

- А. дестабилизировать политическую обстановку в стране, чтобы
- Б. добиться *экономических* прерогатив отмены поставок российской вакцины Спутник V и оттеснения России в достройке АЭС Дукованы.

Решалась она посредством «чистого эксперимента» — операции на открытом сердце Европы с целью распространить соответствующие приемы по всему континенту, а там и миру — и лишить Россию ее конкурентных преимуществ. При этом ее успехи в указанных отраслях демонстративно игнорируются или фальсифицируются.

Что же такое «чистый эксперимент»? В современном науковедении он трактуется как такой, в котором оперируют единственной пере-

менной в неких освобожденных от «излишних» воздействий условиях. Такой переменной выступила навязываемая стране русофобия при игнорировании собственных проблем, связанных, в частности, с тем, что Чехия с конца 2020 года оказалась страной с наиболее высокими в мире показателями заболеваемости коронавирусом. В стране то и дело менялись министры здравоохранения — часто по надуманным в ходе внутриполитических столкновений, но ярко подаваемых СМИ поводам — показатели же заболеваемости не сходили с первых мест не только в Европе, но и в мире.

И, конечно же, забывалось, что такой эксперимент, по определению, не может отвечать интересам самых различных слоев общества, не говоря уже об экономических агентах. Вот кто-то решил поставить этот эксперимент — и точка, но непонятно, почему чехи согласились провести его на себе. Прошло почти 7 лет после инцидента в отдаленном селении с причудливым названием со складом вооружений, в том числе и запрещенных к употреблению международными конвенциями, о котором многие знали. И что? Неужели нельзя было ранее выявить причастность к нему целых 18 российских дипломатов?

Оказывается, нельзя, ибо доказуемых фактов о такой причастности нет. Но инцидент все же был использован для срыва договоренности о поставках российской вакцины Спутник V и возможной достройки АЭС. Новая политическая элита страны при этом хоть на время, да представила себя «первым учеником», надеясь хотя бы на словесное вознаграждение за свое русофобское рвение.

Каковы же итоги указанного «чистого» эксперимента?

Во-первых, он провел черту между пореволюционными (В. Клаус и М. Земан) и пост-пореволюционными (А. Бабиш и Я. Гамачек) представителями высшей политической элиты. Именно последние постоянно вменяют России грехи СССР, которых у нее не могло и не может быть. Правящее же политическое движение Акция недовольных граждан 2011, по всей видимости, решила: если не нельзя справиться с «новыми недовольными», то, по крайней мере, по старым рецептам возглавить их. А к власти в рамках коалиции «Вместе» рвутся уже не только оппозиционные пост-пореволюционные (Гражданская демократическая партия), но и оппозиционные уже пост-постреволюционные политические силы (партия ТОП 09 и Чешская пиратская партия — Пираты).

Во-вторых, особенно удачно удалось переформатировать сознание молодежи. Здесь немалую роль сыграло преклонение перед западом, но и собственные традиции: истолковывать политику в духе нового варианта швейковщины — кстати, без вдумчивости, осмотрительности и даже элементов трагизма, присущих герою романа Я. Гашека. Это

явилось благодатной почвой для манипуляции общественным сознанием, свидетельством чему стали игрища вокруг памятника Коневу. Они показали: ради смеха допустимо все, а о последствиях думать вовсе не обязательно. Склонность к шутливости любой ценой и по любому поводу сочетается при этом с поощрениями со стороны взрослого «учителя извне». Но вот после участия в действиях в духе бездумного комизма некоторые их участники возвращаются в учебные аудитории и библиотеки, готовя дипломные и магистерские работы, в частности по политологии и истории. В их названиях постоянно упоминается «гибридная война» России против Чехии — в основном со ссылкой на англоязычные источники (Как говорится, в скобках отметим динамику только их названий: так, если еще в 2017 г. в Брно был успешно защищен дипломный проект «Гибридная война России против Чешской Республики: реальность или фикция?», то в 2020 г. в Пльзене уже другой — «Россия и гибридная война: является ли гибридная война приоритетом российской внешней политики?»). Русскоязычных источников при этом как будто вовсе не существует. Но ведь тогда и Конева легко представить не освободителем, а завоевателем Праги — и утверждать, что Россия только и думает о том, чтобы завоевать ее еще раз.

В-третьих, нельзя не отметить безудержности действий провокаторов ради провокаций, особенно опирающихся на СМИ. Уже в отношении свержения памятника и следующего за этим шлейфа событий чешские СМИ устроили такую атмосферу скандальности, при которой забывалась и борьба с коронавирусом, и перспективы развития атомной энергетики, и что угодно еще. (Словом, забыты коронавирус и АЭС, да здравствует шутовство в пользу НАТО и ЕС!) А за ширмой этого шутовства выстра-иваются карьерные амбиции пост-пореволюционных политиков — того же М. Коуделки, амбиции на генеральское звание которого сдерживаются президентом М. Земаном; или сына чешского экс-посла в РФ — носителя «гласа народного», якобы требовавшего сноса памятника Коневу. Не гнушаются такого рода действий и похожие на них политики в рядах партии Пиратов, позиции которых отличаются указанными провокационностью и при этом наигранной шутливостью.

Чехия с каким-то садистским удовольствием на фоне коронавируса приняла на себя роль хулигана-застрельщика или, как утверждает Клаус, злобно лающего «маленького пса», за спиной которого стоит «пес большой». Не без воздействия последнего России, помимо прочего, была предоставлена возможность на, образно говоря, узком обушке продемонстрировать серьезность своих приоритетов через указанную провокацию. Разведка боем оказалась не вполне в пользу запада. Что же касается реверса осмотрительной чешской политики, то она, по нашему мнению, останется бесплодной — если не считать «успешно» рвущихся якорных

цепей чешско-российских отношений. Ведь кто бы мог подумать, что Чехия предпочтет импорту из России благотворной вакцины против коронавируса — как это сделали Венгрия и Словакия — ввоз из Украины таких «технологий», как свержение памятников и отказ от модернизации АЭС по оптимальным технологиям...

Но какой же все-таки выход из все еще усугубляющегося мегакризиса? Можно было бы, наверное, сказать, что его контуры обнаружатся в итогах осенних парламентских выборов в Чехии, но в это, учитывая нынешнюю расстановку политических сил в стране, верится с трудом.

Наверное, свою роль сыграет фактор более длительного времени, а еще — как бы пафосно это не звучало — мудрость и здравый смысл России, а также таких здравомыслящих чешских политических деятелей, как нынешний президент М. Земан и экс-президент В. Клаус и их сторонники. Может, не без оглядки на их авторитет и нынешний посол Чехии в России решил все же выразить уважение стране, уничтожившей нацизм через свое участие в праздновании 76-летия Победы. Ибо с учетом приближающейся трагической даты — 80-летия начала Великой Отечественной войны — того, что мегакризис спровоцирован в ее канун, забыть будет очень и очень трудно.

Относительно же зачинателей провокации можно обратиться еще к одной реплике из пьесы Шварца, обращенной к тому же бургомистру: «Но зачем же ты оказался первым учеником?» На эту реплику хоть с какой-либо внятностью ответить тоже очень трудно.

ВИТОЛЬД РОДКЕВИЧ⁹: Большое спасибо за приглашение. Это большая честь — иметь возможность дискутировать с коллегами из России и других стран Центральной Европы. Я хотел бы обратить внимание на контекст этого кризиса. Можно, конечно, копаться, и есть в этом определенный смысл, некая политологическая задача разобраться во всем, во внутренних причинах. Ясно, что используются элементы инструментальной политики, но мне кажется, что всплывает и вопрос фактуры.

9 **Витольд Родкевич** — старший научный сотрудник Центра восточных исследований (Варшава).

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

Есть сомнения, были ли определенные ситуации или нет. К этому я бы очень осторожно подходил, но обратил бы внимание на то, как кризис был воспринят не только частью чешского общества, которое скептически относилось к России всегда, но даже и теми людьми, которые обычно относились к России положительно. Это фон, это контекст.

И здесь как часть этого контекста появляются ситуации, которые, как мне кажется, неопровержимы. Есть процесс по делу МН17, который разбирается в голландском суде. О голландцах трудно сказать, что они русофобы. То же и с убийством в Берлине. Немцы, выдвигающие обвинение что за этим стоят российские службы, не поляки и не эстонцы. Можно копать глубже — дело господина Литвиненко. Ситуация была довольно ясная. Даже не говоря о Скрипалях. При этом, есть некая константа официальная российская сторона всегда принципиально отрицает свою причастность. Получается хитрая схема. Вспомним горячую точку в войне с Украиной, даже период до войны. Высшие лица российского государства публично говорили о том, что российские войска не участвуют. То же самое касается и войны в Донбассе. Это накапливается. Первоначально люди, которые положительно относятся к России, задаются вопросом о том, как такое возможно и есть ли железные доказательства причастности. Но во второй или в третий раз ситуация становится все очевиднее. Ответом Москвы является отрицание фактов. Я хотел бы процитировать то, что написала профессор Л.Н. Шишелина в своей выдающейся статье Драматический weekend российско-чешских отношений: «...Якуб Кулханек предпринимает многочисленные попытки поиска компромиссных решений и открыто заявляет, что действия чешской стороны не направлены против России как государства и русского народа, а только против действий российских спецслужб...». В этом, как мне кажется, и заключается большая часть проблемы, которой я занимаюсь по специализации «российская внешняя политика». И видно, что характеристикой российской политики в последние 10–15 лет является то, что иногда кажется, что спецслужбы самостоятельно ведут свою политику, но я думаю, что это маловероятно. Но есть и более глубокая проблема. Правящий класс сегодняшней России выходцы из спецслужб. Они определяют политику по главным стратегическим вопросам. Это и есть метод внешней политики — внешняя политика как спецоперация. И пока российскую внешнюю политику определяют менталитетом спецслужб, это неуклонно ведет к результату, который мы имеем. Это корень проблемы, но далеко не вся проблема.

То, что касается последствий, я бы не драматизировал. Мы находимся в некоем состоянии, которое сейчас определено структурным противостоянием. Это определяющая составляющая российской стороны. И пока это будет продолжаться, мы будем сталкиваться с этими вспышками кризисов.

7 лет назад был «взрыв» и, наверное, будут еще. К сожалению, пока российская власть убеждена, что последствия такой политики терпимы, эта политика будет продолжаться. Мягкая реакция провоцирует продолжение этого стиля внешней политики. Мне кажется, что в этом и заключается суть проблемы. Мне очень понравилось, как Максим говорил о стратегической культуре. Я бы сказал, что суть проблемы — в стратегической культуре людей из среды, которые определяют российскую внешнюю политику.

ЮРАЙ МАРУШЬЯК¹⁰: Я также хотел бы поблагодарить за приглашение выступить на этом круглом столе. Хотел бы рассказать о том, как развивалась позиция Словакии по отношению к России и почему Словакия так решительно поддержала Чешскую Республику.

В первую очередь, я хотел бы сказать, что момент кризиса в чешско-российских отношениях не является существенным сломом. Тут я могу согласиться с госпожой Задорожнюк и другими коллегами, которые отрытым текстом сказали, что кризис — результат определенного процесса. Это результат углубленной интеграции стран Центральной Европы, а именно Чешской Республики, Словакии, Польши в ЕС и НАТО. Во-вторых, тот момент, когда наступает поляризация отношений не только во внешней политике по отношению к России, но и во внутренней политике, связан с украинским кризисом в 2013-2014 гг., и, в основном, конечно, с присоединением Крыма. Те политические силы, которые были у власти в Словакии, например, социал-демократическая партия СМЕР-СД под руководством Роберта Фицо, не могла принять никакую иную позицию, кроме осуждения России, потому что изменение границ в Европе угрожает национальным интересам и национальной безопасности Словакии. Тут можно провести параллель с позицией Словакии по отношению к Косово. Словакия формулировала свою позицию в 2008 г. и не потому, что хотела поддержать позицию России, а потому что поддерживала свою позицию, свои собственные интересы. Об этом свидетельствует самый текст декларации словацкого парламента с 2007 г. Эту позицию усвоили все политические партии, которые были тогда представлены в

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

Национальном Совете Словацкой Республики, за исключением Партии Венгерской Коалиции (ныне Партия Венгерского Сообщества), включая тогдашнего оппозиционного Словацкого Демократического и Христианского Союза. Это была партия бывшего премьер-министра Микулаша Дзуринды, который является до сегодняшнего дня сторонником углубленного евроатлантического сотрудничества. Вопрос признания независимости Косово в Словакии воспринимается как похожий феномен с аннексией Крыма. Даже те политические силы, которые были в 2014 г. ориентированы на выстраивание хороших отношений с Россией и иногда критически относились к Западу, были вынуждены принять критическую позицию по отношению к России, например партия Направление — социал-демократия. Единственной силой, которая открыто поддерживала и поддерживает политику России по отношению к Украине, является неонацистская Народная Партия — Наша Словакия под руководством Мариана Котлебы.

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Следующим переломным моментом были парламентские выборы в 2020 г. Тут оказалось, что именно те политические силы, которые препятствовали принятию стратегических документов, например, стратегии безопасности Словацкой Республики, проиграли на выборах. Вам всем известен спикер словацкого парламента Андрей Данко, который выступал в Государственной Думе РФ. Он со своей партией не вошел в парламент. Он стал маргинальной фигурой словацкой политики. И нет никакой возможности для его возвращения в парламент, и возможности того, чтобы его партия смогла самостоятельно перешагнуть 5-процентный проходной барьер на следующих выборах. При этом неважно, будут ли выборы в Словакии через полгода, а есть и такая возможность, или же они будут через три года, как это предусматривает Конституция.

Тем временем, новая правительственная коалиция приняла стратегические документы, в которых выражается критическое отношение к действиям России в украинском конфликте. Конечно, эти действия России рассматриваются как угроза национальной безопасности Словакии. Этим была обусловлена реакция страны на события, которые произошли в Чешской Республике. Я бы хотел подчеркнуть, что до парламентских выборов в конце февраля прошлого года, господин Петер Пеллегрини критиковал политику санкций против Российской Федерации и был первым премьер-министром стран — членов ЕС, который посетил Россию накануне выборов, и был первым из премьеров, который встретился с российским коллегой М.В. Мишустиным. Партия «Голос — социал-демократия», отделившаяся от партии Роберта Фицо, и которую господин Пеллегрини возглавляет, сейчас является самой влиятельной оппозиционной партией с точки зрения электоральной поддержки и, по-видимому, она сможет победить на следующих выборах.

Однако в конфликте между Чешской Республикой и Россией эта партия поддержала позицию Чешской Республики. Это значит, что для большинства словацких политических элит и большинства словацких партий Чешская Республика является более приоритетным партнером, чем Россия. Но нужно учитывать то, что выбор был сделан не в 2020-2021 гг., а в 1998 г. Именно поэтому выбранный курс не является резонансной новостью в словацкой политике. Учитывая сегодняшнюю дискуссию, можно упомянуть один аргумент в рамках обострения чешско-российских отношений, а именно вероятность того, что речь шла об оружии, предназначенном для Украины. Здесь нужно сказать, что Чешская Республика, как и любые другие страны, которые являются членами ЕС и НАТО — суверенные государства и это их внутренние дела. Даже если и было какое-то оружие, предназначенное для Украины, то мне кажется, что более честным было бы промолчать про поставки оружия для конфликтующих стран, потому что есть и ряд других стран, которые поставляют оружие не легитимному украинскому правительству, а непризнанным военным группировкам. Такая риторика напоминает 1968 г. И если 53 года назад такая риторика была возможна, то сейчас она приводит к обострению и более негативному восприятию России в Центральной Европе.

АНДЖЕЙ ГАБАРТА¹¹: Большое спасибо за приглашение. У меня есть маленькая презентация по внешнеэкономическим связям, которая нам позволит понять, насколько мы друг для друга значимы — Чехия и Российская Федерация. Я согласен, что 2020 г. не самый идеальный для проведения анализа в связи с пандемией, снижением товарооборота и снижением капитала в мире, но общая картина в контексте российско-чешских отношений может сложиться. Общий товарооборот составил чуть более 6 млрд долларов, если смотрим сквозь призму России, то это всего лишь чуть более 1% во внешней торговле Российской Федерации. На российский импорт из Чехии пришлось всего лишь 1,6%, в денежном выражении это 3,6 млрд долларов. Российский экспорт в Чехию — это сумма еще более скромная — 2,4 млрд долларов. И доля в российском

экспорте 0,7%. Другими словами, Чехия занимает всего лишь 18-е место в товарообороте, 27-е место в экспорте, 14-е место в импорте.

Что мы экспортируем в Чехию? Доминируют минеральные продукты: нефть, газ и производные от них. Дальше идут металлы, продукция химической промышленности — около 10%. Машины, оборудования и транспортные средства. Другими словами, мы видим, что 2/3 российского экспорта — это минеральные товары.

Что мы импортируем из Чехии? Основу импорта из Чехии составляют машины, оборудование и транспортные средства разного рода агрегаты — почти 70%. Дальше всего по чуть-чуть: продовольствие чуть менее 5%. Как раз по этой группе проходит чешское пиво, о котором так часто в последнее время (или точнее в апреле) рассуждали многие эксперты. Если посмотреть на само чешское пиво, то на рынке присутствует всего лишь около 10 брендов и его завозят не в таких уж больших объемах.

Что касается энергетики, до меня, насколько я понял, упоминалось сотрудничество в области атомной энергетики. В Чехии есть две АЭС и «Росатом» — его «дочка» обеспечивает их топливом. В новом тендере на строительство нового блока на АЭС Дукованы «Росатом» был исключен; цена вопроса составляла 6 млрд евро. И «Росатом» также не может выступать в качестве субподрядчика.

Просчитать последствия для России от отказа закупки вакцины Спутник V сложно.

Следующая сфера, где наблюдается очень активное сотрудничество — это туризм. Думаю, более корректно было бы смотреть 2019 г. в контексте туризма, потому что тогда границы были открыты. И два года тому назад Чехию посетило почти 560 тыс. граждан. Для Чехии Россия входила в первую пятерку по притоку иностранных туристов и, по чешским данным, в 2019 г. более 2,3 млн ночей в гостиницах бронировали туристы из России. Если мы посмотрим, кто в основном ездит в Чехию — это туристы из Москвы, Петербурга, Екатеринбурга. И доходы от туризма составили в 2019 г. почти 14 млрд чешских крон. Если мы переводим в рубли, это будет чуть менее 40 млрд рублей.

Поэтому, если посмотреть, какие будут перспективы, какие выводы можно сделать на основе этой презентации, то мы наблюдаем асимметрию во внешнеэкономических связях. Российская Федерация не только в Чехию, но и вообще в Европейский Союз преимущественно поставляет товары с низкой долей добавленной стоимости, то есть это минеральное сырье и производные от него. Из Европы Россия импортирует, в том числе из Чехии, уже готовую продукцию. Второй асимметрией будут участники внешнеэкономических связей. Сырье экспортируют преимущественно крупные госкорпорации. Наши партнеры по импорту из

Чехии — это малый и средний чешский бизнес, или же преимущественно филиалы транснациональных корпораций. Данная структура явно не способствует развитию и усилению внешнеэкономических связей. Поэтому голос экономистов во взаимной торговле не так значим. Но это проблема характерна для взаимоотношений со всеми странами Центральной и Восточной Европы. Насколько я понял большинство спикеров развивали политические треки, кто-то уходил в историю. Отвечая на перспективы взаимных отношений между Чешской республикой и Российской федерацией, я думаю, что политические кризисы не столь значимы. Как утверждают СМИ, «Росатом», был устранен из тендера не очень добросовестным способом. Но в целом, я думаю, ввиду такой структуры товарооборота экономические взаимоотношения будут продолжать развиваться в том же русле, в каком и были. Скорее на них будут влиять последствия коронавируса, возможно другие тенденции мировой экономики. А то, о чем мы сегодня говорим, это всего лишь будет фоном. Не знаю, насколько будут согласны со мной следующие коллеги, которые будут развивать экономический трек.

РАФАЛ ЛИСЯКЕВИЧ¹²: Спасибо большое за приглашение. Я могу показать модель наших польско-российских отношений, в которых играют роль экономические факторы. Я думаю, что динамика очень схожа с тем, что происходит в отношениях между Чехией и Россией, поскольку она снижается в последние годы. Это мы можем наблюдать и в польско-российских отношениях. Мы наблюдаем то, что, с моей точки зрения, является определяющим — это разные векторы интеграции. То же самое можно сказать и про Чехию, и про Венгрию. То есть мы интегрируемся прежде всего с Западом, с Евросоюзом. Россия создает свою зону экономического влияния и на этом фоне возникают проблемы. Они возникают, если будем смотреть на отношения между Россией и странами Центральной Европы. В то время как в России развивается меркантилизм, в этом регионе развивается либерализм. На этом фоне можно наблюдать сравнительно менее чувствительные проблемы для наших отношений. На схеме можно видеть импорт, экспорт, инвестиции и политические

отношения. Мой тезис заключается в том, что экономические отношения могут сбалансировать политические. Но как видим Польша и Чехия в отличие от Германии, не самые важные для России экономические партнеры (схема 1).

Прежде всего, если посмотрим на двусторонние отношения между Польшей и Россией, или на отношения в треугольниках, например: Польша — Россия — ЕС, Польша — Россия — НАТО, Польша — Россия — СНГ. Они, с моей точки зрения, как и данная модель, влияют на отношения. Экономические отношения не столь важны, они выходят, можно сказать, на второе место. Особенно мы это наблюдаем в 2004–2005–2014 гг. То, что происходило между Польшей, Украиной и Россией в политической области, повлияло на наши экономические отношения. И если мы совместим все эти факторы, то получается такая динамика (схема 2).

Для сравнения, я взял ту же методологию, поэтому можем сравнить польско-российские отношения с российско-немецкими отношениями. Можно увидеть, что в отношениях Россия-Германия экономические факторы самые важные. Даже то, что происходит между Россией, Германией и Украиной, не влияет так серьезно на эти отношения. При этом экономические факторы (товарооборот, инвестиции) улучшают динамику этих отношений. Конечно, мы можем смотреть с точки зрения разных теорий, например в русле теории комплексной взаимозависимости. Как раз она очень хорошо и очень много может нам сказать про отношения между Польшей и Россией, и между Россией и Германией. Я думаю, что то же самое происходит и с Чехией. Что еще происходит в наших отношениях? Например, можно заметить, что после 2014 г. не все так плохо

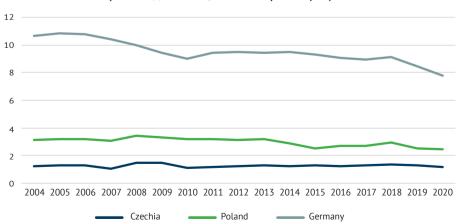
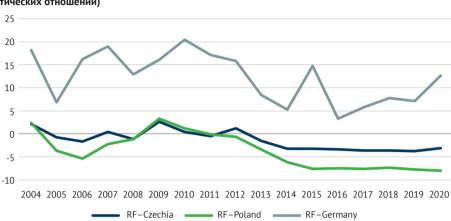

Схема 1. Российская торговля — доли Чехии, Польши и Германии (в %)

Источник: собственные расчеты на основе данных Росстата

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Схема 2. Отношения России с Чехией, Польшей и Германией (как сумма экономических и политических отношений)

Источник: авторская модель и расчеты.

как в политической сфере. Можно даже наблюдать, что в 2016 г. наши экономические отношения стали выправляться. Мы начали больше покупать в России, и в тоже время Россия начала больше покупать в Польше. Особенно, если говорить о промышленной продукции. Так что, если, например, сравнивать кризис в чешско-российских отношениях с кризисом в польско-российских отношениях, то можно отметить, что там политическая среда плохо влияет на экономические отношения. Но нельзя исключать и другие пути развития. И в этом я вижу надежду на будущее.

ИГОРЬ ЮШКОВ¹³: Дорогие коллеги, многие вопросы уже затронули, и мы все в курсе ситуации с новым энергоблоком. Здесь можно отметить несколько специфических аспектов. Во-первых, мы говорили, что для российско-чешских отношений не самый большой смысл имеет атомный энергоблок, но если мы смотрим отдельно для Чехии и отдельно для «Росатома» то, на самом деле, это довольно важные проекты. Можно ска-

13 **Юшков Игорь Валерьевич** — преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий аналитик Фонда национальной энергетической безопасности, эксперт РСМД.

зать, что Чешская Республика сейчас находится на довольно стабильном уровне энергопотребления — оно существенно не растет, есть, конечно, колебания от года к году, но по данным *BP* составляет около 30 ГВт∙ч потребления электроэнергии в стране, и эти показатели примерно остаются на одном и том же уровне, не учитывая 2020 г.

Тем не менее, большая доля угольной генерации присутствует в Чешской Республике, поэтому программа Евросоюза «Зеленый пакт» будет вынуждать все страны-участники трансформировать свои энергосистемы, в том числе Чешскую Республику. Если будет нужно вытеснять угольную генерацию, вытеснять углеводороды — это будет значить, что переходить нужно будет либо на возобновляемые источники, либо на атомную энергию или гидроэнергию. С гидроэнергией есть физические ограничения, которые присутствуют в любой стране. В любой стране есть реки, на них построили какое-то количество станций и дальше это не может развиваться, а атомные станции, наоборот, получают в контексте «Зеленого пакта», новую жизнь, некую реновацию, потому что ядерная энергетика считается безуглеродной, т.е. при выработке электроэнергии на атомных станциях нет выбросов парникового газа, поэтому, с точки зрения климатологов — это хороший выход из ситуации и таким образом атомные станции получают вторую жизнь. В этом плане для Чешской Республики развитие ядерной энергетики — это еще и выполнение общеевропейских требований по «Зеленому пакту», а именно сокращение выбросов парникового газа, поэтому переход от угольной генерации даже не к газовой, а к атомной энергетике и возобновляемым источникам путь развития на десятилетия вперед. Поэтому атомная энергетика нужна, новый энергоблок нужен, возможно и не один. Я думаю, что тендер в любом случае состоится и новые мощности будут построены.

Для «Росатома» даже потеря одного энергоблока довольно существенная проблема, потому что после Фукусимы на рынке строительства атомных электростанций, ядерных блоков, присутствует очень жесткая конкуренция. Проекты существенно сократились, многие страны отказались от ядерной энергетики. Они не строят, по крайней мере, новые проекты, поэтому конкуренция на рынке строительства атомных электростанций очень большая, и потеря любого проекта существенна для «Росатома». Если «Росатом» действительно будет вытеснен, то в тендере остаются американо-канадская Westinghouse Electric, французская и южнокорейская компании. Судя по тому, что «Росатом» убрали по политическим мотивам, а до этого убрали и китайскую компанию, то здесь все идет к тому, что либо французы, либо американцы возьмут тендер.

Предложение американцев и французов отличается от предложения «Росатома» тем, что «Росатом», как правило, может, принести с собой

кредит. По сути, российская корпорация приходит со своими деньгами и на эти деньги строится станция. Соответственно, осуществляется полный цикл — строительство, обслуживание, поставки ядерного топлива, а также и вывод из эксплуатации. Обеспечение полного жизненного цикла очень удобно для заказчика по причине того, что возврат инвестиций идет, чаще всего, с продажи электроэнергии с атомного блока. Американцы и французы, в большинстве случаев, не участвуют во всех циклах. Получается, что «Росатом» — единственная компания, которая участвует во всех циклах. Остальные компании работают либо в нескольких сегментах, например, строят и эксплуатируют, но не выводят из эксплуатации или не поставляют топливо. В этом плане, комплексная работа проще для потребителя. Без «Росатома» можно, конечно, построить энергоблок, он тоже будет давать достаточное количество электроэнергии, но это сложнее и обойдется потребителю дороже.

Будет ли Росатом оспаривать это решение? «Отцепить» от тендера можно только при условии принятия закона, т.е. прямых санкций, а без этого получается нечестная конкуренция и не совсем понятно, почему Китай не подавал в суд. На основе каких документов Евросоюза происходит такое «выбрасывание» из тендера? Вообще, антимонопольное законодательство ЕС гарантирует свободный доступ к подобным экономическим проектам, поэтому вполне возможно, что этот конфликт будет продолжаться и, может быть, мы еще увидим новости либо по поводу возврата «Росатома», либо его попыток вернуться в тендер.

Тема нефтегазовой отрасли тоже частично была затронута. Для «Газпрома» газовой рынок Чешской Республики тоже важен. Поставки — около 8 млрд кубометров в год и это существенный рынок. Более того, при условии, что европейский газовый рынок, видимо, будет сжиматься, Чехия тоже довольно значимый партнер для «Газпрома». Также, туда идет дизельная труба — нефтепродуктопровод через Белоруссию и Украину и дальше в Венгрию и Чехию. Нельзя не упомянуть и нефтяную трубу — южную ветку «Дружба». Она тоже проходит на той территории, поэтому никакие из этих рынков российским компаниям терять не хочется. А в Чехии, если мы говорим про ядерный блок, то по-прежнему выбор остается. Три участника, они вполне могут построить, но вопрос остается скорее экономический, а именно стоимость строительства. Цена политического вопроса — это разница между предложениями разных компаний по строительству энергоблока.

АННА ЧЕТВЕРИКОВА¹⁴: Я бы хотела добавить взгляд с экономической точки зрения, но не на текущую ситуацию, а немного посмотреть назад. Какой бы кризис не происходил в отношениях между нашей страной и странами Центральной Европы, он всегда вызывает бурную реакцию и с той, и с другой стороны. С экономической точки зрения, сегодняшний политический кризис вторичен в том смысле, что российско-чешские отношения и российские отношения с Польшей, Венгрией и Словакией подвергались внешним вызовам на протяжении десятилетий. Последние 15 лет торговые отношения и инвестиции подвергались глобальным вызовам, мировому кризису, ведь это большой стресс для экономических связей наших стран, также это 2014 г. и его последствия. Сейчас можно говорить, что и пандемия внесла свои корректировки и, соответственно, политическая напряженность, которая возникает на фоне экономических взаимоотношений не способствует тому, чтобы наши отношения развивались.

Я хочу внести некоторую лепту позитива в то, что есть между нами и другими странами Центральной Европы. Действительно, говорить о развитии отношений достаточно сложно, потому что с экономической точки зрения мы не очень равноценные партнеры. Если мы посчитаем совокупный ВВП Вишеградской четверки, он составляет примерно 65% от ВВП России, поэтому, на мой взгляд, экономическим связям не всегда уделяется должное внимание. Мои коллеги уже сказали, что и Чехия, и другие страны Вишеградской группы — это, примерно, третий десяток, если мы обращаемся к торговым показателям. К сожалению, в повторяюшиеся кризисы десятилетия наши торговые отношения не успевали восстанавливаться, и политическая напряженность накладывала свой отпечаток — экономическим акторам приходилось приспосабливаться к тем вызовам, которые были в 2014 г. Эти вызовы рассматривались как временное явление, но они стали постоянными. Нежелательно, чтобы текущая политическая ситуация превращалась в постоянный контекст, при котором приходилось бы работать экономическим агентом в этой сфере.

Стоит сказать пару слов про инвестиции как один из возможных путей развития тех взаимоотношений, которые есть, поскольку, с точки зрения экономики, потенциал здесь все же присутствует. Да, есть определенные ограничения, есть объективные факторы, которые обуславливают ограниченность связей. Я имею в ввиду то, что у нас не совсем равноправные партнеры в экономических связях, есть наши ТНК, есть малый и средний бизнес, который участвует как со стороны Чехии, так и со стороны других Вишеградских стран. Но есть позитивные моменты

¹⁴ Анна Сергеевна Четверикова — старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО РАН.

и Чехия — прекрасный пример. Например то, как она искала пути налаживания экономических связей после 2014 г., в том числе, идя на региональный уровень сотрудничества с Российской Федерацией. Возможно, у нас закрыты не все пути, хотя в современной ситуации будет очень сложно отделить последствия тех политических процессов, которые есть, от последствий пандемии и восстановительных процессов после пандемии.

Очень жаль, что происходит такая ситуация в политике, поскольку Чехия, если мы рассматриваем с точки зрения экономических взаимоотношений, очень важна для России. Даже сравнивая размеры экономики, Польша, естественно, в несколько раз больше, но Чехия все же более важна для России. Обращаясь к официальной статистике, в Чехию поступает больше 65% российских инвестиций, которые приходят в регион. Разумеется, есть трудности, они были и после 2014 г. и скорее всего они возникнут и сейчас, поскольку состояние нашей экономики не позволяет Вишеградским инвестициям использовать все возможности. Прогнозы, существующие на сегодняшний день, сходятся в том, что чехи прошли кризис 2020 г. хуже всех из Вишеградской группы. К сожалению, в ближайшее время говорить о том, что мы сможем вернуться к тем экономическим отношениям, которые по объективным экономическим факторам возможны между нашими странами, и которые когда-то существовали, не приходится. Но я очень надеюсь, что будут найдены пути для того, чтобы экономические взаимоотношения наших стран вернулись хотя бы к уровню, который был до 2014 г., когда наши отношения были удовлетворительными. Хотелось бы достичь хотя бы этого уровня, на который наши экономики способны.

ШИШЕЛИНА Л.Н.: Большое спасибо, Анна. Большое спасибо всем, коллеги! Я благодарю всех Вас за очень содержательные и конструктивные выступления, которые, конечно, помогут нам еще раз осмыслить произошедшее, его влияние на наши отношения и вновь вернуться к обсуждению этой темы. Мы положили хорошее начало в тех условиях, когда кажется, что стороны пока что никак не хотят разговаривать. Какие-то сигналы подает чешская сторона, но российская на них не реагирует, а значит она не осознала, как сказал Максим, «масштаб проблемы». Масштаб проблемы нужно все же осознавать. Мы, ученые, способны к диалогу, и мы способны подняться над политическими противоречиями. Давайте приложим к этому все усилия. Резюмировать нашу встречу действительно сложно. Апрельский кризис можно обозначить как «петля Гамачека» или же «виртуальная петля Гамачека», по аналогии с «петлей Примакова». Господин Гамачек замышлял что-то аналогичное, но не осуществил задуманное. И это отозвалось нелепым результатом для

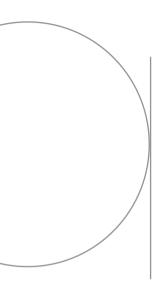
наших отношений. Но что мы, как ученые, можем сделать? Мы можем анализировать, и мы можем стучаться во все возможные двери, через все возможные каналы, чтобы нас наконец услышали. Мой опыт десятилетий общения со многими политическими институтами показывает, что они в последнее время существуют параллельно с нами, все реже прислушиваются к нам, однако нынешний кризис показывает, что это путь в никуда. Я призываю коллег к позитивному настрою и надежде. Сердечно благодарю вас всех за то, что вы откликнулись на наше приглашение!

THE APRIL CRISIS IN RUSSIAN-CZECH RELATIONS AND ITS CONSEQUENCES FOR RUSSIA'S RELATIONS WITH CENTRAL EUROPEAN COUNTRIES

International round table on the initiative of RIAC and the Visegrad Center of the RAS' Institute of Europe

On May 12, 2021, an international round table "The April crisis in Russian-Czech relations and its consequences for Russia's relations with Central European countries" was held. It was organized by the Russian Council for International Affairs (RIAC) and the Visegrad Research Center of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. The event was attended by leading Russian experts on the Central European region and their colleagues from Central European countries (Czech Republic, Poland, Slovakia). Scientists discussed the reasons of the April 2021 crisis, that initially manifested itself in the mutual expulsion of diplomats on an unprecedented scale and the declaration of the Czech Republic as an "unfriendly country". with all the consequences arising from this status. The participants also assessed the current state of bilateral relations and outlined possible ways to resolve the conflict. An important place in the discussion was given to forecasting the future models of relations between the Russian Federation and the Czech Republic as well as with the other Central European countries in the near and the medium term. The Russian side was represented at the round table by I.N. Timofeev, Program Director of the Russian Council for International Affairs (RIAC); L.N. Shishelina, Head of the Visegrad Center and Department of Central and Eastern European Studies of the IE RAS; V.B. Belov, Deputy Director of the RAS' Institute of Europe, Head of the Department of Country Studies, Head of the Center for German Studies; M.M. Samorukov, Deputy Editor-in-Chief at Carnegie.ru; E.G. Zadorozhnyuk, Head of the Department of Modern History and Socio-Political Problems of the Countries of Central and South-Eastern Europe at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; A.A. Gabarta, Associate Professor of the Department of World Economy at MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia; I.V. Yushkov, lecturer at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Leading Analyst at the National Energy Security Fund; A.S. Chetverikova, Senior Researcher at the Center for European Studies at IMEMO RAS. The view from Prague was presented by P. Kratochvil, Senior Researcher at the Center for European Policy at the Institute of International Relations in Prague; V. Gandl, Researcher at the Institute of International Studies at the Faculty of Social Sciences of Charles University (Prague). The Polish position was presented by W. Rodkiewich, Senior Researcher at the Center for Eastern Studies (Warsaw) and R. Lisjakiewich, Associate Professor at the University of Economics in Krakow. Slovakia's point of view was presented by, Yu. Marusjak, Senior Researcher at the Institute of Political Sciences of the Slovak Academy of Sciences.

ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИИ

УДК 327

Максим Саморуков

Московский центр Карнеги, Москва, Россия, e-mail: msamorukov@carnegie.ru

Не место для жестов. Как вернуть смысл в исторический диалог России и Польши

Аннотация. В данной статье автор исследует причины принципиального скептицизма во внешней политике Польши по отношению к России и предлагает свое видение того, как можно преодолеть пропасть в отношениях между странами. Корень современных разногласий между Россией и Польшей лежит в событиях Второй Мировой войны, как и, например, у польско-немецких и отчасти франко-немецких противоречий, однако автор подчеркивает, что использовать успешное общенациональное примирение между Германией и Польшей, Францией или Германией как пример бессмысленно примирение между этими странами произошло благодаря тому, что было подкреплено масштабными экономическими и политическими процессами. Любые символические жесты польского и российского руководств либо не имеют эффекта вообще, либо их эффект легко обратим, поскольку объективной политической или экономической базы для нормализации отношений нет. Препятствия, более того, есть и на уровне национального самосознания - для польского самосознания характерно представление о своей стране как о «жертве», неизменно в одиночку выступающей против сильных противников (в том числе и против СССР). В то же время для российского общества победа в Великой Отечественной войне до сих пор является почти сакральным достижением, которое не подлежит сомнению. Таким образом, каждая из стран уверена в собственном моральном превосходстве и на уровне национальной идеи не готова обсуждать проблемные вопросы совместной истории. Заключая свой анализ отношений между Россией и Польшей, автор отмечает и то, что между странами нет не только

© Саморуков М.М. — зам. главного редактора Carnegie.ru Samorukov M. — Deputy Chief-editor Carnegie.ru. Текст первоначально был опубликован на сайте Московского центра Карнеги: https://carnegiemoscow.org/commentary/85115 каких-то сближающих процессов — нет также стремления со стороны политического руководства стран инвестировать политический капитал в преодоление разногласий. Автор, однако, считает возможным даже в условиях настолько ограниченных ресурсов предпринимать меры по нормализации отношений — однако это должны быть не масштабные символические жесты, а адресный диалог с целью добиться конструктива в отдельных узких сферах, где взаимодействие возможно и нужно обеим сторонам.

Ключевые слова: Польша, Россия, Советский Союз, Германия, Европейский Союз, Вторая Мировая война, пакт Молотова-Риббентропа, Варшавское восстание 1944 года, историческая память, национальное примирение, культ Победы

Очевидно, что польский и российский подходы к общей истории, особенно Второй мировой войны, не совместимы. Попытки добиться общенационального примирения, пускай самые искренние, ничего не дадут — наоборот, неизбежные провалы таких начинаний только добавят взаимной неприязни с обеих сторон. Но это не значит, что две страны обречены на вечное взаимное отчуждение.

Всякий раз, когда России доводится обсуждать какие-то вопросы с объединенной Европой или коллективным Западом, находятся страны, чью позицию можно точно предсказать заранее — еще до начала каких-либо обсуждений. Италия или, скажем, Кипр почти наверняка поддержат сотрудничество с Москвой, а вот Польша и страны Прибалтики выступят резко против.

Предмет обсуждения тут не играет особой роли. Будь то энергетика, европейская безопасность или страны общего российско-еэсовского соседства — смена темы никак не скажется на скептическом отношении Польши и Прибалтики к любому взаимодействию с Россией.

Подтверждения тому возникают регулярно — из недавних и ярких можно вспомнить появившуюся в июне 2021 года после встречи президентов России и США в Женеве идею пригласить российского президента на саммит лидеров Евросоюза. Несмотря на то, что инициаторами тут выступили Германия и Франция — две самые влиятельные страны ЕС, — инициатива все равно провалилась не в последнюю очередь из-за жесткого отказа Польши и Прибалтийских республик участвовать в таком саммите.

Понятно, что подобной непреклонностью поляков и прибалтов часто пользуются другие страны — зачем самим подставляться под российское

раздражение, когда отказ можно списать на польское и прибалтийское вето. И тем не менее не стоит недооценивать то влияние, которое эти страны оказывают на формирование общеевропейской и даже общезападной позиции по России — особенно если речь идет о Польше.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА ЕВРОПЕЙСКОГО ВОСТОКА

Самая крупная страна среди новых участников ЕС и НАТО, важный и проблемный партнер Германии, влиятельная сила с особыми интересами в западной части постсоветского пространства — все это делает мнение Варшавы важным не только для тех западных политиков, кто исповедует ценностный и морализаторский подход к международным отношениям. Можно вспомнить, что доля Польши во внешней торговле Германии втрое превышает российскую (Germany Exports...), поэтому Берлин — из чисто прагматических соображений — часто может ценить хорошие отношения с ближним восточным соседом выше, чем с дальним.

Не нужно быть большим специалистом по геополитике, чтобы понимать, что корни польского скепсиса по отношению к России уходят куда глубже, чем украинские события 2014 года, скандалы с вмешательством в американские выборы 2016-го или покушение на Навального в 2020 году. Поэтому даже если Москве каким-то чудом удастся разрешить текущие противоречия с Западом, это все равно не принесет в российско-польские отношения не то что тепла, но даже взаимопонимания.

Разобраться с недоверием и неприязнью между Россией и Польшей невозможно вне исторического контекста и особенно без разговора о событиях Второй мировой войны, а также накануне и после нее, которые стали определяющими для формирования современного национального самосознания обоих народов.

Правда, начинать такой разговор надо без иллюзий, что нескольких символических уступок, извинений и красивых жестов будет достаточно, чтобы преодолеть глубокое недоверие другой стороны. Наоборот, имеет смысл изначально исходить из того, что исторические противоречия и застарелые обиды между двумя странами и народами слишком глубоки, чтобы можно было надеяться на их примирение в обозримом будущем — через год, через пять или даже после смены поколений, сегодня находящихся у власти.

Мало того, и Польша для России, и Россия для Польши сейчас очень далеки от того, чтобы быть приоритетами во внешней политике друг друга. Это значит, что ни одна из сторон не станет инвестировать в диалог значительные финансовые и человеческие ресурсы. Тем важнее понять, где и как две соседние страны могли бы достичь чего-то действительно полезного, несмотря на очень ограниченные возможности.

РЕШАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

За три десятилетия, прошедшие после окончания холодной войны, Польша и Россия накопили огромный, хоть и не особенно позитивный опыт диалога на исторические темы. По этому опыту хорошо видно, что крупной помехой для нормализации отношений между двумя странами были не только исторические обиды, но и ложная вера, что эти обиды можно легко преодолеть.

Упрощенные и приукрашенные представления об успехах немецко-французского и польско-немецкого исторического диалога заставляли стороны добиваться не меньше чем полномасштабного общенационального примирения двух народов. А потом, когда эта погоня за миражами предсказуемо заканчивалась ничем, обижаться, раздражаться и бросать всякую работу по теме как бессмысленную.

Сосредотачиваясь исключительно на символической стороне процессов примирения между другими европейскими нациями, Польша и Россия предпочитали не обращать внимания на сопутствующие — геополитические и экономические — обстоятельства, которые сделали эти примирения возможными, а символические жесты — эффективными.

Каноническое взаимное прощение обид между немцами и французами после Второй мировой войны вряд ли было бы таким успешным, если бы оно не происходило одновременно с западноевропейской экономической интеграцией, общими усилиями по борьбе с коммунистической угрозой и укреплением доминирования США в Западной Европе. То же самое касается и немецко-польского примирения, чьи успехи часто приукрашиваются и никак не тянут на общенациональные. Даже те ограниченные результаты, которых удалось достичь, вряд были бы возможны без объединения Германии с его необходимостью смягчить польские опасения, а также последовавшего за ним расширения НАТО и ЕС на восток.

Большей части из этих важнейших обстоятельств, благоприятствующих историческому диалогу, в отношениях Польши и России никогда не было и, скорее всего, не будет. А значит, символические жесты вроде открытых писем (Статья Владимира Путина...), покаянных извинений и падений на колени могут быть сколь угодно благонамеренными, но — сделанные в экономическом и геополитическом вакууме — они не окажут существенного воздействия на отношения двух стран.

А если и окажут, то непродолжительное и легко обратимое вспять, когда, казалось бы, уже закрытые с обеих сторон исторические вопросы снова открываются и начинают опять генерировать взаимное раздражение. За последние 30 лет польско-российская дискуссия об общей истории усыпана подтверждениями этой закономерности: от вроде бы закрытой, но регулярно всплывающей снова Катыни до открытых писем по случаю

80-летия нападения Германии на СССР, которыми заочно обменялись в немецкой прессе президент Владимир Путин и бывший глава польского МИДа Радослав Сикорский.

В 2009–2011 годах они — вместе с тогдашним польским премьером Дональдом Туском — выступили соавторами на редкость смелой и далекоидущей попытки примирения Польши и России. Тогда Путин обратился к полякам с открытым письмом, где осудил пакт Молотова — Риббентропа, а затем вместе с Туском принял участие в траурной церемонии в память о массовом убийстве поляков в Катыни. Патриарх Кирилл совершил исторический визит в Польшу. Историки двух стран написали совместный труд — настолько объективный, что, по словам польского руководителя проекта, бывшего министра иностранных дел Адама Даниэля Ротфельда, невозможно было, не зная фамилии автора той или иной главы, определить, представлял автор Польшу или Россию.

Тем не менее катастрофа польского президентского самолета под Смоленском, последующий приход к власти в Польше консерваторов и ужесточение внутренней и внешней политики России способствовали тому, что первоначальный задел в отношениях двух стран не только не получил дальнейшего развития, а развернулся вспять. Примирение не состоялось, Варшава и Москва вернулись к привычному обмену историческими обвинениями.

Для того чтобы вечно буксующий исторический диалог двух стран принес хоть какую-то пользу, и Польше, и России нужны не только добрая воля и политическая решимость, но и реалистичное понимание того, какое огромное значение для них имеют события их общей истории. Понимание, что их взаимные исторические претензии — это не временное заблуждение, не чей-то каприз и уж точно не личные взгляды отдельного руководителя. Это важная, часто основополагающая часть их национальной идентичности. И ее невозможно пересмотреть или отменить с помощью трогательного открытого письма, красивой церемонии или даже в условиях смены власти.

ПЕРЕМЕНЫ И ИХ ОТСУТСТВИЕ

То, насколько принципиальным для национальной идентичности может быть определенное толкование исторических событий, особенно хорошо видно на примере Польши. Там в последние 30 лет порядки были куда более демократическими, чем в России, а СМИ — намного свободнее и разнообразнее, что не позволяет слепо списать все неприятные стороны массового восприятия истории на существующий режим и его пропаганду и тешить себя надеждой, что все образуется само собой вместе со сменой власти.

За эти три десятилетия власть в Польше менялась многократно и на свободных выборах, народное благосостояние выросло в разы, а сама страна стала полноправным и активным участником престижных западных объединений вроде Евросоюза и НАТО. И тем не менее все эти благотворные перемены мало повлияли на то, как поляки воспринимают сами себя и свою историю. Относительно недавнее — 2019 года — социологическое исследование показывает, что 74% поляков считают, что польская нация страдала в истории больше других (Polacy wycierpieli najwięcej...).

Это убеждение — давний общенациональный консенсус с минимальными вариациями по поколениям и социальным группам. Среди людей с высшим образованием таких будет лишь немногим меньше — 63%. А среди молодежи 18–29 лет — 67%. То есть даже те поляки, кто сам не застал ничего кроме довольно благополучной жизни в Евросоюзе, все равно уверены, что на фоне всего остального мира их нация выделяется особыми страданиями.

Образ нации-жертвы, которая благородно проигрывает превосходящим силам противника, но в этом поражении одерживает моральную победу, по-прежнему востребован в Польше так же, как он был востребован 30, 80 и 150 лет назад. Конкретные обстоятельства этого поражения, конечно, сильно изменились. Место оккупации 1939 года и Варшавского восстания 1944-го теперь заняли выборы президента Евросовета, где Польша одна голосовала (Tusk wygrał 27...) против остальных 27 стран ЕС (по иронии судьбы против кандидата-поляка, уже упоминавшегося либерального экс-премьера Туска). Но сама эмоция никуда не делась.

Польское общество по-прежнему считает прагматизм и компромиссы чем-то низким и недостойным, а безнадежные гусарские атаки на танки — образцом благородства и национального служения. Мало того, танковые колонны в Центральной Европе сейчас в большом дефиците, поэтому исходящую от них опасность приходится приписывать самым разным международным инициативам: от ратификации Лиссабонского договора о реформе Евросоюза до строительства газопровода «Северный поток-2». Ведь потребность проиграть и через страдание возвыситься над превосходящим противником никуда не девается даже тогда, когда нападать никто особенно и не стремится.

Польский опыт как нельзя ярче доказывает, насколько пусты надежды, что рост благосостояния, демократизация общественной жизни и смена поколений способны всерьез изменить то, как нация воспринимает саму себя и свою историю. Ждать, что время само по себе что-то там вылечит и успокоит, бессмысленно. Некоторые процессы могут даже пойти вспять.

Взять, например, многолетнюю динамику в опросах о польско-еврейских отношениях. В 1992 году 46% поляков считали, что во Второй мировой войне евреи пострадали больше, чем поляки. В 2021 году так же на этот вопрос ответили всего 26%. Зато с 6 до 20% выросла доля тех, кто считает, что больше всех пострадали поляки, и с 32 до 51% — тех, кто отвечает, что обе группы пострадали одинаково.

Таким образом, провалились надежды тех, кто верил, что крушение коммунистической власти в Польше приведет к более реалистичному восприятию истории, потому что коммунисты избегали темы Холокоста и замалчивали национальность погибших. Наоборот, демократизация открыла больший простор для традиционной польской идентичности, которая считает саму себя главной страдалицей в мире — народом-Христом, принимающим чужие грехи. Ведь страдание не только облагораживает, но и позволяет отмахнуться от обвинений в собственных преступлениях: жертва не может быть одновременно еще и палачом.

Аналогичным образом ни демократия, ни высокий уровень жизни, ни большая открытость миру не отменяют болезненной концентрации на собственной истории, а также агрессивной реакции на любые попытки усомниться в ее канонической версии. Когда в 2018 году польские власти приняли закон (Poland's Senate passes...), предусматривающий до трех лет тюрьмы за публичные заявления о причастности поляков к Холокосту, это не было случайным капризом маргинальных политиков, безнадежно оторванных от реальности современной, модернизированной и европейской Польши.

Совсем нет: по опросам (Niemal 40 proc...), 39% поляков согласны с тем, что нужно в судебном порядке преследовать историков, которые дискредитируют Польшу — например, пишут об участии поляков в Холокосте. И опрос этот проводился не в тяжелые послевоенные годы, в разрухе, со свежими воспоминаниями о пережитой трагедии, а в благополучном 2021 году, после двух десятилетий беспрецедентного экономического роста, когда Польша как никогда близко подошла к тому, чтобы стать полноценной частью развитого западного мира. Базовые установки национальной идентичности оказываются штукой слишком цепкой и живучей, чтобы их можно было стереть даже успешной модернизацией и либерализацией.

диалог о святом

Для русской идентичности Вторая мировая война — событие не менее важное, чем для польской. Достаточно сказать, что Победа в Великой Отечественной из года в год набирает (Национальная идентичность...) в опросах под 90% как историческое событие, которым больше

всего гордятся в России. А 69% россиян считают (Почти 70% россиян...) День Победы главным праздником. Но интерпретируется война совсем иначе.

Там, где у поляков — почти сладострастное упоение поражением как доказательством их порядочности и благородства, в России царит культ Победы, которая хоть и досталась ценой огромных страданий, но зато стала самым мощным доказательством способности русских справиться с любыми трудностями и победить вопреки всему.

Уже здесь возникают расхождения, которые сложно преодолеть в ходе даже самого благожелательного исторического диалога. Но еще больше, чем различия, русских и поляков разделяют общие черты в их восприятии Второй мировой войны и ее последствий.

Общность русского и польского подходов становится яснее, если попробовать сформулировать их интерпретацию войны в одной фразе. У поляков это будет «Мы больше всех страдали, поэтому нам все должны». У русских — «Мы всех спасли, поэтому нам все должны». То есть мотивы получаются разные, но выводы из них делаются похожие.

Обе нации уверены в собственной исключительности, а также в том, что весь остальной мир им бесконечно обязан. Сходной оказывается и болезненная любовь накручивать себя по поводу истории 80-летней давности, к которой почти никто из ныне живущих не имеет прямого отношения. Но главное, что в обоих случаях все это складывается в твердое убеждение, что любые обвинения или упреки в адрес русских/польских участников тех событий — это недопустимое святотатство, заслуживающее самого сурового отмщения.

Лютая непропорциональная ненависть поляков к словосочетанию «польские концлагеря», с одной стороны, и «оскорбление ветеранов», которое российские власти готовы видеть под каждым кустом, с другой, — это явления одного порядка. В их основе — общенациональная вера, что наши деды своими подвигами и страданиями сполна искупили любые свои грехи тех лет, поэтому никто другой не смеет о них даже заикаться.

В обеих странах эта вера по своей искренности, глубине и распространенности легко обходит любые догматы религиозных конфессий. Сегодняшние поляки могут считаться самым католическим народом Европы, а русские — придумывать себе православные скрепы, но и для тех, и для других гораздо более универсальная святыня заключается именно в этом — в почти религиозном культе предков, участвовавших во Второй мировой войне.

Этот культ только крепнет по мере ухода реальных участников тех событий, и попытки совместить его с извинениями, признанием справедливости обвинений и тем более покаянием — утопия, обреченная на

провал. Абсурдно ожидать, что комиссия авторитетных историков или договоренность политиков сможет заставить две нации забыть свою самую сакральную ценность и убедит русских каяться перед поляками, а поляков — простить и благодарить русских.

ИСТОРИЯ И ПРАВИТЕЛИ

ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИИ

Надеяться, что смена руководства или даже политического режима поможет как-то преодолеть эту пропасть, тоже бессмысленно. Конечно, нынешний российский режим часто не считается с минимальными требованиями вкуса и здравого смысла в своем стремлении превратить память о войне в гражданскую религию — тут можно вспомнить эклектичный перенос (Касzyński zapowiada zmiany...) частички Вечного огня в храм Минобороны или трофейное оружие, из которого отлили ступени того же храма.

Обвинения в неуважении к ветеранам, даже лишенные минимальной убедительности, используются и в борьбе с оппозицией. А бесконечный поток законов, регулирующих, какой должна быть история Второй мировой, направлен прежде всего на легитимацию нынешних властей, а не на борьбу за точность исторической науки.

Не очень понятно, однако, почему будущие правители России, пускай и более демократичные, вдруг откажутся от использования столь благодатной темы. Опыт Польши, где власть меняется куда чаще, показывает, что демократические выборы на этот вопрос не влияют.

Несомненно, удобнее было бы списать одержимость российских властей памятью о войне на личные пристрастия конкретного правителя или на недостаток легитимности режима, но вот цитата, как будто взятая из выступлений бывшего министра культуры Владимира Мединского: «Мы должны наконец покончить с педагогикой стыда и однозначно выбрать педагогику гордости, как это делает каждая нормальная страна в Европе и мире». Только это не Мединский, а нынешний министр образования Польши Пшемыслав Чарнек, чья партия победила на демократических выборах в европейской Польше — причем победила с таким запасом, что смогла в одиночку сформировать правительство.

Когда Владимир Путин в своих публичных выступлениях все чаще и чаще переходит на тему Великой Отечественной и ее освещения в школьных учебниках, для многих это выглядит ярким признаком деградации российского режима, символом его оторванности от реальных нужд и забот современной России.

Но можно сравнить эти выступления с тем, о чем говорит сейчас Ярослав Качиньский — неформальный лидер Польши и глава партии, которая добилась лучших результатов в истории польской демократии.

A говорит (Kaczyński zapowiada zmiany...) он о том, что количество уроков истории в школах надо увеличить до 6–7 в неделю, потому что иначе не получится сформировать достойного и по-настоящему патриотичного польского гражданина.

Кто-то, наверное, пойдет еще дальше и скажет, что менять надо обоих лидеров. Что вся беда в том, что и Россией, и Польшей сейчас правят престарелые безответственные популисты, которые готовы культивировать худшие черты своих народов, лишь бы удержаться у власти. А после них все можно будет сравнительно легко наладить — была бы политическая воля. Но неутешительные результаты польско-немецких попыток примирения, продолжающихся уже больше полувека, показывают, что вопросы отношения к истории связаны с личностями правителей намного слабее, чем многим представляется.

НЕМЕЦКАЯ ПОПЫТКА

Долгий и трудный диалог поляков с другим соседом и частым в истории недругом — немцами — наглядно показывает, на что можно и на что бессмысленно надеяться в отношениях Польши и России. Польско-немецкий диалог об общей истории начался гораздо раньше, еще в годы холодной войны, и с тех пор ведется уже больше полувека. Ведется последовательно и тщательно, с привлечением огромных ресурсов и в чрезвычайно благоприятных обстоятельствах.

В прошлом году исполнилось 55 лет открытому письму польских епископов немецким, призывавшему к взаимному прощению, и 50 лет знаменитому жесту канцлера ФРГ Вилли Брандта, который упал на колени перед памятником в Варшавском гетто, каясь за преступления нацистов. С тех пор немецкие руководители и общественные деятели всевозможных уровней многократно приносили полякам извинения, признавали свою полную и несомненную ответственность, подтверждали отказ от любых встречных претензий, выплачивали финансовые компенсации и так далее.

Было создано несметное число совместных комиссий, проектов, НКО, конференций об общей истории. С конца 1980-х годов это проходило в благоприятных условиях объединения Германии и Европы, когда немцы и поляки были готовы на огромные уступки, чтобы преодолеть расколы холодной войны и сделать Восточную Европу частью Запада в политическом, экономическом и ценностном отношении.

Тем не менее полвека этой кропотливой и разносторонней работы, куда было вовлечено огромное количество благонамеренных людей с обеих сторон, никак не мешают нынешнему польскому правительству требовать (Raport o stratach wojennych...) от Германии многомилли-

ардных компенсаций за потери, понесенные во Второй мировой войне, а польскому премьеру Матеушу Моравецкому на церемонии 74-летия освобождения Освенцима (Po słowach Morawieckiego...) говорить о том, как опасно усилились попытки размыть ответственность Германии за преступления нацистов.

Такие претензии могут генерироваться бесконечно, независимо от того, с какой скоростью и тщательностью их удовлетворяет другая сторона. Казалось бы, сколько их уже было — жестов немецкого покаяния за последние 50 лет. Но сегодня Польша все равно требует от Германии еще один: поставить в Берлине памятник (Bez pomnika polskich ofia....) именно польским жертвам нацистов. Нужно, чтобы он был отдельный, а не совмещенный с другими категориями жертв.

И тут не помогает даже то, что памятник польским солдатам Второй мировой в Берлине уже есть. Нет, он не годится (Dlaczego w Berlinie...), потому что поставлен еще в советские времена, изображает не тот польский герб — и вообще немецкая молодежь катается вокруг него на скейтах, что не дает создать соответствующую траурную атмосферу.

Понятно, что, когда памятник поставят — даже с правильным гербом и подходящей атмосферой, — за ним тут же последует требование еще чего-то. Потому что закрывать этот вопрос нельзя: без него рушится одна из основ польской национальной идентичности, рушится цельность того, как поляки воспринимают себя и свое место в Европе и мире. Поляки как нация, которой немцы больше ничего не должны, — это уже не поляки.

В отношениях Польши и России и близко нет тех благоприятных условий, которые сопутствовали польско-немецкому историческому диалогу в последние десятилетия. Ни Польша, ни Россия не проявляют особого интереса к налаживанию экономического сотрудничества и не видят смысла всерьез вкладываться в улучшение отношений. Две страны оказались по разные стороны в новом геополитическом противостоянии, а масштабы человеческих контактов двух народов, несмотря на общую границу, весьма скромные.

А главное, в России нет и намека на готовность признать вину за события прошлого и принести за них извинения. Потому что это неизбежно скомпрометирует важнейшую нациеобразующую концепцию Великой Победы и спасения мира от нацизма, которая для русских не менее важна, чем для поляков вера в исключительность их страданий.

Немецкая готовность к покаянию за прошлое — уникальное явление, которое вряд ли было бы возможно без разгромного поражения в войне, приговора Нюрнбергского трибунала и долгой иностранной оккупации. Рассчитывать на успешное внедрение этого опыта в других странах наивно. Можно было бы думать, что крах советского коммунизма, распад

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

СССР и поражение в холодной войне могли бы сподвигнуть современную Россию к похожей рефлексии, но на практике последствия получились обратными.

Унижение от проигранного противостояния с Западом заставило русских еще больше дорожить Великой Победой как доказательством великодержавного статуса России, который не может быть утрачен изза временных трудностей. Сложно представить, какие чрезвычайные обстоятельства могли бы заставить Россию поставить под вопрос эту ключевую для нации концепцию ради туманных перспектив диалога с таким второстепенным внешним партнером, как Польша.

УЗКО, НО ПОЗИТИВНО

Очевидно, что польский и российский подходы к общей истории — особенно Второй мировой войны — несовместимы. Попытки добиться общенационального примирения, пускай самые искренние, ничего не дадут: наоборот, неизбежные провалы таких начинаний только добавят взаимной неприязни с обеих сторон.

Но это не значит, что две страны обречены на вечное взаимное отчуждение. Опыт польско-немецкого исторического диалога, а также отношений России с другими странами Восточной Европы показывает, что определенные позитивные результаты возможны. Конечно, они не будут такими масштабными и радужными, как хотелось бы некоторым участникам процесса, но они могут быть вполне осязаемыми, и это само по себе станет достижением.

Прежде всего, история не должна становиться единственной темой в отношениях, как это происходит сейчас между Россией и Польшей. Со времен соцлагеря две страны унаследовали внушительную инфраструктуру взаимных связей, где до сих пор занято немало людей. Этим людям нужно чем-то заниматься, многим — просто по долгу службы.

Отсутствие других тем в отношениях постоянно выталкивает их на болезненные вопросы сохранности захоронений, юбилейных выставок, архивов и прочие генерирующие раздражение истории, которые могли бы быть менее заметными, если бы акцент можно было сделать на чемто другом.

При должном внимании нетрудно заметить, что российская интерпретация Второй мировой несовместима не только с польской, но и с той, что продвигает правительство (Комментарий официального представителя...) премьер-министра Виктора Орбана в Венгрии или даже правительство (Serbia's Ruling Party...) президента Александра Вучича в Сербии. Причем по некоторым аспектам расхождения с венграми и сербами будут еще большими, чем с поляками.

Однако эти расхождения до сих пор не становились центральной темой в отношениях России с этими странами. Дело в том, что помимо сложной общей истории у России и с Венгрией, и с Сербией есть сегодня общие проекты, выгоды от реализации которых перевешивают выгоды от ковыряния в исторических болячках.

Еще одно решение можно позаимствовать из польско-немецкого опыта. Это отказ от амбициозного, но безнадежного общенационального диалога в пользу более узкого и адресного. Да, народам Польши и Германии, несмотря на огромные усилия и инвестиции, так и не удалось прийти к полному примирению. Но с обеих сторон — часто на ключевых позициях — появилось огромное количество людей, которые отказались от взаимных фобий или как минимум не ориентируются на эти фобии при принятии решений.

Таких людей никогда не будет достаточно, чтобы, скажем, сделать пронемецкие лозунги способом собрать массовую поддержку в польской политике. Но этого и не требуется. Гораздо важнее, что благодаря этим людям две страны смогли отодвинуть в сторону больные вопросы истории и выстроить тесное экономическое сотрудничество.

Наконец, обе страны могли бы не только заметно оздоровить атмосферу в отношениях, но и в целом облегчить себе жизнь, если бы почаще игнорировали то, какие интерпретации общей истории они используют для внутреннего употребления. Заставить польское общество принять русское понимание Второй мировой, а российское общество — польское невозможно.

Эту невозможность надо принять как данность и больше не пытаться внести в нее свои правки, которые все равно не будут приняты. Намного продуктивнее будет перестать упиваться просмотром телевизионных ток-шоу другой стороны, не отслеживать заявления второстепенных политиков и не раздувать перенос любой бетонной стелы до причины для разрыва отношений.

Польша и Россия демонстрируют удивительную взаимопонимаемость культур, в обеих странах еще сохраняется интерес друг к другу, а менталитеты двух народов — одни из самых близких в Европе. Взять хотя бы ту искреннюю страсть, с которой и поляки, и русские продолжают копаться в событиях 80-летней давности.

Несмотря на все проблемы, между странами сохранилась немалая инфраструктура двусторонних связей, которую можно направить не на поиск новых поводов для взаимных претензий, а на что-то позитивное. От этого позитива не надо ждать того, что два народа побегут заключать друг друга в объятия: наоборот, крах завышенных ожиданий уже не раз усиливал отчуждение между Россией и Польшей.

Разумнее отказаться от наивной веры в чудодейственную мощь торжественных церемоний, открытых писем и преклоненных колен, которые многократно доказывали свою неэффективность, и сосредоточить ограниченные ресурсы на гораздо более узком и адресном диалоге. Это не сделает менее популярными антирусские лозунги в Польше и антипольские — в России. Но зато может помочь вывести из тени истории хотя бы те сферы, где сотрудничество двух стран объективно взаимовыгодно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bez pomnika polskich ofiar w Berlinie? Niemiecki historyk łączy temat z kwestią reparacji. Available at: https://www.tvp.info/54258812/nie-bedzie-pomnika-polskich-ofiar-w-berlinie-nie-miecki-historyk-peter-oliver-loew-mowi-o-reparacjach-i-dwoch-spoleczenstwach-spraw-cow-i-ofiar (accessed 26.05.2021).
- Dlaczego w Berlinie nie ma pomnika polskich ofiar wojny? I czemu Polacy kochają książki Zychowicza? [WYWIAD]. Available at: https://oko.press/polacy-i-niemcy-polityka-historyczna (accessed 26.05.2021).
 - Germany Exports By Country. Trading economics. Available at: https://tradingeconomics.com/germany/exports-by-country (accessed 26.05.2021).
- Kaczyński zapowiada zmiany w nauczaniu historii. "Polska musi być Polską". Available at: https://www.wprost.pl/polityka/10447573/kaczynski-zapowiada-zmiany-w-nauczaniu-historii-polska-musi-byc-polska.html (accessed 26.05.2021).
- Niemal 40 proc. Polaków za karaniem historyków ujawniających polski współudział w Zagładzie [SONDAŻ]. Oko.press. Available at: https://oko.press/niemal-40-proc-polakow-za-karaniem-historykow/ (accessed 26.05.2021).
- Po słowach Morawieckiego o odpowiedzialności za Zagładę. Historyczny populizm premiera. Available at: https://wyborcza.pl/7,75968,24408777,po-slowach-morawieckiego-o-odpowiedzialnosci-za-zaglade-historyczny.html?disableRedirects=true (accessed 26.05.2021).
- Polacy wycierpieli najwięcej ze wszystkich narodów świata. Tak uważa 74 proc. badanych (Polaków). Oko.press. Available at: https://oko.press/polacy-wycierpieli-najwiecej-ze-wszystkich-narodow-swiata-tak-uwaza-74-proc-badanych-polakow/ (accessed 26.05.2021).
- Poland's Senate passes Holocaust complicity bill despite concerns from U.S., Israel. The Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2018/02/01/polands-senate-passes-holocaust-complicity-bill-despite-concerns-from-u-s-israel/ (accessed 26.05.2021).
- Raport o stratach wojennych jest gotowy, wniosek do TK o otwarcie ścieżki sądowej dla odszkodowań złożony. Potrzeba decyzji. Kiedy będzie właściwy moment na reparacje? Available at: https://wpolityce.pl/polityka/557659-raport-gotowy-wniosek-do-tk-zlozony-kiedy-reparacje? (accessed 26.05.2021).
- Serbia's Ruling Party is Rewriting World War II History. Available at: https://balkaninsight.com/2021/05/17/serbias-ruling-party-is-rewriting-world-war-ii-history/?fbclid (accessed 26.05.2021).
- Tusk wygrał 27:1. Jak wyglądał ten dzień? Wyborcza. 09.03.2021. Available at: https://wyborcza.pl/7,75399,21478942,tusk-wygral-27-1-jak-wygladal-ten-dzien.html (accessed 26.05.2021).
- Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой в связи с высказываниями Премьер-министра Венгрии В.Орбана. Available at: https://archive.mid.ru/

- en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4411091?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (accessed 26.05.2021).
- Национальная идентичность и гордость. 17.01.2019. Available at: https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/ (accessed 26.05.2021).
- Почти 70% россиян назвали День Победы самым важным праздником в стране. TASS. 07.05.2021. Available at: https://tass.ru/obschestvo/11323635 (accessed 26.05.2021).
- Статья Владимира Путина «Быть открытыми, несмотря на прошлое». Президент России. 22.06.2021. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/65899 (accessed 26.05.2021).

CAN RUSSIA AND POLAND EVER OVERCOME THEIR HISTORICAL DIFFERENCES?

Maxim Samorukov

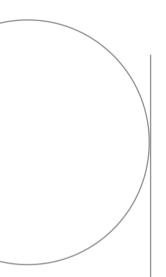
Carnegie Moscow Center, Moscow, Russia, e-mail: msamorukov@carnegie.ru

Abstract. In this article the author analyzes the reasons of profound skepticism towards Russia in the Polish foreign policy and suggests his vision on how to bridge the divide between two countries. The aversion between Poland in Russia takes root in the World War II events, as well as it did for aversion between Poland and Germany and, partially, Germany and France. However, the author implies that it is useless to focus on reconciliation between these countries as an example — they overcome historical divisions due to the profound economic and political processes that united them.

Any symbolic gestures of Polish or Russian authorities either have no effect at all or their effect is easily reversed, as there is no substantial political and economic foundation for the normalization of relations. Moreover, there are significant obstacles in the national consciousness — Poles perceive themselves and their country as martyrs that always face much stronger enemies (including USSR and Russia) on their own. At the same time, Russian consciousness perceives the victory in the Great Patriotic War as one of the most prominent achievements in Russian history, almost a sacred one, the one that cannot be argued upon. Thus, each country is assured that it has a moral high ground, refusing to discuss problematic issues of history shared by them. Concluding his analysis of Russian-Polish relations, the author notes that besides the lack of unifying political and economic processes, there is no will to invest time and political capital in reconciliation in any country's political elites. However, the author believes that it is possible to take certain measures even in such circumstances, although these should be not pompous symbolical gestures, but the narrow-targeted dialogue aimed at constructive interaction in the chosen few spheres where it can be possibly reached.

Key words: Poland, Russia, Soviet Union, Germany, European Union, World War II, the Molotov-Ribbentrop pact, the Warsaw Uprising of 1944, historical culture, national reconciliation, the cult of Victory

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА СЕГОДНЯ

УЛК 339

Rafał Lisiakiewicz

Cracow University of Economics, Poland, Krakow, e-mail: r.lisiakiewicz@gmail.com, ORCID: 0000-0001-8649-6518

The Influence of Integration Processes on Relations Between Minor and Major Players.

A Case Study of Polish-Russian Relations

Abstract. The author analyzes the problem of Russian-Polish relations in the context of theories related to the institutionalization of international relations to explain the related phenomena. He also proposes the thesis that it was the integration processes in Central and Eastern Europe and the reaction to them in Poland and Russia that have largely determined Russian-Polish relations. Moreover, the author emphasizes that in the context of changes in the architecture of European security, the activity of minor states such as Poland has significantly influenced relations with Russia, which is trying to maintain its influence in Central and Eastern Europe.

Key words: integration processes, Polish-Russian relations, Poland, Russia.

Лисякевич Р. – PhD, доцент кафедры политических наук Краковского экономического университета.

Lisiakiewicz R. – PhD, Assistant Professor, Department of Political Science, Cracow University of Economics.

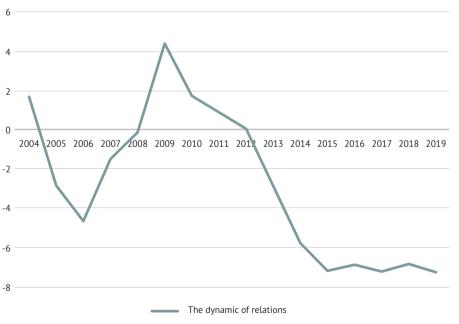
Introduction

The main thesis presented in this manuscript is that the challenges of Russian-Polish cooperation can be associated with the issues of institutionalization of international relations. To verify it, the author will refer to theories of institutionalization of international relations, as they largely explain the nature of Russian-Polish relations.

Since the 1990s, Russian-Polish relations seem to be strongly influenced by the integration choices of both countries and particularly dynamized by Poland's accession to NATO and the EU. The model of Russian-Polish relations presented below indicates that the turning points for these relations were primarily related to integration processes.

The following chart is a graphical presentation of a proprietary model of Russian-Polish relations developed, which takes into account the whole range of factors that make up the state of Russian-Polish relations (from political to economic). The results of this modeling gave rise to a closer look at the theory of institutionalization of international relations and its relation to Russian-Polish relations.

Graph 1. The graph presenting the dynamics of Russian-Polish relations. The declines are related to the challenges of the institutionalization process.

ЗИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

Theories of institutionalization of international relations vs. Russian-Polish relations

To a large extent, the relations between Russia and Poland reflect the classic international relations between powers and subordinate states. The general theory of international relations does not offer many opportunities for minor and medium-sized states to impact those relations. Much of how major powers interact with subordinate states, whether through coercion or positive incentives, is by influencing their foreign policy behavior to better suit the preferences of the major power. This is especially true since major powers are more likely to join asymmetric international organizations in which they can be leaders (Palmer G. et al. 2006: 82). When considering the interactions between major and subordinate powers, many researchers focus on the coercive power that major state actors have over minor ones (Barnet M., Duvall R. 2005). Major powers have both material and social resources, which are desired by minor states and can be used to influence their behavior. The influence of major powers on other actors through coercion is a fact, even if it is not explicit and intentional (Barnet M., Duvall R. 2005). In cases where there is no direct coercion, minor entities will receive protection or economic rewards in exchange for concessions. A certain community of interests and mutually provided services is created between the dominant and dependent states. For example, when minor powers join alliances with great powers or accept troops of great powers in their territory, it is expected that the great patron will provide protection to the protégé (Lake D. 2009: 134, 139). Protection is 'outsourced' by finding a patron or entering an integration institution, which usually has specific leaders.

The theory of hierarchy in international relations, as proposed by David Lake according to this logic, also has an economic dimension, which is important for Russian-Polish relations. Both the security and the economic hierarchy increase the subordinate state's commercial openness, especially towards the dominant state. This also leads to economic dependence on the stronger state. Subordinate states also join military coalitions led by the dominant state. Under this extreme market dependency model, the parties decide to trade, invest, or otherwise engage in economic interactions similar to security diplomacy while retaining full sovereignty. Not unlike diplomacy, market exchange comes close to the ideal of Westphalian sovereignty. An example is the contemporary economic relations of the United States with countries in western Europe and Africa. With thriving relations of exchange with the former, and anemic relations with the latter, the USA does not exercise any significant power over the economic policies of states in any of the regions. At the opposite end of this model, a subordinate state transfers power over all its economic policies, including the currency, to another state. Both the 'unadulterated' dependence

and the full market model are rare; more often hybrid forms can be observed more often. As with security relationships, several indirect forms of economic relationships can be identified while recognizing the considerable variability within each ideal type. In economic zones, which are roughly equivalent to zones of influence in the sphere of security, the subordinate state cannot grant market privileges to third party actors or make economic transactions that grant other players influence over their affairs. In weaker models of dependence, dependent partners have a more extensive ability to make sovereign decisions, as exemplified by Russia's relations with Kazakhstan and Belarus in the 2000s. (Lake D. 2009: 56–57).

Jesse Johnson showed that states enter into alliances at an expense. Minor ones sacrifice their sovereignty but gain protection; major ones increase their power and influence, albeit bearing the expense of operating cost of the alliances. At the same time, minor states enter alliances to pursue their national interests, including increasing the probability of victory over their opponents, which is unavailable alone (Johnson J. 2015). At the same time, by agreeing to accept patronage, minor states can reduce their spending on armaments and allocate it to other purposes, in addition to increasing national security. This points to the internal conditions of the alliance-building process (Kimball A. 2010).

These considerations are very valuable to understanding the tensions in Russian-Polish relations. They could suggest that Poland, by entering into integration institutions such as NATO and the EU, tried to increase the possibility of realizing its national interests. At the same time, by assuming the role of a member of these organizations, it could risk a conflict with Russia, which tried to maintain its influence and build its own integration institutions. Stephen M. Walt suggested that minor states could use the balance strategy against similar potential adversaries, but against powers they will use the bandwagoning strategy (Walt S. 1985). This can be observed in Poland's accession to NATO, caused by the fear of a revival of Russia's power.

The reasons for tensions between Russia and Poland

The above comments can largely explain many reasons behind tensions in Russian-Polish relations. Why is it then that all EU and NATO states, or their new members, do not have the same tense relations with Russia as Poland? The other V4 states also joined NATO and the EU, but, apart from the Czech Republic, no significant tensions or structural discrepancies were observed here, contrary to Russian-Polish relations. The reason is probably due to Poland's foreign policy toward the European Union and NATO. By entering the area of influence of the Russian Federation, Poland is pursuing an active foreign policy. As a state with no more than an average potential, it was more

determined to change the balance of power in Europe from the early 1990s, according to the institutionalism theory. Glenn Palmer and T. Clifton Morgan observed an interesting phenomenon that is important for Russian-Polish relations. They verified the popular statement of realists that in international relations it is the powers that have a greater chance to achieve their goals, and it is them that generally moderate them, as opposed to the subordinate states. The researchers found that it is often minor states that are more motivated to seek various solutions and changes in the system when their needs are not met. Therefore, they shed new light on the dependence between preferences and opportunities in international relations, pointing out that there is no constant dependence between them (Palmer G., Morgan T. 2006: 104). This important study showed that the reasons behind tensions in Russian-Polish relations could be the efforts of the minor state, i.e. Poland, to change the international system by changing the geopolitical position of the Eastern European states and Russia itself, regardless of the success of these efforts.

The above-mentioned research could suggest that the change of integration vectors in Poland's foreign policy after 1989 (from Soviet institutions to the western ones, i.e. NATO and the EU) caused tensions in bilateral relations with Russia, followed by economic repercussions, e.g. in the sanctions policy. Such tensions are not observed in the relations between Russia and other post-communist European states (except possibly the Baltic states) or the Federal Republic of Germany. This is probably because Poland is quite intensively involved in the institutionalization of international relations in Eastern Europe. Moreover, as Mansfield points out, the potential profits from trade with Poland do not balance the broadly understood threats to the security of the Russian Federation, especially in view of Poland's tertiary importance for Russia and Poland's close allied relations with the USA. In comparison, Germany, which is more distanced from the US and at the same time brings it great profits from economic cooperation, compensates for these security threats in terms of economic cooperation with Russia (Mansfield E. 2002: 170).

It can be therefore concluded that the transformation and integration processes are of great importance in understanding the causes of tensions in Russian-Polish relations. First, Poland chose a different type of political and economic model than Russia. Secondly, Poland entered the integration institutions that competed with Russian economic and political integration projects and began to support the expansion of these institutions to the East. From this point of view, research and theories on the above-mentioned issues should also be mentioned.

The consequences of Poland's membership in the European Union and NATO can also be found in the case of the Russian sanctions policy and its reactions to the actions of the West. It seems that Russia has perfectly sensed

the problem noted in the sanctions theory, where minor states try to use their membership in integration organizations to increase their influence over another entity external to this organization. In the case of the sanctions policy, minor states try to act together and use the platform provided by the organization of which they are members. On the other hand, major countries, such as Russia, usually act more unilaterally in their sanctions policy, which is also close to realistic ideas on the nature of international relations (Martin L. 1992: 90–92; Mansfield E. E. 2002: 179–180). These authors note that the model of cooperation within institutions is very common among the Member States of the European Union (Keohane R., Martin L. 1995). Powers often interpret the action of international institutions, such as the EU, as a result of the influence of certain member states or external entities that often inspire these members. In the case of Russian-Polish relations, Poland is recognized in Russia as an unfavorable EU member state, often cooperating with the United States in this process.

Institutions as foreign policy tools — implications for Russian-Polish relations

Theorists point to the role of international institutions and regimes in international relations. Poland's integration with western institutions, such as the European Union and NATO, first redefined the importance of Poland in international relations through membership in these institutions. Secondly, it affected the implementation of certain international regimes, norms and behaviors, also in the economic aspect. According to M. Pietraś, states chose various forms of institutions, striving to balance the dynamics of opportunism and costs, depending on the needs and character of the regulatory area. Thanks to institutions, the states cut the costs of functioning in the international system and increased their opportunities. The variety of institutionalization forms results from the rational choice of states that adapt institutional solutions to the implementation of various goals and interests (Pietraś M. 2015: 129). The author supports the opinion of L.L. Martin and B.A. Simmons stated that international institutions should be treated both as an objective of strategic choice and as a means of curbing of the actors' behavior. This is known to researchers, however, it has been neglected in many debates between realistic and institutionalist researchers of international relations (Martin L., Simmons B. 1998). These utilitarian advantages of the institutions were the motives behind Poland's entry into the integration institutions of the West. For Russia, they guided the integration institutions it created in the post-Soviet area. However, the institutions to which Poland enrolled and which Russia created were competitive with each other, and this led to tensions in Russian-Polish relations. Institutional issues had an indirect impact

on decisions in Russia's foreign policy towards Poland with regard to economic issues. One example were the sanctions, which, incidentally, were imposed in connection with Poland's commitment to the pro-Western course in Ukraine's policy (2005 and 2014).

The author states that institutionalization was among the most important issues in terms of impact on political relations, trade and investments between Russia and Poland. Moreover, as P.J. Katzenstein, R.O. Keohane and S.D. Krasner point out, the very subdiscipline of international relations, i.e. the international political economy, has been related to the issues of international institutions from the very beginning (Katzenstein P. et al. 1998). Poland tried to use its membership in both the EU and NATO to strengthen its goals in the so-called eastern policy. This is in line with the entire list of authors treating institutions as a kind of tool through which states strive to minimize costs and maximize benefits in pursuing their exogenous interests. Interests, including economic ones, were one of the most important issues in the relations between the state and international institutions (Ruggie J. 1993: 31–35; Katzenstein P. et al., 1998). Please note that in liberal theories, the concept of interests in relation to international institutions could go from the internal state level to pluralistic interest groups (Katzenstein P. et al. 1998). In essence, the authors agree that actors are ontologically primary to structure. This is because actors can create and change institutions, which then reduce transaction costs for international interactions, and can alter the national cost-benefit calculations by rewarding some actions and punishing the other (Caporaso J., 1993: 70; Martin L. 1993: 91). Therefore, due to the institutions, states expand their opportunities. This 'expansion' was to include, in particular, the development of a joint energy policy with other EU countries and subjecting Russia to EU regulations. The case of Russian investments and trade was similar, as Poland was the initiator of solutions that raised objections in Russia itself. Another extremely important issue was the integration of the CIS countries with the EU and NATO, which directly impacted Russian-Polish relations. Russia's reactions to Poland's actions in this respect directly affected trade and investment cooperation, e.g., Russia's efforts to bypass transit countries or the sanctions in Russian-Polish relations. However, please note that institutions face the classic problems of collisions and symmetries of interests between their members (Martin L. 1993:103), which is especially observable with regard to energy interests of Poland and Germany (the Nord Stream problem), which paved the way for Russian diplomacy.

The relationship between the state and international institutions could also take another turn, as observed especially by constructivism. It assumes that actors and institutions are mutually constitutive, as stated e.g., by A. Wendt (1992) or J.T. Checkel (1998). March and Olsen noted that the as-

sumption that in international relations interests are exogenous and thus modeled externally is wrong. The authors believe that the interests of actors are endogenous and therefore can change in the course of interaction with other actors (in common subsystems), as well as when acting as part of an institution with specific norms, rules, and identities (March J., Olsen J. 1998). Participation in institutions forms member states to possibly refer to a different catalog of values than entities external to these institutions.

As noted above in several points with regard to institutionalization theories, the problem of Polish membership in Western institutions also had a flip side. Poland was also becoming a party/element of the policies of these institutions regarding Russia, although largely due to its involvement within the EU and NATO in Russian matters. This had both a positive and negative effect on the mutual relations of these states. The positive is the EU solutions, which created the framework for cooperation with Russia. The negative is, for example, the sanctions that Russia introduced against the entire EU in 2014, and Poland was only one of the member states against which they were executed. In the institutionalization aspect, it was also noticeable that Poland was treated by Russia as a kind of scapegoat when it came to, e.g., identifying the causes of problems in Russia's relations with Western institutions.

In her work verifying the assumptions of the democratic peace theory, J. Gowa pointed out that the expansion of democratic institutions in the world (including Western integration institutions) could cause tensions. Gowa notes that the strategy of expanding Western democracy could be dangerous to the international order. First, this is because countries undergoing transformation could be more prone to crises and conflicts, including international ones. Second, the 'export' of democracy itself causes international tensions and could even create new opponents (Gowa J. 1999: 109–114). According to Gowa, the coalition of alliances (including economic ones) implies a certain amount of conflict between competing alliances (Gowa J. 1994: 7, 120). This can be observed in the case of Russia and Western institutions of which Poland is a member. President Putin assessed Western integration institutions from the point of view of Russia's interests during his famous speech at the Munich peace conference in 2007, when he criticized the expansion of NATO, violations of alleged agreements with Russia, and disregarding the interests of the Russian Federation (Vystupleniye.., 2007). These interests were relatively precisely defined a year later in the so-called Medvedev's plan on a new vision of European security. The essence of this plan was the division of the spheres of influence in Europe. In the East, its border was to run along the eastern borders of the countries already admitted to the European Union, i.e. the Baltic states, Poland, Slovakia, Hungary, and Romania (Kaczmarski M. 2008). Although the West did not accept Medvedev's plan, Russia was offered

the Partnership for Modernization economic program. Please note that the Partnership for Modernization, which was a German initiative, was launched right after the unfavorable reception of the EU Eastern Partnership program in Russia, authored by Poland and Sweden. In both the Partnership for Modernization and the Eastern Partnership, the economic elements were very clear. The Partnership for Modernization was designed to support the development of economic cooperation between the European Union and Russia and the economic modernization of Russia itself. The Eastern Partnership, in turn, brings the six countries that neighbor the European Union in the East (Belarus, Ukraine, Moldova, Georgia, Armenia and Azerbaijan) closer to EU standards. It is worth mentioning that the addressees of the Eastern Partnership program are very important for Russia's foreign policy. Therefore, the Partnership became the direct cause of the deepest crisis in Russia-West relations since the end of the Cold War.

seem to be crucial for understanding the dynamics of Russian-Polish relations. Institutionalization theories offer plenty of sources of tensions in Russian-Polish relations. First, the processes that post-communist countries joined the West after the collapse of the USSR redefined the development trajectories of international relations in Europe. At the same time, they rebuilt the architecture of European security. The revival of Russia's potential made it come back in the game in Europe. By that time, post-communist countries such as Poland had joined NATO and the EU. What is more, they began to influence the policy of these institutions towards Russia, which was met with a response from Moscow. The cause of tensions in the Russian-Polish relations itself lies in Poland's efforts to deepen the changes in the architecture of European security (e.g. to support Ukraine's integration with the West). On the other hand, when strengthened, Russia began to articulate its national interests very clearly, also in the so-called 'near abroad' and tried to stop the countries of the

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА СЕГОДНЯ

Barnett, M., Duvall, R. (2005). Power in International Politics, in: International Organization. N° 1(59). pp. 39−75.

Caporaso, J.A. (1993). International Relations Theory and Multilateralism: The Search for Foundations, in: Ruggie, J.G. (ed.) Multilateralism Matters. The Theory and Pracxise of an Institutional Form. Columbia University Press, New York.

Checkel, J.T. (1998). The Constructive Turn in International Relations Theory, in: World Politics. Nº 50(2). pp. 324-348. DOI: 10.1017/s0043887100008133

- Gowa, I.S. (1999). Ballots and bullets: the elusive democratic peace. Princeton: Princeton University Press.
- Gowa, J., Allies (1994). Adversaries, and International Trade. Princeton: Princeton University Press.
- *Johnson, J.C.* (2015). The Cost of Security: Foreign Policy Concessions and Military Alliances, in: Journal of Peace Research. № 5(52). pp. 665–679.
- Katzenstein, P., Keohane, R., Krasner, S. (1998). International Organization and the Study of World Politics, in: International Organization. № 52(4). pp. 645-685. DOI: 10.1017/ S002081830003558X.
- *Keohane, R.O., Martin, L.L.* (1995). The Promise of Institutionalist Theory, in: International Security. N° 1(20). pp. 39–51.
- Kimball, A.L. (2010). Political Survival, Policy Distribution, and Alliance Formation, in: Journal of Peace Research. № 4(47). pp. 407–419.
- Kuźniar, R. (2008). Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczpospolitej. Warszawa.
- Lake, D.A. (2009). Hierarchy in International Relations. Ithaca and London: Cornell University Press.
- *Mansfield, E.D.* (2002). Quantitative Approaches to the International Political Economy, in: Detlef, F., Wolinsky, Y. (eds.) Cases, Numbers, Models: International Relations Research Methods.
- *March, J., Olsen, J.* (1998). The Institutional Dynamics of International Political Orders, in: International Organization. № 52(4). pp. 943–969. DOI: 10.1162/002081898550699.
- Martin, L.L. (1992). Coercive Cooperation: Explaining Multilateral Economic Sanctions. Princeton: Princeton University Press.
- Martin, L.L. (1993). The Rational State Choice of Multilateralism, in: Gerard, J. (ed.) Ruggie Multilateralism Matters. The Theory and Practise of an Institutional Form. Columbia University Press, New York.
- *Martin, L.L., Simmons, B.A.* (1998). Theories and empirical studies of international institutions, in: International Organization. Nº 52(4). pp. 729–757.
- Palmer, G., Morgan, T.C. (2006). A theory of Foreign Policy. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- *Pietraś, M.* (2015). Teoria i praktyka reżimów międzynarodowych, czyli wartości, normy i instytucje w jednym, in: Stadtmüller, E., Fijałkowskiego, Ł. (eds.) Normy, wartości i instytucje we współczesnych stosunkach międzynarodowych. Vol. 2. Warszawa: Rambler.
- Ruggie, J.G. (1993). Multilateralism: The Anatomy of an Institution, in: Ruggie, G. (ed.) Multilateralism Matters. The Theory and Practise of an Institutional Form, Columbia University Press, New York.
- *Walt, S.M.* (1985). Alliance Formation and the Balance of World Power, in: International Security. N° 4 (9). pp. 3–43.
- Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics, in: International Organization. № 88(2). pp. 391–425.
- Kaczmarski, M. (2008). Rosyjska propozycja nowego bezpieczeństwa europejskiego. Komentarze OSW. 16.10.2008. Available at: http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/komentarze_11. pdf (accessed 20.09.2021).
- Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Президент России. 10.02.2007. Available at: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (accessed 20.09.2021).
- Проект Договора о европейской безопасности. Президент России. 29.11.2009. Available at: http://www.kremlin.ru/news/6152 (accessed 20.09.2021).

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ НА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАЛЫМИ СТРАНАМИ И БОЛЬШИМИ ИГРОКАМИ. ПРИМЕР ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рафал Лисякевич

Краковский экономический университет, Польша, Краков, e-mail: r.lisiakiewicz@gmail.com, ORCID: 0000-0001-8649-6518

Аннотация. Автор для анализирует проблему российско-польских отношений в контексте теорий, связанных с институционализацией международных отношений. Он также выдвигает тезис о том, что именно интеграционные процессы в Центральной и Восточной Европе и реакция на них в Польше и России во многом определили российско-польские отношения. Более того, автор подчеркивает, что в контексте изменений в архитектуре европейской безопасности активность малых государств, таких как Польша, существенно повлияла на отношения с Россией, которая пытается сохранить свое влияние в Центральной и Восточной Европе.

Ключевые слова: интеграционные процессы, польско-российские отношения, Польша, Россия.

УДК 327.8

Олег Михалев

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, e-mail: mikhalev2003@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0975-6536

Куда ведет Польшу кризис в отношениях с EC?

Аннотация. В статье рассмотрены основные составляющие кризиса, который в настоящее время переживают отношения между Польшей и Европейским союзом. Показано, что стремление правящей в Польше партии «Право и Справедливость» взять под контроль судебную систему и средства массовой информации привело к постановке вопроса о нарушениях принятых в ЕС демократических норм и принципа верховенства права. Это побудило Еврокомиссию настаивать на введении правила обусловленности выделения средств из бюджета ЕС соблюдением принципа верховенства права. Потенциально это грозит Польше лишением доступа к денежным средствам ЕС. Рассмотрены и другие факторы кризиса: финансовые споры, вопрос о приверженности европейским ценностям и проблема миграции. В заключение предпринята попытка наметить пути дальнейшего развития отношений Варшавы и Брюсселя, наиболее реалистичным из которых признан тот, при котором правительство ПиС и далее будет испытывать терпение Брюсселя, отстаивая свои позиции и пытаясь переделать Евросоюз под себя.

Ключевые слова: Европейский союз, Польша, «Право и Справедливость», верховенство права, финансовые санкции ЕС.

© **Михалев О.Ю.** — к.и.н., доцент факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

Mikhalev O.Yu. — Ph.D. (History), Associate Professor of the Faculty of International Relations, Voronezh State University.

С момента падения коммунистического режима курс на «возвращение в Европу» был одной из доминант польской внешней политики, вокруг которого сложился консенсус основных политических сил. Несмотря на это, тревоги, связанные с вступлением в Европейский союз, беспокоили значительную часть польского общества. Высказывались опасения утраты части государственного суверенитета и подчинения Варшавы интересам Брюсселя и Берлина, негативных последствий для экономического положения страны, которая превратится в рынок сбыта для своей продукции, источник дешевых рабочей силы и сырья, а также потери национальной самобытности и традиционных культурных ценностей¹.

Однако годы пребывания в Евросоюзе убедили подавляющее большинство поляков, что евроинтеграция является безусловным благом для страны. Устойчивый экономический рост позволил сократить отставание от ведущих государств Западной Европы. Если в 2005 г. ВВП на душу населения в Польше с учетом паритета покупательной способности составлял около 50% от среднего по ЕС, то в 2019 г. он приблизился к 70%, и ставится задача достичь отметки в 75%. Заметно выросло благосостояние граждан: если в 2005 г. средняя заработная плата не доходила до 2400 злотых, то в 2020 г. она превысила 5100 злотых, минимальная зарплата за это же время поднялась с 850 до 2600 злотых, среднемесячная пенсия достигла 2300 злотых (Zakład Ubezpieczeń Społecznych... 2021). Поступающие из бюджета ЕС средства позволили реализовать множество инфраструктурных проектов, оказать поддержку малому бизнесу, улучшить охрану окружающей среды, развитие сфер образования, науки, культуры, туризма и т.д. В общественном сознании Евросоюз стал не только источником мощного экономического роста, но и фактором закрепления цивилизационного выбора в пользу свободы и демократии, гарантом невозвращения к временам зависимости от Москвы, поэтому возникающие трудности, связанные с необходимостью модернизации экономики и приспособления к новым условиям хозяйствования, воспринимались как вполне разумная плата за сделанный прогресс.

Большинство поляков понимают, каким благом для страны стало ее пребывание в Евросоюзе, поэтому их отношение к членству в ЕС неизменно остается положительным, причем доля сторонников ЕС неуклонно растет. Если поначалу многие испытывали опасения, то за прошедшие годы Польша с 90% высказывающихся за членство в ЕС превратилась в одну из наиболее проевропейских стран.

1 Подробнее об антиевропейском дискурсе в Польше кануна вступления в ЕС можно прочитать в статье: *Михалев О.Ю.* 2011: 764–775.

Удивительным образом, позитивно относясь к Евросоюзу, поляки на выборах последние несколько лет поддерживают «Право и Справедливость» (ПиС) — партию, считающуюся умеренно евроскептической. Апеллирующая к консервативно настроенному населению, ПиС на сегодняшний день является в Польше единственной крупной политической силой, позволяющей себе системную критику Евросоюза. Ее электорат, в целом поддерживая пребывание Польши в ЕС, выражает обеспокоенность возможностью распространения идей, подрывающих традиционные ценности (разрешение абортов, эвтаназии, гомосексуальных браков и пр.). ПиС, делающая в своей идеологии ставку на защиту национальных и религиозных ценностей, стала рупором подобных настроений.

Неудивительно, что партия изначально была обречена на конфликты с руководством Евросоюза. А начатые ею преобразования в сфере судопроизводства и контроля над СМИ вызвали обвинения как со стороны Брюсселя, так и отдельных членов ЕС в нарушении европейских демократических норм. Уже через три месяца после прихода ПиС к власти, в январе 2016 г., Еврокомиссия приняла беспрецедентное решение о возбуждении процедуры контроля над состоянием соблюдения правовых норм в Польше. В июне того же года она высказала негативное мнение о состоянии законности и демократии. Объяснения польского правительства были признаны неудовлетворительными, поэтому от него потребовали выполнения требований Еврокомиссии в течение трех месяцев. Срок впоследствии продлялся. Одновременно с этим Европарламент неоднократно (четырежды только за 2016 г.) обсуждал ситуацию в Польше и большинством голосов принял резолюцию, требовавшую ввести санкции в случае невыполнения требований Еврокомиссии (Raport Fundacji im. Stefana Batorego 2017: 13–14). Летом 2017 г. Еврокомиссия запустила санкционную процедуру, ведущую к лишению Польши права голоса в Совете EC (RBC 2017). После того как диалог по этому вопросу с польским правительством не принес результатов, Комиссия 20 декабря того же года обратилась в Совет ЕС с ходатайством о возбуждении процедуры в соответствии со ст. 7 Договора о Европейском союзе, которая предусматривает в случае «серьезного и устойчивого нарушения каким-либо государством-членом» ценностей ЕС приостановление части его прав, в том числе права голоса в Совете ЕС. В случае, если бы Совет ЕС согласился с Комиссией, эта мера была бы применена по отношению к государству-нарушителю впервые в истории Евросоюза, однако тот не выразил готовность к столь решительным действиям, в первую очередь из-за их неясных последствий (Кувалдин С.А. 2021: 40).

Сложность использования ст. 7 и недостаточная эффективность указанных в ней механизмов привели к появлению идеи об увязывании

вопроса о выделении той или иной стране денежных средств из бюджета ЕС с соблюдением ею принципов верховенства права и иных европейских ценностей. Официально такое предложение было выдвинуто Еврокомиссией в мае 2018 г., когда происходила работа над формированием бюджета Евросоюза на 2021-2022 гг. Его поддержали как государства, являющиеся крупнейшими донорами европейского бюджета (такие как Германия и Франция), так и Европарламент, решительно высказавшийся за сокращение выплат тем странам, которые не соблюдают принцип верховенства права (Кувалдин С.А. 2021: 41). Столь широкая поддержка нового механизма, а также то обстоятельство, что вопрос тогда решался лишь в самых общих чертах, способствовали тому, что Польша на данной стадии не выдвинула принципиальных возражений. Однако ситуация изменилась в конце 2020 г., когда утверждение проекта семилетнего бюджета вошло в решающую фазу. По предложению Еврокомиссии и Европарламента правило увязывания выделения денежных средств (в том числе фонда восстановления экономики после пандемии COVID-19 объемом в 750 млрд евро) с соблюдением принципа верховенства права было закреплено в бюджете ЕС. Однако 16 ноября Польша и Венгрия, которых данное ограничение могло коснуться в первую очередь, наложили вето на проект бюджета. Последующие бурные дискуссии привели к заключению соглашения, смягчавшего первоначальные требования и предоставлявшего стране-нарушителю гарантии, что санкции не будут применены без предварительного диалога с ней и могут быть обжалованы в Суде ЕС (Шишелина Л.Н. 2020: 11–14).

Компромисс был достигнут во многом благодаря общему стремлению снять препятствия для утверждения бюджета, что и было сделано на саммите ЕС 10 декабря 2020 г., однако он не разрешил сути противоречия. Более того, стороны конфликта, опираясь на занятые позиции, в дальнейшем постарались усилить давление на противника. Польша истолковала сделанные уступки как сигнал, что ее доступу к европейским фондам ничто не угрожает. Она подала в Суд ЕС иск, оспаривающий правомочность Постановления 2020/2092 Совета ЕС и Европарламента от 16 декабря 2020 г., утверждающего конкретный механизм введения ограничений на выплаты из бюджета ЕС, что позволяет отсрочить применение возможных санкций на довольно неопределенное время. В свою очередь Европарламент и Еврокомиссия, недовольные смягчением механизма ограничения выплат из бюджета ЕС, все настойчивее стали требовать использования санкций, не дожидаясь решения Суда ЕС. Нарастающее противостояние между Варшавой и Брюсселем переросло в течение 2021 г. в настоящий кризис, который превратил их отношения фактически в «холодную войну», разворачивающуюся сразу на нескольких фронтах. Далее мы проанализируем основные составляющие этого конфликта.

Проблема соблюдения принципа верховенства права и демократических норм продолжает оставаться самым главным вопросом в споре между Польшей и институтами Евросоюза. В рамках начатой еще в 2015 г. реформы судебной системы ПиС добилась принятия 8 декабря 2017 г. нового закона о Верховном суде, согласно которому в качестве одного из его подразделений создавалась Дисциплинарная палата, наделенная полномочиями привлекать к дисциплинарной ответственности судей Верховного суда и судов общей юрисдикции, в том числе и за содержание выносимых ими решений. Ни вспыхнувшие массовые протесты, ни негативное заключение Венецианской комиссии Совета Европы, посчитавшей, что закон нарушает принцип разделения властей и отдает судебную систему под контроль правящей партии и президента, не повлияли на намерения правительства «навести порядок» в судах. Премьер-министр Матеуш Моравецкий сравнил судебную систему с «авгиевыми конюшнями, которые необходимо расчистить», в том числе от тех судей, которые служили еще коммунистической системе и выносили приговоры деятелям «Солидарности» (Do Rzeczy... 2017).

В ходе последовавшего затем длительного спора с Еврокомиссией закон о Верховном суде трижды переписывался, Суд ЕС принимал заключения, требующие обеспечить независимость судов от исполнительной власти, работа Дисциплинарной палаты более чем на год приостанавливалась, однако основные очертания проводимой ПиС судебной реформы оставались неизменными. Более того, 20 декабря 2019 г. был принят откровенно репрессивный закон, запрещающий судьям критиковать новые назначения судей или действия государственных органов, который председатель Верховного суда Малгожата Гемсдорф назвала «законом о наморднике». Это побудило Еврокомиссию 23 января 2020 г. обратиться в Суд ЕС с просьбой принять временные меры против Польши из-за нового дисциплинарного режима для судей (Пименова С. 2020).

14–15 июля 2021 г. Суд ЕС вынес два приговора, обязывавших Польшу прекратить деятельность Дисциплинарной палаты Верховного суда и отменить установленную в стране систему дисциплинарной ответственности судей как не соответствующую стандартам Европейского союза. В ответ на это вице-премьер и лидер ПиС Ярослав Качиньский заявил, что польское правительство не признает приговора, так как Суд ЕС вышел за пределы полномочий, предоставленных ему Лиссабонским договором, но оно готово ликвидировать Дисциплинарную палату «в ее существующем виде»: не потому, что так решил Евросоюз, а «просто по-

тому, что она не выполняет своих обязанностей». На этом, посчитал он, предмет спора исчезнет (Gazeta.pl 2021).

Однако спор оказался далек от разрешения. Польша не только не обозначила детали ликвидации Дисциплинарной палаты, но ее деятельность по рассмотрению дел против судей в начале августа после более чем годичного перерыва возобновилось, а правительство в официальном ответе Еврокомиссии заявило, что «Польша будет продолжать реформу судебной системы, в том числе в сфере ответственности судей, с целью увеличения эффективности этой системы». Это побудило Еврокомиссию 7 сентября обратиться в Суд ЕС с требованием наложить на Польшу штраф за неисполнение его приговора от 14 июля (Rzeczpospolita 2021a).

Решение Комиссии вызвало настоящую бурю в польском обществе. Политики ПиС и ранее не слишком сдерживали себя, давая характеристики Евросоюзу, но перспектива попасть под финансовые санкции, подкрепленная возможностью не получить доступ к европейским фондам (о чем еще будет сказано далее), побудила некоторых из них прямо заявить о том, что такой союз их не устраивает. Так, депутат Европарламента Патрик Який дал громкое интервью, в котором говорил, что «необходимо изменить ЕС и вернуться к положениям договоров, согласно которым часть компетенций мы передаем Евросоюзу, но большая их часть остается в руках поляков, и это они решают, за какую партию и программу голосуют... Сегодня идет борьба за то чтобы ЕС не превратился в место, где Польша будет только воеводством, принимающим распоряжения из Брюсселя». Другие пошли еще дальше. Вице-маршал Сейма и председатель парламентского клуба ПиС Рышард Терлецкий говорил, что ЕС должен быть удобен Польше, а в противном случае можно пойти и на «суровые меры», чтобы «не позволить втянуть себя в то, что ограничивает нашу свободу и развитие». А депутат Марек Суский и вовсе сравнил пребывание страны в ЕС с оккупацией, заявив, что «во время Второй мировой войны Польша боролась с одним оккупантом, боролась с советским оккупантом, будем бороться и с оккупантом брюссельским» (Rzeczpospolita 2021b). Такие настроения всерьез обеспокоили оппозицию, в очередной раз заговорившую о том, что ПиС ведет страну в сторону выхода из ЕС, то есть так называемому «полэкситу». Руководство ПиС даже вынуждено было 15 сентября принять специальное постановление «О принадлежности Польши к EC и ее суверенитете», где утверждалось, что партия однозначно связывает будущее страны с членством в Евросоюзе, но это не означает, что она должна согласиться с разворачивающимся процессом ограничения суверенитета государств-членов» (Zygiel A. 2021).

Наглядным доказательством того, что ПиС не собирается уступать перед давлением Брюсселя, стало решение Конституционного суда

Польши, принятое 7 октября. Рассматривая один из ранее принятых приговоров Суда ЕС, касающийся контроля независимости судей, назначенных президентом Польши, Конституционный суд постановил, что тот превысил имеющиеся у него полномочия. «Право ЕС может иметь приоритет над национальными законами только в тех сферах, которые были переданы государствами-членами союзу», — гласило решение суда, а из этого следовало, что Конституция Польши имеет превосходство над законодательными актами Евросоюза (Prawo.pl 2021). В ответ на это Еврокомиссия немедленно заявила, что согласно принятому в ЕС правовому порядку право союза имеет приоритет над национальным законодательством, в том числе и конституцией страны, а решения Суда ЕС обязательны для исполнения государствами-членами. Несмотря на то, что еврокомиссар по вопросам юстиции Дидье Рейндер подчеркнул, что речь идет не о «полэксите», а всего лишь о юридическом споре, накал страстей нарастал. 9–10 октября по Польше прокатились митинги, организованные оппозицией во главе с вернувшимся в польскую политику бывшим председателем Европейского совета Дональдом Туском, под лозунгом «Остаемся в ЕС». Только в Варшаве собрались до 100 тыс. человек. Оппозиция продолжала нагнетать страхи перед возможным «полэкситом». Туск заявлял: «Я не сомневаюсь, что выход из Европейского союза является частью стратегического мышления Ярослава Качиньского. Я уже много месяцев остерегаю поляков перед возможностью "полэксита", и это начинает сбываться» (Садовская-Комлач М. 2021). Свыше 40% поляков опасаются, что вердикт Конституционного суда может повести к выходу страны из ЕС.

27 октября Суд ЕС постановил, что Польша должна платить штраф в размере 1 млн евро в день за неисполнение приговора от 14 июля — до тех пор, пока работа Дисциплинарной палаты не будет прекращена. В польском правительстве уже заявили, что «не уступят беззаконию» и не будут платить штрафы (Рокоссовская А. 2021). Повод для оптимизма у политиков ПиС есть: в Евросоюзе нет процедуры принуждения государства к уплате штрафа, вследствие чего Брюссель может только вычитать его сумму из средств, которые Польша может получить из европейского бюджета. Однако это довольно отдаленная перспектива, ведь потребуется еще решить, из каких конкретно средств изымать сумму штрафа, чтобы это не повлияло на жизнь простых поляков, и пройти не одно судебное разбирательство. К тому времени, вероятнее всего, найдется путь урегулирования конфликта политическими средствами.

Финансовые вопросы. Проблема выплаты штрафа по решению Суда ЕС может стать далеко не главной финансовой потерей Польши из-

за конфликта с европейскими институтами. Как уже отмечалось, вопрос может быть поставлен значительно шире — как ограничение доступа страны, не соблюдающей принцип верховенства права, к средствам из бюджета ЕС. Мы помним, что трансферты из европейских фондов стали важным фактором стремительного экономического роста Польши после ее вступления в Евросоюз. Действительно, за 2004–2020 гг. она получила из бюджета ЕС 188,8 млрд евро, сама выплатив при этом 60,9 млрд. То есть дотации составили 127,9 млрд евро — это первый показатель среди всех стран Евросоюза (Żuławiński M. 2020). В новом европейском бюджете, принятом на 2021–2027 гг., Польше удалось не только сохранить, но и даже увеличить объем получаемых средств. Предполагается, что ей будет выделено 137 млрд евро (в 2014–2020 гг. — 105 млрд), среди которых будут средства из фонда восстановления экономики после пандемии COVID-19-23.9 млрд в виде грантов и 34.2 млрд — в виде низкопроцентных займов. Хотя в процентном соотношении доля Польши в расходах европейского бюджета несколько снизилась (9,3% против 11% в 2014–2020 гг.), правительство все равно могло быть очень довольно достигнутым в ходе переговоров по бюджету результатом, в связи с чем премьер-министр Матеуш Моравецкий охарактеризовал его как «очень хороший» (Istel M. 2020). С этим трудно не согласиться, учитывая, что выплаты будут составлять более 4,5% ВВП страны и позволят реализовать правительству инициированные им многочисленные затратные социальные программы.

Однако с доступом к этим самым средствам возникли трудности. Еще весной 2021 г. в Польше был разработан Национальный план восстановления, который 3 мая министерство фондов и региональной политики передало в Еврокомиссию. Согласно установленной процедуре та в течение двух месяцев должна согласовать план, а затем передать его на утверждение в Совет ЕС. И хотя, с учетом дополнительной отсрочки, о которой просило польское правительство, срок рассмотрения плана заканчивался 1 августа, ни к этому времени, ни к сентябрю, ни даже к ноябрю добиться согласия Комиссии не удалось, в связи с чем на момент написания статьи лишь Польша и Венгрия оставались государствами, чьи национальные планы восстановления не получили одобрения Еврокомиссии. Это означает, что до конца 2021 г. на средства из европейских фондов (речь идет о 13% причитающихся Польше из Фонда восстановления выплат) уже можно не рассчитывать.

Причина такой неторопливости брюссельской бюрократии довольно прозрачна, и чиновники Еврокомиссии не раз давали понять, что задержка обусловлена несоблюдением принципов верховенства права. 28 октября глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен прямо заявила, что

требует «поместить в плане обязательство ликвидации Дисциплинарной палаты, завершения либо реформы дисциплинарного режима и начало процесса возвращения [уволенных] судей». В ответ на это польский МИД сообщил, что не видит формальных причин задержки принятия плана и будет подавать иск в Суд ЕС (Wójcik K. 2021). Очевидно, что спор еще будет набирать обороты, так как речь идет о весьма внушительных суммах, без которых не получится реализовать множество проектов в сферах энергетики, транспорта, защиты окружающей среды, поддержки предпринимателей, цифровизации, здравоохранения и пр. На этом фоне требование Суда ЕС о выплате 1 млн евро в день может показаться лишь мелкой неприятностью.

Впрочем, следует заметить, что финансовые потери Польши на этом не заканчиваются. Первую попытку взыскать с нее штраф за нарушения европейских норм органы ЕС предприняли еще в 2018 г., когда Суд ЕС приговорил к выплате 100 тыс. евро ежедневно за выдачу разрешения о вырубке части Беловежской пущи. Тогда правительство пошло на уступки, и делу не дали ход, однако в феврале 2021 г. Еврокомиссия подняла вопрос о том, что Польша так и не выполнила решение Суда, в связи с чем пригрозила вновь подать иск о выплате штрафа, который с учетом прошедшего с 2018 г. времени может составить более 30 млн евро (Jurszo R. 2021).

В 2021 г. Польша была приговорена Судом ЕС к еще одному штрафу. Рассмотрев тянувшийся много лет спор между Польшей и Чехией о шахте Туров, находящейся недалеко от границы, которую чехи обвиняли в нанесении ущерба экологии всего района, в том числе загрязнении источников питьевой воды, Суд встал на сторону чешской стороны и 21 мая вынес постановление, согласно которому Польша должна была остановить добычу угля в шахте. Решение не было выполнено, поэтому 20 сентября Суд обязал Польшу выплачивать Еврокомиссии 500 тыс. евро ежедневно до тех пор, пока шахта Туров не будет закрыта. Польское правительство отказалось выполнять решение Суда. Премьер Моравецкий назвал принятое решение «крайне агрессивным и вредным», а примененные средства «неадекватными». Он заявил, что шахта снабжает углем находящуюся неподалеку электростанцию, снабжающую электроэнергией целый регион, и в случае ее остановки миллионы семей останутся без света (Kowalski R. 2021). Нежелание выполнять решение Суда ЕС приведет к тому, что Комиссия будет уменьшать выплаты Польше из европейского бюджета на сумму штрафа.

Финансовые потери (пока о них следует говорить как о потенциальных, но в скором времени они имеют все шансы стать вполне реальными) могут оказаться весьма болезненными как для правительства

ПиС, так и страны в целом. За почти два десятилетия пребывания в ЕС Польша привыкла к тому, что европейский бюджет является практически неограниченным источником финансовых средств, а баланс расчетов с Евросоюзом является сугубо положительным. Сокращение, а то и полная остановка выплат, сопровождающаяся необходимостью платить штрафы по приговорам Суда ЕС, неминуемо поставит вопрос о выгодах пребывания в Европейском союзе. До сих пор главным источником позитивного отношения в польском обществе к членству в ЕС были плывущие из Брюсселя миллиарды, подталкивающие вперед экономическое развитие страны. В их отсутствие ценность пребывания в ЕС неминуемо упадет.

Проблема ценностей, с момента прихода ПиС к власти осложнявшая отношения Варшавы и Брюсселя, в последнее время, на фоне роста значимости других вопросов, отошла на второй план. Тем не менее именно она лежит в основе всего конфликта. Правящие в Польше консерваторы не разделяют принципы, которые политикам европейского мейнстрима кажутся очевидными. ПиС выступает против ограничения государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов, прохладно относится к либеральной демократии и либерализму, выступает в защиту традиционных семейных ценностей и опасается утраты национальной идентичности поляков. Такие вопросы, как право на аборты или защита прав сексуальных меньшинств, неизменно выступают источниками конфликтов ПиС с оппозицией внутри страны и создают напряженность в отношениях с Брюсселем. Свою борьбу с ПиС оппозиция обосновывала задачей сохранения европейского выбора, и проевропейские лозунги стали сплачивающими для всех оппозиционных сил. В этой борьбе они охотно апеллировали к сочувствию европейских институтов, ожидая от них политической поддержки в борьбе с ПиС, чем вызывали недовольство правящей партии, обвинявшей оппонентов едва ли не в предательстве². Можно сказать, что надежды либеральной оппозиции в этом отношении полностью оправдались, поскольку, как мы видели, и Еврокомиссия, и Суд ЕС делают все возможное для оказания давления на польское правительство. Однако самым решительным институтом в этом отношении является Европарламент, который многократно подни-

2 ПиС считает, что ее политические противники, не имея успехов на выборах, используют стратегию «улица и заграница», то есть пытаются повлиять на политику правительства при помощи уличных протестов и «жалуются» на него в Брюссель, взывая к применению санкций. Я. Качиньский в одном из интервью даже назвал сторонников оппозиции «худшим сортом поляков», «предателями народа», потому что они якобы «доносят на Польшу за границей» и выявил у них «ген измены». Подробнее см.: Шишелина Л.Н., Ведерников М.В. 2018: 130–139.

мал вопрос о состоянии демократии в Польше, побуждал Еврокомиссию к действиям, и даже 30 октября подал на нее в суд за то, что она так и не стала применять закон, позволяющий заморозить выплаты из бюджета ЕС Венгрии и Польше (РИА Новости 2021).

В 2021 г. основой спора вокруг ценностей между Варшавой и Брюсселем стала проблема прав сексуальных меньшинств. Еще в 2019 г. ряд органов местного самоуправления разного уровня приняли постановления, объявляющуие их территорию «зоной, свободной от идеологии ЛГБТ». В связи с этим Еврокомиссия остановила транш в размере 120 млн евро из программы REACT EU, который должен был поступить в первом квартале текущего года и предназначался местным властям для поддержки бизнеса и нужд службы здравоохранения. Пяти воеводствам, где были приняты упомянутые постановления, дали два месяца на исправление, однако ни одно из них не отменило своих решений. Заместитель министра фондов и региональной политики Вальдемар Буда успокоил местных чиновников, что в ЕС нет механизма дискриминации при выдаче средств на региональном уровне, однако все же предложил им скорректировать принятые правовые акты, чтобы те не содержали ни малейших признаков дискриминации (Bodalska B. 2021). В конце октября Польша и Еврокомиссия вернулись к обсуждению вопроса о выделении средств по программе REACT EU.

Проблема миграции, как еще один источник напряженности между Польшей и Евросоюзом, к 2021 г. прошла пик своей актуальности, но неожиданно приобрела новое звучание. Наиболее остро она стояла в 2015–2016 гг., в период миграционного кризиса, когда Комиссия ЕС пыталась принять план релокации беженцев с Ближнего Востока, дабы облегчить давление на страны Южной Европы, в наибольшей степени страдавшие от наплыва мигрантов. Тогда Польша, поддержанная другими странами Вишеградской группы, выступила категорически против расселения беженцев, отказавшись принять 6 тыс. человек, выделенных ей по квоте. В Сейме требования ЕС были отвергнуты почти единогласно, как не соответствующие принципу субсидиарности, да и в целом не более 4% поляков соглашались на постоянное размещение беженцев в стране (Цекера Р. 2017: 413–424).

В то время много говорилось о том, что Польша, требуя от других стран солидарности в решении ее экономических проблем, сама отказывается помогать партнерам по ЕС в момент необходимости. Тогда вряд ли кто-то мог предполагать, что Польше вскоре самой придется столкнуться с наплывом мигрантов, причем не близких по культуре украинцев, к которым в стране все уже привыкли, а цивилизационно чуждых

выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока, тех самых, кого поляки так не хотели у себя видеть. В начале августа 2021 г. десятки мигрантов, главным образом из Афганистана и Ирака, начали предпринимать попытки нелегального пересечения польско-белорусской границы. Вскоре количество таких попыток перевалило за сотню в день, а к концу октября пограничная служба зафиксировала свыше 28.5 тыс. нелегальных пересечений границы (из них 3,5 тыс. в августе, 7,7 тыс. в сентябре и 17,3 тыс. в октябре) (Bounaoui S. 2021). По утвердившемуся в Польше мнению, кризис был спровоцирован президентом А.Г. Лукашенко, который, после того как Евросоюз наложил на Белоруссию санкции в связи с инцидентом с принудительной посадкой самолета «Боинг-737» 23 мая, при поддержке России решил отомстить ЕС и развязал против него гибридную войну, целенаправленно привлекая мигрантов и помогая им переправиться через границы Белоруссии с западными соседями. Воспринимая, таким образом, приток мигрантов в качестве акта агрессии, польские власти решили принять жесткие меры с целью перекрыть возможности нелегального проникновения через границу. 2 сентября президент Анджей Дуда ввел режим чрезвычайного положения в 183 населенных пунктах Люблинского и Подляского воеводств, находящихся в 3-километровой зоне вдоль границы с Белоруссией. Кроме того, началось возведение забора из колючей проволоки (пока в качестве временного, но в перспективе — постоянного сооружения), чтобы затруднить мигрантам возможность пересечения границы. Тех, кому все-таки удавалось прорваться на польскую территорию и кто попадал в руки пограничников, выдворяли обратно в Белоруссию.

Жесткие действия погранслужбы встретили критику и внутри страны, и в Евросоюзе. Истории беженцев, которых пограничники вынуждали остаться на нейтральной территории, не представляя им помощи, отчего многие из них болели и даже умирали, всколыхнули общественное мнение. Оппозиция и правозащитники заговорили о бесчеловечности властей, которые в нарушение гуманитарных норм не оказывают помощи нуждающимся в ней людям. К рассмотрению ситуации подключился Европарламент. 7 октября он принял резолюцию, в которой в целом солидаризировался с позицией Польши и государств Балтии, испытывающих приток мигрантов. Он охарактеризовал миграционный кризис как форму гибридной войны, начатую режимом Лукашенко с целью дестабилизации Евросоюза, и выразил решительную солидарность с Польшей, Латвией и Литвой. В то же время евродепутаты выразили обеспокоенность «отсутствием прозрачности на польско-белорусской границе» и призвали правительство Польши к разрешению доступа в районы, объявленные на чрезвычайном положении, средствам массовой информации, неправительственным организациям и представителям европейского пограничного агентства Frontex (Do Rzeczy 2021). В выступлениях некоторых депутатов звучали и более суровые оценки действий польских властей. Практика так называемого push back, то есть выталкивания обратно тех, кто проник через границу, была охарактеризована как противоречащая законодательству ЕС, а Еврокомиссию призывали принять решительные меры к ее прекращению. Заместитель председателя Европарламента Катарина Барли и вовсе заявила, что Польша стала «жертвой собственной политики» и теперь расплачивается за то, что в предыдущие годы не хотела иметь ничего общего с проблемой беженцев (Deutsche Welle 2021).

В настоящее время Польша может смело рассчитывать на получение поддержки ЕС в защите его восточной границы, однако разницу в подходах Варшавы и Брюсселя трудно не заметить. Если первая стоит на том, что нелегальную миграцию следует жестко пресечь, так как она является скоординированной атакой со стороны Белоруссии, то второй призывает к сочетанию охраны границ с защитой прав человека. Характеризуя ситуацию на польско-белорусской границе, еврокомиссар по внутренним делам Илва Йоханссон уверила, что такой подход возможен, и сообщила, что Комиссия «получила множество тревожных сигналов о незаконном возвращении мигрантов на границе» (TVN24 2021). Если кризис усугубится, и десятки людей застрянут в приграничной полосе в зимнем лесу без еды, тепла и лекарств, жесткая позиция польского правительства столкнется с еще более настойчивой критикой. Не исключено, что сочувствие к Польше, борющейся с кризисом, сменится в Брюсселе с недовольством ее действиями, и обвинения в незаконности выдворения мигрантов приведут к новым искам в Суде ЕС. Это может еще более усугубить отношения Варшавы и Брюсселя.

Дальнейшие перспективы. Говоря о том, к чему может привести текущий кризис на линии Польша — Евросоюз, следует выделить три потенциально возможных выхода из него.

Сценарий *«полэксита»* начал обсуждаться в Польше с 2016 г., когда либеральная оппозиция заговорила о том, что антидемократические меры ПиС, идущие вразрез с европейскими ценностями, могут в итоге повести к выходу страны из ЕС. С тех пор проблема *«полэксита»* неоднократно всплывала в общественном дискурсе, особенно активно дебатируясь в периоды обострения споров между Варшавой и Брюсселем. Однако при всей важности этой темы для общественного мнения, следует все же отметить, что вероятность выхода Польши из ЕС является крайне незначительной, и *«полэксит»* должен рассматриваться прежде всего как инструмент внутриполитической борьбы, лозунг, под которым оппози-

ция пытается сплотить всех недовольных политикой ПиС. Ни население страны, ни сама правящая партия не хотят разрыва с ЕС. Это не только создало бы для Польши ряд непреодолимых трудностей, но и полностью перечеркнуло бы тот курс, по которому политические элиты вели страну после 1989 г. ПиС не является противницей интеграции как таковой, она лишь выступает за сохранение государственного суверенитета. В своей программе 2019 г. партия утверждает, что хочет сильной Европы и намерена бороться с кризисными явлениями в ЕС, но тот должен вернуться к своим истокам и стать союзом суверенных государств, отбросив федералистские устремления, поскольку именно в них кроются причины охватившего Европу кризиса (Program Prawa i Sprawiedliwości 2019). Поэтому добровольно Польша из ЕС выходить не станет, а процедура принудительного исключения государства-члена из союза не разработана. Единственное, что может ввести этот вопрос в реальную повестку дня — это крупные финансовые потери Польши из-за отказа в доступе к европейским фондам и наложенных штрафов, но даже в этом случае, как показывает опыт Великобритании, убытки для нее будут несоизмеримы с теми, что могут ждать страну при «полэксите».

Второй теоретически возможный сценарий — это попытка поиска противовеса Брюсселю с целью получения возможности лавирования и тем самым ослабления оказываемого на страну давления. Таким противовесом может быть только Россия, поскольку другие центры силы мало подходят на эту роль. США, на союзнические отношения с которыми так рассчитывает ПиС, могли бы стать альтернативой ЕС в президентство Д. Трампа, но теперь они вряд ли будут опорой в проведении консервативной политики. Китай же в силу географической и идеологической удаленности вряд ли может приниматься во внимание. В проведении такой линии для Варшавы уже есть образец — это Венгрия, которая много лет с успехом балансирует между Брюсселем и Москвой. Однако для Польши этот путь вряд ли возможен. Несмотря на неоднократно отмечавшуюся идеологическую близость правящих в двух странах сил (недоверие к Западу и либеральной демократии, консерватизм и стремление к защите традиционных ценностей, патернализм в социальной политике) (Sierakowski S. 2016: 20-21), Россию и Польшу разделяют слишком давние и сложные противоречия. В настоящее время отношения двух стран застыли на уровне нуля, поэтому говорить о том, что Польша может хотя бы попытаться использовать российскую карту для того, чтобы побудить Брюссель к более сдержанной политике в отношении ее из опасения, что та попадет под влияние Москвы, не приходится.

В силу невысокой вероятности двух рассмотренных сценариев остается предположить, что отношения Польши с ЕС будут развиваться

по третьему пути, который можно обозначить как «игра на грани». То есть правительство ПиС и далее будет испытывать терпение Брюсселя, отстаивая свои позиции, проповедуя свои ценности и пытаясь переделать Евросоюз под себя. Но при этом будет стараться не доводить дело до разрыва и избегать серьезных последствий. В сущности, в этой линии нет ничего нового. Именно так партия Качиньского выстраивала политику в отношении ЕС с момента своего первого прихода к власти в 2005 г., когда пыталась отстоять так называемую «систему квадратного корня» при голосовании в Совете ЕС, таким курсом следует и в настоящее время (Михалев О.Ю. 2021: 120–133). Поэтому у руководства Евросоюза, в сущности, остаются лишь два варианта политики в отношении Польши: либо поддаться давлению Варшавы и перестать вмешиваться во внутренние дела государств-членов, что станет возможным только в случае прихода к власти в ключевых странах союза консервативных сил, либо продолжать терпеливо добиваться от Польши соблюдения принципов верховенства права и демократических норм в надежде, что со временем подходы Варшавы и Брюсселя к пониманию европейских ценностей совпадут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- *Кувалдин, С.А.* Увязывание бюджетных ассигнований ЕС с соблюдением верховенства права: пример Польши и Венгрии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. C. 38-48. DOI: 10.20542/afij-2021-2-38-48
- Михалев, О.Ю. «Партия «Право и справедливость» о европейской политике Польши» // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989-2019 / отв. ред. К.В. Никифоров. СПб, 2021. С. 120–133.
- Михалев, О.Ю. Антиевропеизм как составная часть идеологии польских правонационалистических партий // Историки-слависты МГУ. Книга 8. Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011. С. 764–775.
- Пименова, С. Новое слово в международном правосудии: Суд Европейского Союза приостановил деятельность одной из палат Верховного суда Польши». Zakon.ru. 15.04.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/15/novoe_slovo_v_mezhdunarodnom_pravosudii_sud_evropejskogo_soyuza_priostanovil_deyatelnost_odnoj_iz_pa (дата обращения 28.10.2021).
- РБК. ЕС запустил санкционную процедуру против Польши. 29.07.20.21. URL: https://www.rbc.ru/politics/29/07/2017/597c81099a7947d69dcf7e57 (дата обращения 8.10.2021).
- РИА Новости. Европарламент решил судиться с Еврокомиссией. 30.10.2021. URL: https://ria.ru/20211030/sud-1756977164.html (дата обращения 2.11.2021).
- Рокоссовская, А. Польша отказалась платить миллионные штрафы по приговору суда ЕС. Российская газета. 31.10.2021. URL: https://rg.ru/2021/10/31/polsha-otkazalas-platit-millionnye-shtrafy-po-prigovoru-suda-es.html (дата обращения 1.11.2021).
- Садовская-Комлач, М. «Полексит» и очередной «особый путь. Новая газета. 16.10.2021. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/16/poleksit-i-ocherednoi-osobyi-put (дата обращения 29.10.2021).

- *Цекера, P.* Польские отголоски миграционного кризиса // Swój i obcy w kontekście współczesnego kryzysu migracyjnego. Doświadczenia i zadania Kościołów i społeczeństwa / red. Glaeser Z., Giemza G., Warszawa, 2017. S. 413–424.
- *Шишелина, Л.Н.* Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем // Современная Европа. 2020. № 7. С. 5-15. DOI: 10.15211/soveurope720200515
- *Шишелина, Л.Н., Ведерников М.В.* (ред.) Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия. М.: ИЕ РАН, 2018.
- Cekiera, R. (2017). Pol'skie otgoloski migracionnogo krizisa [Polish echoe of the migration crisis], in: Glaeser, Z., Giemza, G. (eds.) Swój i obcy w kontekście współczesnego kryzysu migracyjnego. Doświadczenia i zadania Kościołów i społeczeństwa. Warszawa. S. 413–424.
- Kuvaldin, S.A. (2021). Uvyazyvanie byudzhetnyh assignovanij ES s soblyudeniem verhovenstva prava: primer Pol'shi i Vengrii [Linking EU budget allocations to the rule of law: the case of Poland and Hungary], in: Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal], Nº 2. pp. 38-48. DOI: 10.20542/afii-2021-2-38-48
- *Mikhalev, O.Yu.* (2011). Antievropeizm kak sostavnaya chast' ideologii pol'skih pravonacionalisticheskih partij [Anti-Europeanism as an integral part of the ideology of the Polish right-wing nationalist parties], in: Istoriki-slavisty MGU. Book 8. Slavyanskij mir: v poiskah identichnosti. Moscow. P. 764–775.
- Mikhalev, O.Yu. (2021). Partiya «Pravo i spravedlivost'» o evropejskoj politike Pol'shi [Law and Justice Party on Poland's European Politics], in: Nikiforov, K.V. (ed.) Transformacionnye revolyucii v stranah Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy. K 30-letiyu sobytij. 1989-2019. St. Petersburg. P. 120–133.
- Pimenova, S. (2020). Novoe slovo v mezhdunarodnom pravosudii: Sud Evropejskogo Soyuza priostanovil deyatel'nost' odnoj iz palat Verhovnogo suda Pol'shi [New word in international justice: the Court of Justice of the European Union suspended the activity of one of the chambers of the Supreme Court of Poland]. Zakon.ru. 15.04.2020. Available at: https://zakon.ru/blog/2020/4/15/novoe_slovo_v_mezhdunarodnom_pravosudii_sud_evropejskogo_soyuza_priostanovil_deyatelnost_odnoj_iz_pa (accessed 28.10.2021).
- RBC, (2017). ES zapustil sankcionnuyu proceduru protiv Pol'shi [EU launches a sanctions procedure against Poland]. RBC 29.07.2017. Available at: https://www.rbc.ru/politics/29/07/2017/597c81099a7947d69dcf7e57 (accessed 8.10.2021).
- RIA Novosti, (2021). Evroparlament reshil sudit'sya s Evrokomissiej [The European Parliament decided to sue the European Commission]. RIA Novosti. 30.10.2021. Available at: https://ria.ru/20211030/sud-1756977164.html (accessed 2.11.2021).
- Rokossovskaya, A. (2021). Pol'sha otkazalas' platit' millionnye shtrafy po prigovoru suda ES [Poland refused to pay millions by the verdict of the EU Court of Justice]. Rossijskaya gazeta. 31.10.2021. Available at: https://rg.ru/2021/10/31/polsha-otkazalas-platit-millionnye-shtrafy-po-prigovoru-suda-es.html (accessed 1.11.2021).
- Sadovskaya-Komlach, M. (2021). "Poleksit" i ocherednoj "osobyj put'" ["Polexitis" and another "special way"]. Novaya gazeta. 16.10.2021. Available at: https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/16/poleksit-i-ocherednoi-osobyi-put (accessed 29.10.2021).
- Shishelina, L.N. (2020). Budapesht i Varshava: protivostoyanie s Bryusselem [Budapest and Warsaw: Confrontation with Brussels], in: Sovremennaja Evropa [Contemporary Europe]. N° 7. pp. 5–15. DOI: 10.15211/soveurope720200515
- Shishelina, L.N., Vedernikov M.V. (ed.) (2018). Central'naya Evropa: politicheskij portret na fone 100-letiya [Central Europe: a political portrait against the backdrop of the 100th anniversary]. Moscow: IE RAS.

- Bodalska, B. (2021). Rząd: Podjęcie tzw. uchwały anty-LGBT nie grozi utratą unijnych funduszy. Euractiv.pl. 17.09.2021. Available at: https://www.euractiv.pl/section/polityka-regionalna/news/rzad-uchwaly-anty-lgbt-utrata-fundusze-react-ue/ (accessed 29.10.2021).
- Bounaoui, S. (2021). Kryzys migracyjny na granicy polsko-białoruskiej. Najnowsze dane Straży Granicznej. RMF24. 01.11.2021. Available at: https://www.rmf24.pl/raporty/raport-stan-wyjat-kowy/news-kryzys-migracyjny-na-granicy-polsko-bialoruskiej-najnowsze-d,nId,5618260#-crp state=1 (accessed 2.11.2021).
- Deutsche Welle, (2021). Wiceprzewodnicząca PE: "Polska i Węgry zagrażają UE". 25.10.2021. Available at: https://www.dw.com/pl/wiceprzewodnicz%C4%85ca-pe-polska-i-w%C4%99gry-zagra%C5%BCaj%C4%85-ue/a-59618873 (accessed 3.11.2021).
- Do Rzeczy, (2017). Morawiecki nie odpuści sądom. "Wymiar sprawiedliwości to stajnia Augiasza, którą należy oczyścić". 9.12.2017. Available at: https://dorzeczy.pl/kraj/49738/morawieckinie-odpusci-sadom-to-stajnia-augiasza.html (accessed 28.10.2021).
- Do Rzeczy, (2021). PE wyraził solidarność z Polską, Litwą i Łotwą ws. kryzysu migracyjnego". 07.10.2021. Available at: https://dorzeczy.pl/kraj/208525/wazna-rezolucja-parlamentu-europejskiego.html (accessed 03.11.2021).
- Gazeta.pl, (2021). Kaczyński: "Zlikwidujemy Izbę Dyscyplinarną". Zapowiedział też obostrzenia dla nieszczepionych". 07.08.2021. Available at: https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114884,27422791,kaczynski-zlikwidujemy-izbe-dyscyplinarna-zapowiedzial-tez. html#e=RelArtLink(2) (accessed 28.10.2021).
- *Istel, M.* (2020). Środki dla Polski wynegocjowane w Brukseli: kwotowo więcej, procentowo mniej. Konkret24. 24.07.2020. Available at: https://konkret24.tvn24.pl/polska,108/srodki-dla-polski-wynegocjowane-w-brukseli-kwotowo-wiecej-procentowo-mniej,1024160.html (accessed 2.11.2021).
- Jurszo, R. (2021). Komisja Europejska upomina się o Puszczę Białowieską. Polsce grozi nawet 130 mln zł kary. OKO.press. 18.02.2021. Available at: https://oko.press/komisja-europejs-ka-upomina-sie-o-puszcze-bialowieska/ (accessed 2.11.2021).
- Kowalski, R. (2021). Spór o Turów w Zjednoczonej Prawicy. Ministrowie przerzucają się odpowiedzialnością. RMF24. 22.09.2021. Available at: https://www.rmf24.pl/raporty/raport-kopalnia-turow/news-spor-o-turow-w-zjednoczonej-prawicy-ministrowie-przerzucaja-,nId,5497985#crp state=1 (accessed 2.11.2021).
- Prawo.pl, (2021). TK: Prawo traktatowe Unii Europejskiej jest sprzeczne z Konstytucją RP. 7.10.2021. Available at: https://www.prawo.pl/prawnicy-sady/wyzszosc-prawa-unijnego-nad-krajowym-w-tk,510780.html (accessed 29.10.2021).
- Program Prawa i Sprawiedliwości, (2019). Polski model państwa dobrobytu. Available at: http://pis.org.pl/dokumenty (accessed 10.10.2021).
- Raport Fundacji im. Stefana Batorego, (2017). W zwarciu. Polityka europejska rządu PiS. Warszawa. Available at: http://www.batory.org.pl/upload/files/pdf/W%20zwarciu%20-%20polityka%20 europejska%20rzadu%20PiS_raport%20Fundacji%20Batorego.pdf (accessed 09.10.2021).
- Rzeczpospolita, (2021a). KE zwraca się do TSUE o nałożenie kar na Polskę. Rzeczpospolita. 07.09.2021. Available at: https://www.rp.pl/dyplomacja/art18893241-ke-zwraca-sie-do-tsue-o-nalozenie-kar-na-polske (accessed 26.10.2021).
- Rzeczpospolita, (2021b). Patryk Jaki: Musimy się nauczyć, że Unia nie jest dobrym wujkiem. Rzeczpospolita. 09.09.2021. Available at: https://www.rp.pl/polityka/art18905271-patryk-jaki-musimy-sie-nauczyc-ze-unia-nie-jest-dobrym-wujkiem (accessed 26.10.2021).
- Sierakowski, S. (2016). Nu, Kaczyński, maładiec!, in: Polityka. № 5. S. 20–21.

- TVN24, (2021). Europosłowie o kryzysie migracyjnym. "Nikt nie powinien być pozostawiony na pastwę losu w zimnym lesie". TVN24. 20.10.2021. Available at: https://tvn24.pl/swiat/migranci-na-granicy-z-bialorusia-parlament-europejski-debata-na-temat-sytuacji-na-graniach-unii-europejskiej-5459971 (accessed 3.11.2021).
- Wójcik, K. (2021). Krajowy Plan Odbudowy. Ursula von der Leyen stawia warunki dla Polski. RMF24. 28.10.2021. Available at: https://www.rmf24.pl/raporty/raport-batalia-o-sady/fakty/news-krajowy-plan-odbudowy-ursula-von-der-leyen-stawia-warunki-dl,nId,5610574#crp_state=1 (accessed 2.11.2021).
- Zakład Ubezpieczeń Społecznych (2021). Available at: https://www.zus.pl/baza-wiedzy/sklad-ki-wskazniki-odsetki (accessed 28.10.2021).
- Zygiel, A. (2021). Kierownictwo PiS przyjęło uchwałę wykluczającą "polexit". RMF24. 15.09.2021. Available at: https://www.rmf24.pl/fakty/polska/news-kierownictwo-pis-przyjelo-uchwale-wykluczajaca-polexit,nId,5484073#crp state=1 (accessed 29.10.2021).
- *Żuławiński, M.* (2020). Ile Polska dostała, a ile wpłaciła do Unii Europejskiej? Tłumaczymy". Bankier.pl. 27.11.2020. Available at: https://www.bankier.pl/wiadomosc/Ile-Polska-dostala-a-ile-wplacila-do-Unii-Europejskiej-Tlumaczymy-8009998.html (accessed 1.11.2021).

WHERE IS THE CRISIS LEADING POLAND IN RELATIONS WITH THE EU?

Oleg Yu. Mikhalev

Voronezh State University, Voronezh, Russia, e-mail: mikhalev2003@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0975-6536

Abstract. The article examines the main components of the crisis in relations between Poland and the European Union. It is shown that the desire of the ruling party "Law and Justice" in Poland to take control of the judicial system and the media has led to the raising of the issue of violations of democratic norms and the rule of law adopted in the EU. This prompted the European Commission to insist on the introduction of the rule of conditionality of the allocation of funds from the EU budget in accordance with the principle of the rule of law. Potentially, this threatens Poland with deprivation of access to EU funds. The author also analyses other factors of the crisis: financial disputes, the issue of adherence to European values and the problem of migration. In conclusion, he tries to outline the ways for the further development of relations between Warsaw and Brussels, the most realistic of which is recognized as the one in which the PiS government will continue to test the patience of Brussels, defending its positions and trying to remake the European Union for itself.

Key words: European Union, Poland, Law and Justice, rule of law, EU financial sanctions.

УДК 339.9

Алексей Дрыночкин

МГИМО МИД России, Институт Европы РАН, Россия, Москва, e-mail: drinda-hu@yandex.ru, ORCID: G-5325-2017

Пределы сохранения опережающего роста экономики стран В4 по сравнению со странами ЕС

Аннотация. В последние годы экономический рост вишеградских стран стабильно опережает средние по ЕС показатели, в том числе темпы некоторых других стран-членов Евросоюза. В сочетании с ожиданиями сохранения такого роста в будущем власти некоторых стран В4 активно пропагандируют тезис о превращении вишеградских стран в «локомотивы» европейской экономики. В связи с этим в настоящей работе изучаются экономические обоснования для реализация такого политически и эмоционально привлекательного тезиса. Исследование показало наличие некоторых потенциальных ограничений для продолжения такой динамики роста стран В4. К их числу отнесены выявленное автором замедление темпов относительного притока ПИИ в экономики вишеградских стран, проблематичность перемещения стран В4 в начальные звенья GVC (глобальных цепочек стоимости), вероятность ухудшения положения стран В4 как нетто-получателей средств из фондов ЕС, противоречивость развития человеческого капитала в странах региона.

Ключевые слова: Вишеградская группа, ПИИ, бюджет ЕС, бенефициары, трансферты, экономический рост.

© Дрыночкин А.В. — д.э.н., профессор Кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН. Drynochkin A.V. — Doctor of Economics, Professor of the Department of World Economy of the MGIMO-University, Chief Researcher of the Department of Central and Eastern Europe Studies at the IE RAS.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31799.

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31799.

Среди многих доказательств успешности системной трансформации бывших социалистических стран достаточно часто упоминается ускорение экономического роста, выражаемое показателем темпа прироста ВВП. Это утверждение вполне применимо ко многим странам, в том числе и к странам Вишеградской группы (В4). Действительно, темпы экономического роста стран Вишеградской группы в течение довольно длительного периода времени выше, чем во многих странах ЕС, и, как правило, выше среднего показателя экономического роста по ЕС.

Изучение выложенных на сайте Евростата статистических показателей роста стран В4 и среднего по ЕС показывает, что за период 1996–2019 гг. страны В4 практически ежегодно опережали средний по ЕС уровень. Так, за 24 года Польша превышала средний по ЕС показатель 23 раза! (в т.ч. 13 раз со значительным превышением, под которым в настоящей работе принято превышение на 2 п.п.), Словакия — 21 раз (с заметным превышением — 12 раз), Венгрия — 19 раз (с превышением на 2 п.п. — 9 раз), Чехия — 17 раз (с превышением — 10 раз). Конечно, помимо Вишеградских стран и другие страны Евросоюза демонстрировали похожие успехи (например, страны Балтии, Болгария, Ирландия), но они не находятся в фокусе настоящего исследования.

Объяснению этого феномена в той или иной степени и в том или ином ракурсе посвящены тонны литературы, поэтому автор считает допустимым добавить толику к этой горе.

По глубокому убеждению автора, экономика любой страны не может расти без притока ресурсов! Причём, ресурсы понимаются в самом широком смысле — и материальные, и финансовые, и трудовые, и когнитивные и т.п. Главное — требуется непосредственный приток любых из названных ресурсов. При таком подходе к факторам экономического роста следует небольшое дополнение: популярный тезис о необходимости повышения эффективности использования ресурсов для обеспечения роста экономики теряет свою универсальность, поскольку эффект от повышения эффективности имеет краткосрочный характер и в конечном счёте вынуждает к поиску дополнительных ресурсов. Т.е. повышение эффективности следует рассматривать как усиленную эксплуатацию уже имеющихся ресурсов, оказывающую лишь кратковременное влияние на рост экономики.

Возвращаясь к странам В4, стоит отметить, что они «сумели» обеспечить относительно стабильный приток средств в свои экономики. Средства поступали извне, от внешних акторов, которые благосклонно встретили процесс т.н. «системной трансформации» (а есть версии, что и сами его инспирировали).

Да, приток средств был обусловлен требованием проводить совершенно определённую экономическую политику, которая в конечном счёте сводилась к генерированию новых рынков (вероятно, можно использовать и другие термины — маркетизация или коммодификация). Большинства из них не было во время социализма (например, очевидно, не было рынка предприятий — тогда даже нельзя было думать о возможности купить-продать завод или магазин, но с началом приватизации новый рынок был не только искусственно создан, но повлёк за собой возникновение сопутствующих рынков — рынка специфических юридических услуг, оценочного рынка, лоббистского рынка и т.п.). И возникновение этих рынков, и их измеримость, естественным образом повлияла на стоимостные оценки ВВП и экономический рост.

Помимо различных способов нематериального содействия развитию стран В4 (политическая поддержка, формирование благоприятного новостного фона и т.п.) можно выделить следующие доминирующие формы притока ресурсов: помощь со стороны ЕС (программы ФАРЭ, Сапард, ИСПА), со стороны других развитых стран — меньше, но были; ПИИ. В некоторой степени формой притока ресурсов можно назвать привлечение и обучение управленческих кадров, передачу информации о принципах формирования рыночных институтов в страна В4 и т.п.

Думается, что совокупность этим форм притока ресурсов и обеспечила столь заметные темпы роста экономик стран B4.

«Привыкание к росту»

Страны В4, за годы членства в ЕС, видимо, привыкли к такому опережающему росту и рассчитывают на сохранение этого положения и в будущем. Не случайно, и в самих вишеградских странах, и во внешнем окружении стали распространяться такие определения как «локомотив» или «мотор» европейской экономики. Подобные высказывания, по всей видимости, подкрепляются ожиданиями того, что сохранится приток ПИИ в страны В4, что сохранится их позиция стран-реципиентов средств из многочисленных фондов ЕС, что сохранится эффективный менеджмент в сфере экономики (как наверху, так и на низовом уровне).

Безусловно, эти ожидания справедливо обосновываются проводимой экономической политикой в вишеградских странах, ориентированной на умелое согласование национальных интересов с мотивами иностранных инвесторов, а также на достаточно оперативную смену акцентов в целях, направлениях и инструментах инвестиционной политики. Этому можно только позавидовать. Наверное, не случайно, что австрийский институт мировой экономики (WIIW) даже «выделил» т.н. «центрально-европейское промышленное ядро» в ЕС, правда включил

в него не только В4 и Австрию, но и Германию, что заметно снизило новаторство их «открытия» (Stehrer R., Stöllinger R. 2015).

Впрочем, такой шаг австрийских исследователей в принципе мог отражать и их сомнения в отношении реальности существования такого ядра, но здесь мы вступаем на зыбкую почву домыслов и предположений.

Тем не менее, сто́ит посмотреть на вышеперечисленные формы притока ресурсов в страны В4 — ПИИ, трансферты из фондов ЕС и качество человеческого капитала (особенно с точки зрения эффективности менеджмента в сфере экономики). Акцент при этом будет делаться на возможности сохранения этих форм в будущем.

ПИИ

Об их роли в развитии экономики принимающей страны уже говорят как об «общеизвестном» факте, без предоставления доказательств. Правда, изредка появляются отдельные работы, в которых начинают критически переосмысливаться некоторые преимущества ПИИ для принимающей страны (Gorodnichenko Y., Svejnar J., Terrell K. 2013; Bobenič-Hintošová A., Bruothová M., Vasková I. 2020), но они пока не определяют мейнстрим экономической науки.

Если взглянуть на показатель величины накопленных ПИИ по отношению к ВВП для стран В4, то он выглядит пока ещё впечатляюще, достигнув за период 1990–2019 гг. довольно приличных уровней в 40–70%. Но интенсивность роста этого показателя замедляется. Это особо заметно в Венгрии и Словакии, где даже можно отметить снижение этого показателя. Динамику для Польши можно охарактеризовать как стагнацию. Про Чехию ещё можно говорить, что уровень накопленных ПИИ по отношению к ВВП растёт, но средние темпы прироста уже снижаются.

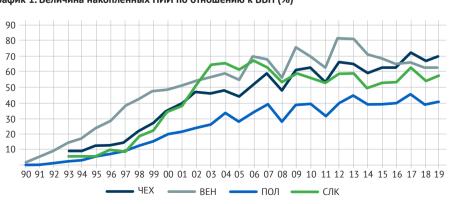

График 1. Величина накопленных ПИИ по отношению к ВВП (%)

Источник: рассчитано с помощью базы данных ЮНКТАД

Это позволяет поставить вопрос о приближении порога насыщения иностранными инвестициями в странах В4. Думается, неслучайно, что доля всех постсоциалистических стран, среди которых страны В4 занимают не самое последнее место, в мировых инвестиционных потоках составляет примерно 6% (Global Foreign Direct...). Эта цифра явно не выглядит впечатляюще, но для их масштаба, вероятно, достаточно. Если на секунду допустить, что эта доля вдруг вырастет до 60%, то страны В4 могут просто «захлебнуться» в таком мощном потоке. К разрушающим экономическое развитие факторам можно будет отнести резкий рост внутренних цен, снижение стоимости национальной рабочей силы, снижение жизненного уровня, скорее всего мощная дифференциация по доходам, вероятны проблемы бюджетной сбалансированности.

Кроме того, для стимулирования притока ПИИ надо поддерживать «привлекательный инвестиционный климат» и участвовать в конкуренции с соседями по региону. Но продвижение стран В4 в многочисленных рейтингах привлекательности крайне небольшое, и на ведущие места они не выдвигаются.

Например, один из многочисленных индексов привлекательности стран GFICA (Global FDI Country Attractiveness index)¹ показывает, что за 2013-2020 гг. страны В4 нисколько не изменили своей положение в рэнкинге: Чехия стабильно занимает только два места — 24 и 25-е, Венгрия циркулирует в районе 31-го места, Словакия — в районе 36-го места. Пожалуй, только Польша показала некоторый, но очень скромный рост — с 36-го до 32-го места (Global Foreign Direct...). Если же обратиться к более авторитетному индексу, например, к индексу Всемирного экономического форума, то продвижение стран В4 в рэнкинге по этому индексу не производит хорошего впечатления (см. табл.1).

Таблица 1. Динамика изменения места стран В4 в индексе конкурентоспособности ВЭФ

	04-05	90-50	20-90	60-80	09-10	10-11	11-12	12-13	13-14	14-15	15-16	16-17	17-18	18	19	20
ПОЛ	60	51	48	51	53	46	39	41	42	43	41	36	39	37	37	_
ЧЕХ	40	38	29	33	33	31	36	39	46	37	31	31	31	29	32	_
СЛК	43	41	37	41	46	47	60	71	78	75	67	65	59	41	42	_
BEH	39	39	41	47	62	58	52	60	63	60	63	69	60	48	47	_

Источник: https://www.weforum.org/

Индекс рассчитывается инициативной группой экономистов, представляющих различные научные организации, но судя по опубликованной методологии его подсчёта, выглядит достаточно убедительно. Модный в последнее время анализ участия стран в глобальных цепочках стоимости (ГЦС) также указывает на нахождение стран В4 в тех сегментах цепочки, которые недостаточно прибыльны (Pellényi G.M. 2020). Но странам В4 не хватает инновационного потенциала, поэтому они вынужденно встраиваются в доступные для них сегменты уже существующих ГЦС, которые не столь прибыльны, не говоря о том, чтобы самостоятельно создать, а заодно и возглавить новую ГЦС.

Анализ места стран в трансфертах из фондов ЕС показывает, что до настоящего времени они являются нетто-бенефициарами. Например, по данным Евростат за 2019 г. Польша внесла в бюджет ЕС 4,2 млрд евро, а получила возможность для трансфертов на сумму 12 млрд евро; Венгрия внесла 1,1 млрд евро, но может получить трансфертов на 6,2 млрд евро; Чехия внесла 1,7 млрд евро, а величина потенциальных трансфертов — 5,3 млрд евро; Словакия внесла 0,8 млрд евро, получила 2,3 млрд евро. При ранжировании всех стран ЕС по величине нетто-трансфертов 1-е, 2-е и 4-е места в 2019 г. заняли, соответственно, Польша, Венгрия и Чехия (Словакия — 9-я) (Eurostat. Database...).

Вопрос в том, насколько долго продлится такое положение. Для определённых сомнений в долговечности «бенефициарности» стран В4 имеются некоторые основания.

Во-первых, смысл выделения трансфертов из бюджета ЕС отстающим странам, к каковым пока ещё относятся страны В4, состоит в том, чтобы как минимум «дотянуть» их до среднего по ЕС уровня, а как максимум — превзойти этот уровень. Но тогда они превратятся в доноров, что руководству этих стран может не понравиться. По крайней мере министр финансов Венгрии М. Варга уже заявил, что если Венгрия превратится в донора ЕС, то может быть рассмотрен вопрос о выходе из этого объединения (Kiléptetné Magyarországot...).

Во-вторых, практика выделения трансфертов странам ЕС всё в большей степени идеологизируется, т.е. ставится в зависимость от соблюдения реципиентами неких общеевропейских ценностей, которые, похоже, всё больше становятся похожими на догмы. И в этих условиях некоторые из стран В4, пытающиеся реализовывать собственное ви́дение этих европейских ценностей, могут стать заложниками еврократов (европейских бюрократов).

И наконец, самый субъективный момент: перспективы сохранения высокого качества человеческого капитала, необходимого для поддержания высоких темпов экономического роста (в виду крайней обширности этой темы, будут рассмотрены только некоторые её аспекты).

Первый из них: демократия как ограничитель экономического роста. Безусловно, в такой формулировке этот тезис явно противоречит широко

распространяемому западными экономистами взгляду о всегда позитивной роли демократического устройства общества в экономическом развитии. Видимо, времена изменились, и требуется более критический взгляд на универсальный характер этого тезиса. Цепочка авторских аргументов выглядит следующим образом: пришедшая в результате очередных выборов партия определяет экономическую политику, которая с большей и меньшей степенью проводится достаточно последовательно. Речь даже не о выполнении предвыборных обещаний, о которых зачастую быстро забывают, а о формировании относительно стабильных правил ведения хозяйственной деятельности, контролируемых т.н. «элитой» и в какой-то части согласованных с внешними акторами. → Если в результате очередных выборов побеждает оппозиция, то происходит смена «элит», смена экономического кабинета, смена установленных предыдущим победителем правил, и т.п. \rightarrow Неизбежный в этом случае организационный хаос, особенно заметный, когда идеологические установки победителей заметно расходятся с установками оппозиции, тормозит экономический рост.

Да, конечно, это условная схема, имеющая массу разновидностей и ограничений. Применительно к странам В4 она работает не на 100% (беглый анализ взаимосвязи характера экономической политики и характера пришедших к власти политических сил в странах В4 не показывает существенной корреляции), но нельзя и полностью исключить вероятность появления такого сочетания внутренних и внешних факторов, которое сделает этот тезис абсолютно работающим.

Второй тезис: образование — важный фактор экономического роста, но ненадёжный. По поводу значимости образования спорить не будем, так как масса теоретических и эмпирических исследований подтверждают этот факт. А насчёт надежности возникают сомнения. Например, в странах В4, т.е. в демократических странах с открытой экономикой, эффективность национальных расходов на подготовку грамотных специалистов снижается за счёт их (в том числе потенциального) отъезда из страны, чтобы присоединиться к международным исследовательским центрам и корпорациям. В итоге доступный человеческий капитал в стране сокращается (Data and politics...)

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о наличии потенциальных ограничивающих факторов экономического роста стран В4 (в частности, размеры и структура их экономик не позволяют постоянно наращивать степень привлекательности стран В4 перед иностранными инвесторами; членство в ЕС накладывает дополнительные ограничения в развитии суверенной экономической политики). При этом определение вероятности реализации их отрицательного потенциала представляет важную задачу в будущих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- A Global Foreign Direct Investment Country Attractiveness Index. Available at: http://www.fdiattractiveness.com/ (accessed 05.05.2021).
- Bobenič Hintošová, A., Bruothová, M., Vasková, I. (2020). Does Foreign Direct Investment Boost Innovation? The Case of the Visegrad and Baltic Countries, in: Quality innovation prosperity kvalita inovácia prosperita. № 3(24). pp. 106-121. DOI: 10.12776/qip.v24i3.1519
- Eurostat. Database. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/data/database (accessed 05.05.2021).
- Feledy, B. (2021). Data and politics: V4 at crossroads? Visegrad.info. 23.02.2021. Available at: https://visegradinfo.eu/index.php/v4-mirror/618-data-and-politics-v4-at-crossroads (accessed 05.05.2021).
- Gorodnichenko, Y., Svejnar, J., Terrell, K. (2013). When Does FDI Have Positive Spillovers? Evidence from 17 Transition Market Economies. Discussion Paper № 7824. Institute for the Study of Labor.
- Kiléptetné Magyarországot az EU-ból Varga Mihály? Index.hu. 12.08.2021. Available at: https://index.hu/gazdasag/2021/08/12/varga-mihaly-eu-kilepes-unios-forras/ (accessed 05.05.2021).
- Pellényi, G.M. (2020). The Role of Central & Eastern Europe in Global Value Chains: Evidence from Occupation Level Employment Data. European Commission, Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Economic Brief 062.
- Stehrer, R., Stöllinger, R. (2015). The Central European Manufacturing Core: What is Driving Regional Production Sharing? FIW-Research Reports 2014/15, № 2. Available at: https://fiw.ac.at/fileadmin/Documents/Publikationen/Studien_2014/Studien_2014_adapted_file_names_stoellinger/02_Stoellinger_FIW_Research_Report_The_Central_European_Manufacturing_Core_What_is_Driving_Regional_Production_Sharing.pdf (accessed 05.05.2021).

LIMITS FOR PRESERVING THE ADVANCED GROWTH OF V4 COUNTRIES ECONOMY IN COMPARISON WITH THE EU COUNTRIES

Alexey V. Drynochkin

MGIMO-University, Institute of Europe of Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: drinda-hu@yandex.ru, ORCID: G-5325-2017

Abstract. In recent years, the economic growth of the Visegrad countries has consistently outpaced the EU average, including the pace of some other EU member states. In combination with the expectations that such growth will continue in the future, the authorities of some B4 countries are actively promoting the thesis of the transformation of the Visegrad countries into "locomotives" of the European economy. In this regard, this paper explores the economic rationale for the implementation of such a politically and emotionally attractive thesis. The study showed that there are some potential constraints to the continuation of such growth dynamics for the B4 countries. These include identified by the author the slowdown in the relative inflow of FDI into the economies of Visegrad countries, the problematic movement of the B4 countries to the initial links of the GVC (global value chains), the likelihood of a worsening position of the B4 countries as net- recipients of transfers from the EU funds, the contradictory development of human capital in the countries of region.

Key words: Visegrad Group, FDI, EU budget, beneficiaries, transfers, economic growth.

Никита Гусев

Трансформационные революции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Взгляд тридцать лет спустя

Падение коммунистических режимов/режимов «народных демократий» в Центральной и Юго-Восточной Европе не перестает быть актуальной темой исторических и политологических исследований. Со временем открываются не только новые источники, повествующие о данных событиях, но и становятся ясны итоги произошедших преобразований, что позволяет ретроспективно переоценить революции конца 1980-х. По этой причине нет и безоговорочно принимаемой характеристики данных перемен.

Организаторы конференции в Институте славяноведения РАН «Идейно-политические противостояния в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1989–2019 гг. Дилеммы и решения», предложили свою характеристику, отраженную в подзаголовке — «К 30-летию трансформационных революций». По итогам мероприятия была подготовлена коллективная монография¹, в предисловии к которой ответственный редактор издания К.В. Никифоров объяснил причину выбора именно такого термина. В историографии чаще всего революции называют «бархатными», подчеркивая их ненасильственный характер, но авторы труда вводят свое название, ставя во главу угла цель революций, а не способ их осуществления (С. 9–10)².

Такая постановка вопроса, безусловно, вызывает интерес, поскольку исследовательский фокус смещается с описания хода событий на анализ

- © **Гусев Никита Сергеевич** кандидат исторических наук, учёный секретарь, Институт славяноведения РАН. E-mail: qusevns@qmail.com
- Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 400 с. (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 2).
- 3десь и далее в скобках указаны страницы коллективной монографии.

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

надежд и целей политических элит и обществ в целом, их соответствие воплотившейся реальности. Однако подобный взгляд всегда субъективен, и велика вероятность создания однобокой картины. В данной монографии подобного удалось избежать, поскольку среди авторов разделов — представители российских и зарубежных организаций, в том числе и очевидцы событий. Второй сложностью поставленной в монографии проблемы является необходимость всестороннего освещения процессов. Потому нельзя не отметить еще одно достоинство труда — наличие среди авторов историков-страноведов, историков-международников, политологов, экономистов, журналистов. В то же время монография не рассыпается на серию очерков, очевидно лишь деление на два региона, что обусловлено спецификой процессов.

Однако первая глава, написанная К.В. Никифоровым и включенная в раздел «Трансформационные революции в странах Центральной Европы: модели и их реализация», в действительности соотносится со всей книгой. Описываемый в ней процесс характерен для всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы, переживших транзит, — рост национализма в тот момент, когда демократические идеи уже приобретают массовость, но еще не одержали победу. Автор обоснованно это характеризует как «одну из очевидных закономерностей демократических трансформаций» (С. 22).

Вторая глава открывает раздел о трансформационных революциях в Центральной Европе. Она описывает явление надгосударственного характера — Вишеградскую четверку. Автор главы Л.Н. Шишелина оценила ее как «наиболее очевидную удачу всего переходного периода в этой части Европы» (С. 26). Действительно, лишь состоявшиеся во всех смыслах государства могли пойти на подобное объединение, благодаря чему противостоят диктату Брюсселя. Это ярко подчеркивает разницу между двумя исследуемыми в монографии регионами — на Балканах сильнее центробежные, нежели центростремительные силы, а о реальных попытках выступить против воли ЕС нет и речи.

Главы с третьей по пятую посвящены наиболее «строптивому» члену Евросоюза в регионе — Венгрии. На примере противостояния политике ЕС в отношении миграции Б.Й. Желицки показал отношение современного венгерского руководства к навязываемой из Брюсселя трактовке федерализма и его стремление сохранить суверенитет в рамках союза. При чтении текста складывается впечатление, что автор выступает на стороне В. Орбана в его борьбе с диктатом «неолиберального чиновничества в Брюсселе», однако приведенные данные социологических измерений показывают, что и большинство населения Венгрии разделяет взгляды своего премьера (С. 46–48). В четвертой главе О.Г. и С.О. Воло-

товы развили тему внешней политики Венгрии при В. Орбане. Однако они не только показали, в чем венгерское руководство не соглашается с ЕС, но и почему — Будапешту удается ловко лавировать между другими глобальными игроками — Китаем, США и Россией. Если с первой упомянутой державой развивается сотрудничество, пусть и нервируя Брюссель, то второй Венгрия фактически подчинилась, приняв навязанные условия сотрудничества в военной и экономической сферах. Отношения же с Москвой не отличаются ясностью и стабильностью. Несмотря на заявления о неэффективности санкций, правительство В. Орбана не делает на этом направлении шагов, серьезно противоречащих политике ЕС и НАТО.

Однако для проведения независимой внешней политики необходимо иметь прочную экономическую базу, формирование которой показал Ф.Е. Лукьянов. Венгерский «НЭП» («неортодоксальная экономическая политика»), как автор главы характеризовал действия В. Орбана в этой сфере, позволил избавиться от зависимости от МВФ, обеспечить энергетическую независимость и стать крупнейшим в Центральной и Юго-Восточной Европе производителем автомобилей. Продуманная инвестиционная стратегия привела к тому, что 85% ВВП страны составляет экспорт. Хотя, как признает Ф.Е. Лукьянов, одна из причин инвестиционной привлекательности страны — низкие зарплаты, а, следовательно, и невысокий уровень жизни. К тому же над страной нависает внешний долг. Хотя при этом позитивная тенденция очевидна.

Менее радужно описана Л.Н. Шаншиевой трансформация ГДР в рамках единой Германии. Изначальное неравенство сложившейся структуры экономики, на востоке лишенной крупных центров экономического развития, не было преодолено, чему вдобавок помешали внешнеэкономические факторы. В итоге экономические показатели двух частей страны значительно отличаются, что демонстрирует провал «универсальной модели трансформации постсоциалистического общества» — заимствования политических и экономических институтов. Причина тому, как указывает Л.Н. Шаншиева, в том, что интеграция двух самостоятельных систем даже в условиях их неравноправия приводит к формированию новой системы (С. 101).

Блок «польских» глав демонстрирует аналогичный венгерскому процесс прихода к власти консервативных сил. О.Б. Неменский описал весь спектр этого политического направления, от респектабельных наследников Ю. Пилсудского и Р. Дмовского до маргинальных неоязычников. По его мнению, причина их успеха — несовпадение ожиданий населения, базирующихся на довоенных воспоминаниях о Европе, и реальности, которая включает в себя и принципы современного либерального общества. «Насаждение Западом новых антитрадиционных ценностей (права сек-

ВИШЕГРАДСКАЯ EBPOПА. № 2.2021

суальных и прочих "новых меньшинств", толерантность, открытое общество и т. д.) в весьма консервативном и католическом польском обществе вызывает ответную реакцию», — считает О.Б. Неменский (С. 104). Согласен с ним и О.Ю. Михалев, сосредоточивший внимание уже на правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) и причинах успеха ее евроскептической политики: «Можно утверждать, что немалая часть польского общества, не разделяя ценностей ЕС, поддерживает его только потому, что связывает с ним надежды на экономическое благополучие» (С. 130). Однако, как он добавляет, евроскептицизм ПиС не только сущностного, но и политического происхождения — он обусловлен противостоянием с крупнейшим объединением либерального толка — «Гражданской платформой».

В то же время в борьбе с либеральной частью элиты ПиС часто блокировалась с католической церковью. Роли в политике этого немаловажного в Польше фактора посвятил главу В.В. Волобуев. Он подробно описал динамику взглядов церкви, ее влияние на принятие политических решений и пришел к выводу о том, что от защиты прав человека она перешла на позиции критики европейских ценностей и защиты морали, существовавшей до Второго Ватиканского собора (С. 152).

Э. Ворачек в 10 главе обратился к начальной стадии трансформационных революций в поиске ответа на вопрос: почему в Чехии не возникло левой альтернативы либеральной трансформации. Хотя он и отмечает, что имела место «эскалация критического отношения ко всему, что связывалось с предшествовавшим развитием Чехословакии», главную причину видит в ином: «В ситуации тотального дефицита времени у левых сил отсутствовали возможности для концептуальных разработок предстоявшей системной трансформации» (С. 178). Хотя, заметим, откат к посткоммунистическим силам в других странах региона переходил именно потому, что они предлагали концептуально старое, лишь перелицевав политические лозунги и отказавшись от слова «коммунистическая». Однако в Чехии все выглядело иначе. Местные социал-демократы (ЧСДП), одна из влиятельнейших сил страны, не являются наследникам компартии. С преемниками последней (КПЧМ) они и вовсе отказываются сотрудничать. А вместо этого ЧСДП создала коалицию с главным политическим противником — ГДП, подписав в 1998 г. т.н. «Оппозиционный договор», нацеленный на сохранение стабильности в политической системе страны, а через два года — Патент толерантности. Данное следствие трансформационной революции рассмотрено Э.Г. Задорожнюк. По ее мнению, созданная стабильность в стране способствовала вступлению Чехии в европейские и евроатлантические структуры: «В целом Оппозиционный договор можно трактовать как своеобразный "пропуск"

ЗИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

в НАТО, а Патент толерантности — соответственно, в ЕС» (С. 195). Хотя само действие документов вскоре истекло, заложенный стиль решения проблем сохранился. Формально это воплощено в новом коалиционном соглашении 2018 г., в действительности же установившаяся на рубеже веков практика оказывала влияние все первые десятилетия XXI в. Благодаря этому, на зависть соседям Чехия сохраняла высокие темпы экономического роста, несмотря на жаркие политические баталии.

РЕЦЕНЗИИ •

И все же иногда они прорываются по неожиданным поводам, загоняя правительство в тупиковое положение. Таковым стал вопрос о переносе памятника маршалу И.С. Коневу, детально изученный В.В. Трухачевым. Признавая двойственность позиции руководства страны, автор указывает, что в районе, откуда мемориал был удален, «антироссийские партии и кандидаты даже популярнее, чем по столице в целом» (С. 203), потому не стоит видеть в данном казусе начало антироссийской истерии в Чехии. Более того, реакция внутри страны на данные действия администрации района Прага 6 показала раскол в обществе по поводу политики в отношении России. Впрочем, после событий апреля 2020 г. есть основания для пересмотра этих выводов.

Несколько не на своем месте, как представляется, оказалась 13 глава,

верность заявленного в предисловии тезиса о том, что «страны Центральной и Юго-Восточной Европы еще долго сохранят свое типологическое отличие и друг от друга, и еще больше — от "старой Европы"» (С. 11).

Проявляется это и в тематике. Если первая половина книги начинается с рассмотрения отношения правительств и обществ к миграции, то вторая — с межнациональных отношений и спорных регионов.

И.С. Путинцев проследил особенности политического процесса в Трансильвании и влияние на него фактора венгерского меньшинства. При этом, как это нередко встречается в балканском регионе, главный вопрос — вопрос о создании венгерской автономии не решаем, поскольку «перспективы компромисса не существует, в силу чего неудовлетворенность существующим положением сохраняется» (С. 239). Трансильванский вопрос оказывает свое влияние и на румынско-венгерские межгосударственные отношения, что показано в 17 главе А.С. Стыкалиным. Автор хотя и заключает, что несмотря на успешное развитие двусторонних экономических отношений, возникают конфликты, объясняемые «кардинальным различием подходов к вопросам исторической памяти об общем прошлом венгров и румын», но приходит к позитивному выводу. По его словам, «взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии тесного экономического сотрудничества», общность интересов в деле евроинтеграции будут способствовать преодолению «возникающих конфликтов» (С. 299). Впрочем, оптимизм А.С. Стыкалина по отношению к Румынии вполне может показаться избыточым после чтения главы 16, написанной Н.Н. Морозовым. Он пунктирно, может быть даже излишне пунктирно, показал несостоятельность и путь к несостоятельности данного государства, виной чему как раз выступает поведение политических элит, должных действовать прагматично. «Очевидно, что интересы политиков и избирателей расходятся все сильнее, ожидания румын от будущего становятся все более пессимистическими», — отмечает автор в качестве итогов трансформации (С. 268). А потому неудивительны и пересмотр всего советского периода, определенный евроскептицизм населения, а вместе с ним — откат к национализму. Впрочем, справедливости ради, нужно отметить интенсивный экономический рост Румынии, особо заметный на фоне соседей. Динамика ВВП стран региона приведена А.А. Александровой (С. 365, 371).

Последующие главы данного раздела свидетельствуют, что Румыния — яркий пример итогов трансформации в регионе, но отнюдь не исключение. Так, для Хорватии важное место в ходе транзита занимала политика «примирения», описанная А.А. Пивоваренко. Страна, исторически восходит и к государству усташей, и к государству коммунистов. Это сказалось на целостности общества, в силу чего первому президенту Ф. Тунджману для создания прочного государства пришлось выработать ряд идеологических аксиом, способных привести к компромиссу «правую» и «левую» группировку внутри элиты. Однако, как отмечается, анализ реализации данной политики «позволяет говорить о сохранении по этим вопросам общественного несогласия, а возможно, и напряженности» (С. 351).

А в Черногории политическая система развивалась под влиянием внешних факторов. Хотя, как утверждает автор главы Я.Н. Смирнов, в Югославии все важные события тогда проходили «в основном под руководством или с санкции Вашингтона», М. Джуканович сумел добиться власти в том числе и при поддержке Москвы, которая для местного электората играла важную роль (С. 359). Сколь коротка оказалась благодарность черногорского правителя нам в 2020 г. уже известно, и это тонко подчеркнул Я.Н. Смирнов, назвав его «так называемым надежным партнером».

РЕЦЕНЗИИ •

В то же время 19 глава показывает, что идеальных обобщений не бывает. На примере процесса демократизации, в итоге приведшего к независимости и трансформации, Словения показывает свою инаковость по отношению к региону. Даже национализм ее политических элит, как отмечает Н.С. Пилько, «имел весьма спокойную и, если так можно выразиться, "интеллигентную" форму» (С. 319). Возможно, причиной тому и водораздел, существовавший исторически, а не географически — Словения была частью Австро-Венгрии, а не Османской империи, и, как указала Н.С. Пилько, «идея принадлежности к европейской демократической традиции» укоренилась в головах местной политической элиты (С. 330).

Заключительные главы показывают, что в поисках объяснения причин различий не обязательно обращаться к дебрям истории даже вековой давности. Процессы в Греции являются синкретизмом процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе. С одной стороны, страна активно развивалась экономически, ее ВВП превышал суммарный ВВП соседних посткоммунистических стран, что наглядно показано А.А. Александровой в виде графика (С. 365). В связи с этим Греция выступала в роли интегратора Балкан в ЕС. С другой стороны, успешно реализовать свои планы в этой роли она не сумела, к тому же ввязалась в конфликт из-за названия современной Северной Македонии, что ударило по ее репутации в ЕС. А финансовый кризис, как отмечает А.А. Александрова, подорвал позиции Афин, и «прежде ключевая для ЕС и НАТО страна региона была отброшена на периферию, а на ее место лидера стали претендовать другие государства, такие как Румыния и Болгария» (С. 373). Данная глава лишний раз доказывает наличие разницы между странами, бывшими на орбите влияния СССР и США. Но неудача в реализации предоставленных возможностей и возвращение в один ряд с соседями дают право утверждать, что т.н. балканская матрица действительно диктует правила развития, и балканская «колея» оказалась глубже и прочнее, нежели евроатлантическая.

Написанная И.М. Мамедовым глава о Турции, показывает, сколь осторожно в 1990-е гг. сильный региональный игрок мог действовать в

фарватере евроатлантической политики, постепенно укрепляя позиции, что в дальнейшем ему позволило фактически открыто конфликтовать с Европой в целом. Однако здесь нельзя не отметить крайнюю неудачность применяемого автором термина «Третья Балканская война» в отношении событий, связанных с распадом Югославии. Автор указывает, что «в эти конфликты так или иначе были вовлечены не только республики Югославии, но и соседние страны, а также государства, находящиеся за пределами Балкан» (С. 375), и видит в них желание Европы раздробить Балканы по аналогии с вытеснением Османской империи из региона в начале XX в. Здесь необходимо выдвинуть несколько аргументов против такой трактовки. Во-первых, за пределы Югославии вооруженные конфликты не вышли, а вовлеченность соседей и сильных международных игроков характерна почти для всех масштабных событий. По этой логике Третьей балканской войной можно считать и Гражданскую войну в Греции 1944–1949 гг. Во-вторых, различны цели участников событий в 1912–1913 гг. возникло лишь одно новое государство, остальные же стремились к присоединению территорий и объединению с соплеменниками. В 1990-2000-е гг. же шел процесс национального обособления. В-третьих, ставшая привычной стигматизация Балкан, которую усиливает термин «Третья Балканская война», не позволяет объективно оценивать процессы в регионе, где существуют более «спокойные» Греция и Болгария, а потому нуждается в аккуратном пересмотре.

В целом второй раздел монографии нельзя признать столь же удачным, сколь и первый. Во-первых, следует отметить его рыхлую структуру. Это объясняется количеством стран, каждой из которых невозможно уделить столь же полное внимание, как это сделано в первом разделе. Так, если бы трансформационные революции в странах бывшей Югославии были рассмотрены так же, как процессы в Польше и Венгрии с трех точек зрения, то и так не маленькая монография превратилась бы огромный труд. Но оказались вовсе не описаны процессы в Боснии и Герцеговине, Болгарии и Северной Македонии, а глава, посвященная Сербии, дает мало информации о том, каковы были ожидания и итоги трансформационной революции в стране. В ней описаны взгляды М. Джиласа на происходившие перемены. Ему удалось предсказать некоторые результаты транзита, однако даже при очевидной симпатии автора текста к фигуре политического деятеля заметно, на какой далекой периферии процессов находился М. Джилас.

Одной из важных причин лакун в описании региона, конечно, является дефицит специалистов по отдельным государствам Балкан. Впрочем, отметим, что перед данной книгой и не могла стоять задача описания всей современной истории всех стран Центральной и Юго-Восточной Ев-

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.202

ропы, поскольку в прошлом году Отдел современной истории Института славяноведения РАН уже подготовил и опубликовал такой труд³.

Потому указанный недостаток не снижает значимость труда, целью которого было на примере отдельных процессов показать особенности трансформационных революций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В качестве достоинств отметим и аккуратную, но емкую разницу в названиях разделов. Первый имеет подзаголовок «Модели и их реализация», второй — «Ожидания и итоги». Это в полной мере отражает прагматизм и последовательность политического развития в Центральной Европе, и не всегда последовательность и не везде удачность — в Юго-Восточной.

Чтение книги приводит еще к двум заключениям о разнице между странами региона. В первом разделе описаны государства, воспользовавшиеся своим историческим шансом и состоявшиеся в полной мере, пусть и скатывающиеся в евроскептицизму. Во втором же — страны, все более удаляющиеся от европейских образцов, но в то же время покорные директивам из Брюсселя (за исключением Турции, естественно). Вдобавок, очевидна и разница в межэтнических проблемах. В первом случае они связаны с наплывом мигрантов, во втором — со старыми географическими и этническими спорами. Это позволяет констатировать с большой долей уверенности — в Центральной Европе есть шанс решить свои проблемы мирно, в Юго-Восточной — нет.

CONTENTS

2021 № 2 (X)

4 To the Reader

VISEGRAD INTERVIEWS

5 Contemporaries about the "Velvet Revolutions" Interview with Géza Jeszenszky

CENTRAL EUROPEAN DISCUSSIONS

The April Crisis in Russian-Czech Relations and its Consequences for Russian Relations with Central Europe Countries

Based on the materials of the international round table of the RIAC and the Visegrad Center of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences

TERRITORY OF HISTORY

Maxim SAMORUKOV

52 Not a Place for Gestures. How to Return the Sense in the Historical Dialogue of Russia and Poland

CENTRAL EUROPE TODAY

Rafał LISIAKIEWICZ

The Influence of Integration Processes on Relations Between Minor and Major Players.

A Case Study of Polish-Russian Relation

Oleg MIKHALEV

78 Where is the Crisis Leading Poland in Relations with the EU?

Alexey DRYNOCHKIN

96 Limits for Preserving the Advanced Growth of V4 Countries Economy in Comparison with the EU Countries

REVIEWS

Nikita GUSEV

Transformational Revolutions in Central and Southeast Europe.

A Look Thirty Years Later

117 ABOUT AUTHORS

Габарта Анджей Артурович — кандидат экономических наук, выпускник МГИМО МИД России. Ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН; доцент Кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. Специалист в области польско-российского двустороннего сотрудничества: экономическо-инвестиционного, приграничного и межрегионального. Соавтор учебников: «Польша: политика, экономика, общество», «Экономика стран Вишеградской группы», «Мировая экономика и международные экономические отношения», «Перспективы экономической глобализации».

Гандл Владимир — кандидат наук, старший научный сотрудник Центра европейской интеграции. Учился в МГИМО. Преподает в Институте международных исследований Факультета социальных наук Карлова университета, в прошлом также работал в Нью-Йоркском университете в Праге в качестве исследователя; также в Институте германистики Бирмингемского университета на кафедре внешней политики. Предметом его профессиональных интересов являются международные отношения с акцентом на чешско-германские отношения, их политические и исторические аспекты и внешняя политика Германии. Также он занимается политикой безопасности и долгосрочными тенденциями в отношениях Германии со странами Вишеградской группы и германороссийскими отношениями.

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института славяноведения, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, работает в Институте славяноведения с 2013 года. В 2012 году закончил кафедру истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, специализируясь в истории Болгарии. Область научных интересов — Балканские войны, русское общественное мнение в начале XX века.

Дрыночкин Алексей Викторович — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. Главный научный сотрудник Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН. Основная область научных интересов — экономические аспекты трансформационных процессов в странах Восточной Европы. Автор более 70 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий «Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков», «Экономика Венгрии», «Экономика Албании», а также глав в коллективных монографиях и Института Европы РАН («Вишеградская Европа: откуда и куда?») и Института экономики РАН.

Есенски Геза – дипломат, историк. Выпускник Будапештского университета им. Э. Лоранда. Занимался преподавательской деятельностью в Университете Корвинус. Один из основателей Венгерского демократического форума. Первый министр иностранных дел

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

постсоциалистической Венгрии (1990–1994 гг.), посол в США (1998–2002 гг.), в Норвегии и в Исландии (2011–2014 гг.). Непосредственный участник создания Вишеградской группы и Центральноевропейской инициативы. При нем Венгрия стала участником Соглашения об ассоциации с Европейским сообществом и подала заявку на вступление в это объединение. Проводил политику по включению Венгрии в евро-атлантические структуры.

Задорожнюк Элла Григорьевна — доктор исторических наук, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Специалист по новейшей истории Чехии и Словакии (Чехословакии), а также стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Разрабатывает в сравнительно-историческом ключе проблемы общественно-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, изучает историю диссидентского и оппозиционного движений и историю «бархатной» революции в Чехословакии, занимается исследованием вопросов постсоциалистического развития Чехии и Словакии, работает в области исторической персонологии. Автор трех индивидуальных монографий, активно участвовала в написании и редактировании многих коллективных трудов.

Кратохвил Пётр — старший научный сотрудник Центра европейской политики. Изучал богословие на протестантском богословском факультете Карлова университета, международные отношения на факультете социальных наук Карлова университета и международные политические науки в Экономическом университете в Праге. Был председателем Ученого совета Дипломатической академии Министерства иностранных дел Чешской Республики и заместителем директора (2004–2013), Института международных отношений. Он сотрудничает с рядом международных академических институтов. Предметом его профессиональных интересов является прежде всего религия в мировой политике, особенно христианство в мировых делах. Но он также изучает теории международных отношений, европейской интеграции и внешней политики России. Он является специальным представителем Института международных исследований в Европейском консорциуме политических исследований (ЕСРR), членом правления Трансъевропейской ассоциации политических исследований (ТЕРSA).

Лисякевич Рафал — Ph.D, выпускник Исторического факультета Краковского педагогического университета и факультета культурологии Ягеллонского университета. Преподаватель кафедры политических наук Краковского экономического университета. Специализируется на вопросах внешней политики Российской Федерации, прежде всего на польско-российских и российско-европейских отношениях. Проводит исследование политических условий польско-российского экономического сотрудничества. Автор монографии «Политика России в отношении Польши в период президентства Владимира Путина (2000−2008 гг.)»

Марушьяк Юрай — Ph.D, в 1994 г. окончил Философский факультет Университета Коменского в Братиславе. С 1996 г. работает в Институте политических наук Словацкой академии наук. Был членом Президиума САН. Предметом его исследований являются история Словакии в XX в., вопросы международных отношений в регионе Центральной и Восточной Европы после 1989 г. Автор многочисленных статей в научных журналах и СМИ. Основные публикации: «Словацкая литература и власть во второй половине 1950-х гг. (Брно, 2001); соавтор коллективной работы «Дез/интеграционная сила центральноевропейского национализма» (Братислава, 2015).

Михалев Олег Юрьевич — кандидат исторических наук, выпускник Исторического факультета Воронежского государственного университета. Доцент Факультета

ЗИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

международных отношений Воронежского государственного университета. В сферу научных интересов входят проблемы современной внутренней и внешней политики Польши, ЕС в международных отношениях и международные отношения на постсоветском пространстве.

Родкевич Витольд — Ph.D, старший научный сотрудник русского отдела OSW. Имеет степень магистра истории Варшавского университета и степень Ph.D по истории Гарвардского университета. Аналитик OSW с 1998 по 2001 год и снова с 2007 года; адъюнкт-профессор Центра восточноевропейских исследований Варшавского университета. Основные научные интересы — российская внешняя политика, российская политическая мысль.

Саморуков Максим — заместитель главного редактора Carnegie.ru. С 2009 г. и до прихода в Московский Центр Карнеги работал в независимом интернет-издании Slon.ru — сначала корреспондентом, затем редактором и международным обозревателем. Основные темы его публикаций — российская внешняя политика, Центральная Европа и ее отношения с Россией, Балканы, европейский кризис, проблемы перехода к демократии.

Тимофеев Иван Николаевич — кандидат политических наук. С 2011 г. и по настоящее время — программный директор Российского совета по международным делам (РСМД). Член РСМД. С 2015 г. он также является руководителем программы «Институты евроатлантической безопасности» Валдайского клуба. До прихода в РСМД занимал должности ученого секретаря МГИМО МИД России, директора Аналитического центра МГИМО. С 2006 и до настоящего времени является доцентом МГИМО. Автор и соавтор более 80 публикаций, изданных в России и за рубежом. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительная политика», профессор Академии военных наук.

Четверикова Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектор исследований Европейского союза, сотрудник подразделения Центр европейских исследований ИМЭМО.

Шишелина Любовь Николаевна — доктор исторических наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы и Центром Вишеградских исследований Института Европы РАН. В 2004—2014 гг. — профессор кафедры общественных наук Университета им. Яноша Кодолани (Венгрия). С 2015 г. — иностранный член Венгерской академии наук. С 2007 профессор Кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ (ныне — Кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики). В 1994 г. основала постоянно действующую международную научную конференцию «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях». Автор шести книг, электронного учебника по современной геополитике и около 300 статей. Главный редактор 13 монографий об отношениях России и Центральной Европы. Эксперт РАН и РСМД. В 2010 г. награждена Рыцарским крестом Почетного ордена Венгерской Республики.

Юшков Игорь Валерьевич — ведущий аналитик Фонда национальной энергетической безопасности, эксперт Финансового университета при Правительстве РФ.

Drynochkin Alexey — Professor, Doctor of Economics, Leading researcher at Center for Visegrad Studies, RAS' Institute of Europe. He also works in MGIMO University, Department of World Economy. His main area of scientific interests is the economic aspects of transformation processes in Eastern Europe. He is the author of more than 70 scientific and educational works, including the monographs "Eastern Europe as an Element of the Global Market System", "The Economy of Hungary", "The Economy of Albania", as well as chapters in collective monographs of the Institute of Europe RAS ("Visegrad Europe: where from and where to?") and the Institute of Economics RAS.

Gusev Nikita — Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary of the Institute of Slavic Studies, Senior Researcher of the Department of the History of Slavic Peoples during the World Wars. He has been working at the Institute of Slavic Studies since 2013. In 2012, he graduated from the Department of History of South and West Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, specializing in the history of Bulgaria. Research interests — Balkan Wars, Russian public opinion at the beginning of the twentieth century.

Habarta Andrzej — Candidate of Economic Sciences, Graduate of the Department of international economic relations of MGIMO University. Associate Professor of the Department of world economy at MGIMO University, leading researcher of the Visegrad center at the RAS' Institute of Europe. Specialist in the field of Polish-Russian bilateral cooperation: economic and investment, cross-border, interregional. Co-author of textbooks: "Poland: politics, economy, society", "Economy of the Visegrad group", "World economy and international economic relations", "Prospects of economic globalization".

Handl Vladimír — JUDr., Csc. A senior associate at the Centre for European Integration. He studied at the Moscow State Institute of International Relations. He teaches at the Institute of International Studies, Faculty of Social Sciences, Charles University, and in the past also worked at the New York University in Prague, as a researcher at the Institute of German Studies, the University of Birmingham and the Foreign Policy Department of the Office of the President. The subject of his professional interest is international relations with a focus on Czech-German relations, their political and historical aspects and Germany's foreign policy, he also deals with security policy and long-term trends in Germany's relations with the Visegrad Group countries and German relationn with Russia.

Chetverikova Anna — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the European Union Research Sector, Researcher of the Center for European Studies, Primakov IMEMO.

Jeszenszky Géza — historian by education, graduated from the Eötvös Loránd University, Budapest. He taught at the University of Corvinus. One of the founders of the Hungarian

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

Democratic Forum. First Foreign Minister of post-socialist Hungary (1990–1994), Ambassador to the United States (1998–2002), Norway and Iceland (2011–2014). One of the founders of the Visegrad group and the Central European initiative. Under him Hungary joined the Association Agreement with the European Union and applied for membership in this organization. He pursued a policy of incorporating Hungary into Euro-Atlantic structures.

Kratochvíl Petr — PhD, a senior researcher at the Centre for European Politics. He studied Theology of Christian Traditions at the Protestant Theological Faculty of Charles University, International Relations at the Faculty of Social Sciences of Charles University, and International Political Sciences at the University of Economics in Prague. He lectures at Sciences Po in Paris and at the Metropolitan University in Prague. He was also the Chairman of the Academic Council of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Czech Republic and the deputy director (2004–2013) and then director of IIR. The subject of his professional interest is primarily religion in world politics, particularly Christianity in global affairs. But he also explores Theories of International Relations, European Integration and Russian Foreign Policy. He is a special representative of the IIR in the European Consortium for Political Research (ECPR), a representative of the IIR and a Board Member in the Trans European Policy Studies Association (TEPSA), vice-chairman of the Board of the IIR, and a member of several universities academic and doctoral studies councils.

Lisiakiewicz Rafał — PhD in political sciences, graduate of Historical faculty at the Pedagogical University in Krakow and faculty of Cultural studies at the Institute of Regional Studies of the Jagiellonian University. Currently he works at the Department of Political Sciences at the Cracow University of Economics. He specializes in foreign policy issues, Russian Federation politics, Polish-Russian and Russian-EU relations. He conducts research on the political conditions of economic cooperation with Russia. Becide numerous monographs he is also an author of the monograph "Russia's policy towards Poland during the presidency of Vladimir Putin (2000–2008)".

Marušiak Juraj — PhD, graduated from the Faculty of Philosophy of Comenius University in Bratislava (1994). Since 1996, he works at the Institute of Political Science of the Slovak Academy of Sciences. Had been member of the SAS presidium. His research is focused on the history of Slovakia of the 20th century and on the issues of international relations in the region of Central and Eastern Europe since 1989. Beside numerous articles in scientific journals and newspapers he had published a monograph "Slovenská literatúra a moc v druhej polovici päťdesiatych rokov" (Slovak Literature and the Power in the second half of the 50′s; Brno, Prius 2001), he is co-author of the monograph «(Dez)integračná sila stredoeurópskeho nacionalizmu» (The (Dis)integration Power of Central European Nationalism: A Study of the Visegrad Group Countries; Bratislava, Comenius University 2015).

Mikhalev Oleg — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. He teaches at the Department of International Relations and World Politics, Faculty of International Relations, Voronezh State University. In 2006–2007 interned at the Institute of History of the University.
 A. Mickiewicz (Poznan, Poland). His research interests include problems of modern domestic and foreign policy of Poland, the European Union in international relations, and international relations in the post-Soviet space.

Rodkiewicz Witold — PhD, Adjunct-Professor at the Centre for East European Studies, University of Warsaw; senior Researcher of the Russian Department of OSW. He holds a Master's degree in History from the University of Warsaw and a Ph.D.D in history from Harvard University. His main research interests are Russian foreign policy, Russian political thought.

ЗИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

Samorukov Maxim — deputy editor of Carnegie.ru. Before joining Carnegie in 2015, Samorukov worked for the independent news website Slon.ru for five years. He started as a correspondent and then became an editor and international columnist, covering topics including Russian foreign policy, Central Eastern Europe and its relations with Russia, Balkans, and the challenges of transition to democracy.

Shishelina Lyubov — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Central and Eastern European studies and the Visegrad center at the RAS' Institute of Europe. Leading Russian specialist in Hungary and Visegrad region. Since 1984 works at the Academy of Sciences, (in IE RAS from 2006). Between 2004 to 2014 — Professor of the Chair of Social Sciences at Kodolányi János University (Hungary). Since 2007 — Professor of the Department of World politics and international relations at Russian State University of Humanities. Foreign member of the Hungarian Academy of Sciences (2015). In 1994 she founded the permanent international scientific conference "Russia and Central Europe in new geopolitical realities". From 2012 is the editor of the Special issue on the Visegrad Europe of IE RAS journal "Sovremennaja Evropa". She is the author of six books, an electronic textbook on modern geopolitics and around 300 articles. Editor-in-chief of 13 monographs on relations between Russia and Central Europe, expert of the Russian Academy of Sciences and Russian Council on International Affairs. In 2010 she was awarded the Knight's Cross of the Hungarian State Order.

Timofeef Ivan — PhD (political science), a Director of Programs at the Russian International Affairs Council (RIAC) since 2011. RIAC member since 2016. Since 2015 he also heads a "Euro-Atlantic Security" program at Valdai Discussion Club. Before joining RIAC, Dr. Timofeev was the Head of Analytical Monitoring Center and Associate Professor at MGIMO-University (2009–2011). He was awarded a doctoral degree in Political Science at MGIMO in 2006. He has a Master of Arts in Society and Politics (Lancaster University and Central European University, 2003) and a B.A. in Sociology (Saint-Petersburg State University, 2002). Dr. Timofeev is an author and co-author of more than 80 publications, issued in Russian and foreign academic press. He is a member of editorial board at the "Comparative Politics" — an academic journal on foreign policy and political science. In 2013 Dr. Timofeev was elected as a Professor of the Academy for Military Science.

Yushkov Igor — leading analyst of the National Energy Security Fund, expert of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Zadorozhnyuk Ella — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Contemporary History of Central and Southeastern Europe. Historian, specialist in the contemporary history of the Czech Republic and Slovakia (Czechoslovakia), as well as countries of Central and Southeast Europe. She analyzes in a comparatively historical manner the problems of sociopolitical development of the countries of Central and South-Eastern Europe, studies the history of the dissident and opposition movements and the history of the "Velvet" revolution in Czechoslovakia, studies the post-socialist development of the Czech Republic and Slovakia, works in the field of historical personology. The author of three individual monographs, actively participated in the writing and editing of collective works.